

ИТОРЬ ОЗЕРОВ

ИТРЫ

ПАТРИОТОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Озеров

Игры патриотов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69232546

SelfPub; 2023

Аннотация

Колесо Сансары – круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой. Одно из основных понятий индийской философии. Говоря проще, пока человек живёт несправедливой жизнью, он не может вырваться из мучительного цикла перерождений, и ему суждено мучиться, принимая иллюзорный мир за реальность. Иногда кажется, что моя страна попала в этот страшный круг. Сменяются эпохи, а Россия, будто слепой заблудившийся странник, кружит по отравленному болоту под пение сладкоголосых птиц – Сирина и Гамаюна. Как вырваться из этого? Наверное, для начала перестать врать самим себе. Об этом книга. Она из двух частей. Первую я написал в 2021 году и, может быть, кто-то её прочитал. Между событиями первой и второй частей прошло два года. Герои книги пытаются изменить свою жизнь, изменить страну... Одним кажется, что это уже невозможно, кто-то считает, что шанс есть всегда...

Игорь Озеров

Игры патриотов

Часть 1

Пролог

Паспортный контроль в аэропорту Домодедово Фархат прошёл быстро. Вместе с большой толпой не выпавшихся, растерянных мужчин, прилетевших в Москву из Душанбе на заработки, он вышел в зал прилета. Там сразу заметил человека с большой табличкой, на которой был нарисован ярко-красный логотип известной всему миру газированной воды, и направился к нему. Перекинувшись парой фраз, они прошли к выходу. Уже через пять минут выехали со стоянки на сером минивэне и помчались к своей цели.

– Часа за три доберёмся, – попытался завязать разговор водитель.

Но Фархат, разглядывающий в окно непривычный пейзаж, ничего не ответил, и дальше всю дорогу они ехали молча.

Вчера ему исполнилось пятьдесят пять. В небольшом таджикском горном поселке, где он родился, его семья в местном совхозе была в привилегированном положении. Отец, дед и прадед были пчеловодами, и он, закончив восемь классов, из дома переехал работать в горы на пасеку, откуда его забрали в Советскую армию. Полгода новобранцев учили хо-

дить строем, правильно заправлять кровати и один раз дали выстрелить из автомата. Сразу после такой подготовки Фархата отправили воевать в соседний Афганистан.

К моджахедам он ушёл сам, не выдержав издевательств старослужащих. Из одной армии он попал в другую, где всё было гораздо серьёзнее. Его опять направили на обучение. Теперь в Пакистан. Там он освоил сразу несколько воинских специальностей. От связиста до минёра-подрывника.

Три года он воевал против своих бывших сослуживцев. А когда СССР вывел войска из Афганистана и вскоре распался, Фархата отправили учиться в другую страну, но теперь не воинскому делу, а богословию. Но оказалось, что солдат из него получился лучше, чем проповедник, и поэтому, закончив обучение, Фархат продолжил воевать в разных странах. С небольшими перерывами его служба длилась несколько лет.

В начале двухтысячных он был тяжело ранен в Ираке. После ранения восстанавливался на средиземноморском курорте, где был задержан американцами и тайно переправлен в тюрьму на военной базе Гуантанамо.

Год назад Фархата неожиданно освободили. Сами же американцы перевезли его на военном самолете в Афганистан. Там с ним опять ежедневно – с утра до позднего вечера – занимались различные военные специалисты. Он прошёл ускоренные курсы русского языка, который уже почти забыл. Прослушал лекции о современном политическом устройстве

России. Освоил работу с российским оружием и техникой. И главное, обучился навыкам ведения боя в городских условиях.

После этого Фархат получил задание: прибыть в Россию, быстро освоиться, войти в контакт с заранее подготовленными людьми и организовать захват одного небольшого города в двухстах километрах от Москвы. Потом удерживать его как можно дольше для проверки того, как сможет среагировать на это российская армия и полиция.

Для выполнения этой миссии три дня назад он перешел афгано-таджикскую границу. Получил новые документы, билет на самолёт и рейсом Аэрофлота долетел до Москвы, где его и встретил водитель с ярко-красной табличкой.

Глава 1

О том, что зонт остался дома, Алексей вспомнил, когда пошёл дождь. Он с грустью посмотрел на небо и понял, что это на весь день. Возвращаться домой уже не было смысла и оставалось лишь ускорить шаг.

«Главное – пробежать эту часть дороги вдоль набережной, – подумал он. – Здесь бы и зонт не помог».

Резкий порывистый ветер, разогнавшись над рекой, холодными каплями дождя хлестал по лицу и срывал листву с пожелтевших деревьев. А только вчера яркое солнышко вселяло надежду, что лето ещё не кончилось и впереди много теплых дней.

Неожиданно на перекрестке рядом с ним остановился большой чёрный автомобиль, и сквозь стекло Алексей увидел за рулём своего бывшего однокурсника, который приветливо махал рукой, предлагая подвезти.

Лёша быстро забрался в тёплый, пахнувший кожей и дорогими духами салон автомобиля. На переднем сиденье рядом с приятелем сидела его жена: очень крупная и серьёзная женщина. Она работала на том же заводе, что и Алексей, но видел он её очень редко. Здание управления находилось в другом конце завода, а те, кто там работал, считали себя местной аристократией – по территории не ходили и в заводской столовой не обедали.

– Ты столько лет проектируешь реактивные самолеты, а сам всё пешком ходишь, – вместо приветствия весело сказал приятель. – Может тебе чем-нибудь другим заняться? Давай ко мне работать приходи. Уж точно денег побольше будет.

Алексей обратил внимание, как после этих слов женщина медленно и важно повернула голову и с пренебрежительной усмешкой посмотрела на супруга.

Лёша хорошо знал, что предприятие его однокурсника фиктивное. По документам оно вроде бы занималось проектными работами, но на самом деле всю основную работу делали сами заводские инженеры, а приятель через свою контору лишь выводил деньги, которые завод получал за выполнение этих государственных заказов. Эту схему организовал

новый, присланный из Москвы директор завода, а супруга Лёшиного однокурсника была в этой липовой шаражке главным бухгалтером.

– Спасибо, Гена, я уж на старом месте пока поработаю. Мне как-то привычнее, – Алексей достал платок, вытер им мокрое от дождя лицо и светлые волосы.

В свои двадцать шесть он всё еще жил с мамой в двухкомнатной хрущевке. Эту квартиру лет пятьдесят назад завод выделил его деду-токарю, фотография которого до сих пор висела на обветшалой Доске почета у заводской проходной, которую не обновляли со времен СССР.

Детский сад и школа были рядом, но в детстве Лёша больше времени проводил дома. И не только из-за того, что часто болел, но и потому, что уже в садике по причине маленького роста, чрезвычайной худосочности и неумению за себя постоять был назначен в изгой. Когда он пришел в первый класс, то встретил за соседними партами всех тех, кто дразнил его раньше. Поэтому кроме реальных болезней у него появились придуманные.

Так как больше всего мальчик Лёша любил мечтать и фантазировать, то выдумывать себе болячки и недуги, чтобы не ходить в школу, ему было нетрудно. В первом классе он внушил матери и учителям, что у него не гнутся ноги в коленях. Точнее гнутся, но при этом он испытывает сильную боль. Полгода они ходили по врачам и в школе он почти не появ-

лялся.

В следующем учебном году у него разболелась голова. И так сильно, что учителя и одноклассники забыли, как он выглядит. После того, как местные врачи не смогли найти причину заболевания, его отправили на обследование в московскую больницу.

Однажды Лёша зашёл на кухню и увидел маму, которая сидела спиной к двери, устало опустив локти на стол и обхватив голову руками. При этом плечи у неё мелко дрожали. Он тихо позвал её и, когда она повернулась, понял, что она плачет... Уже утром его ноги выздоровели и перестала болеть голова.

Но тут же Алексей приобрел одну очень реальную болезнь – патологическую правдивость. После этого отношение к нему одноклассников ещё больше ухудшилось. На вопросы учителей, кто организовал те или иные детские шалости и проказы, он всегда отвечал честно, за что был часто бит в школьном туалете.

Единственным человеком, кого он иногда всё-таки обманывал, была мама. Когда она спрашивала, откуда у него синяки, то он бодро и невозмутимо отвечал, что упал, играя в футбол. И потом мог долго и оживлённо по-мальчишески рассказывать ей про этот матч, хотя ни в какие игры его никто никогда не брал.

К старшим классам Лёша сильно вытянулся, но оставался таким же худым. Светлые, чуть вьющиеся волосы, голубые,

всегда грустные глаза и спокойный характер очень нравились девушкам. Какое-то время он не обращал на это внимания, но в десятом классе влюбился сам.

До здания управления они подъехали за пару минут.

– Ты не забыл, что тебе надо сегодня заехать в супермаркет? – спросила Гену жена низким, казалось всегда недовольным голосом, уже открыв дверь автомобиля. – Холодильник пустой. Я тебе список продуктов скину на ватсап, – она поставила ногу на землю и добавила: – И забери мой ноутбук из ремонта. Уже неделю лежит. Ничего от тебя не дождёшься.

– Дорогая, я же тоже тружусь в поте лица, – попытался оправдаться Геннадий.

Алексею было неловко за приятеля. Тот всегда пытался выглядеть перед знакомыми независимым мачо. Посещал спортзал, ездил на охоту, хорошо и дорого одевался. Всегда имел в запасе пару анекдотов. Но сейчас он выглядел обычным мужем-подкаблучником.

Супруга молча вышла из машины и закрыла дверь. Потом, подумав секунду, открыла ее и, не обращая внимания на Алексея, прошипела:

– Знаю я, на ком ты трудишься в поте лица и на кого деньги тратишь. Смотри, не прекратишь, выгоню из дома и с работы. Будешь нищим, как вот этот... твой, – она кивнула в сторону Лёши, вжавшегося в сиденье, – недоделанный при-

ятель.

Когда она, захлопнув дверь, ушла, Геннадий, нервно постукивая холеными пальцами по рулю, пытаясь показать Алексею, что слова супруги его не задели, предложил:

– А может ты сегодня не пойдешь на работу? Возьмём пива, рыбки с креветками. Баню арендуем. Найдём девчонок симпатичных. Их сейчас в интернете «пучок на пяточок», как моя бабка говорила.

– Да неспортивно это... девчонки за деньги. Да и кто меня с работы отпустит? А вот всё остальное как-нибудь организуем... После зарплаты.

– Ну, звони, не пропадай... – не стал настаивать Геннадий. – Я финансирую. Такой карнавал устроим с танцами на столе, – быстро успокоившись, вальяжно пообещал приятель.

Алексей, вспомнив лицо его супруги, поёжился, то ли вообразив её своей женой, то ли от нежелания выходить под дождь. Потом, собравшись с духом, поблагодарил бывшего однокурсника и выбрался из машины.

Гена приоткрыл в машине окно и с улыбкой спросил:

– А чего у тебя с Настей? Вы встречаетесь?

– Да как-то все... – пожал плечами, ответил Алексей. – В общем-то, встречаемся, но как-то всё неопределенно...

– Ты держись за неё, – вдруг очень серьёзно сказал Гена. – Таких девушек, как она, очень мало... А желающих забрать-ся к ней в постель полно. Включая меня...

Рассмеявшись, он, не дожидаясь ответа, закрыл окно и быстро умчался в сторону набережной.

Глава 2

Дмитрий захлопнул крышку ноутбука, резко поднялся из-за стола и подошёл к окну.

«Вот и ещё один герой попался. Революционеры мамкины...» – подумал он, но вместо удовлетворения от удачного завершения дела, почувствовал лишь досаду. Он попытался понять, откуда взялось раздражение. Промелькнула мысль, что это связано с работой, но через секунду вспомнил, как утром, когда выходил из дома, от его простого вопроса «какие планы на день», резко покраснела жена Маша. Он так и ушёл, не дожидаясь ответа.

Сейчас Дмитрий не мог понять, что нашёл в этой девушке. Первое время ему очень нравился её маленький носик, всегда широко раскрытые зелёные глаза, вызывающе вздернутая, вечно влажная верхняя губа, и главное, постоянная готовность удивляться всякой ерунде и играть роль глупой девочки. Чтобы он не рассказывал, она слушала так восторженно, будто он говорил о великом открытии, которое совершил ради неё.

Но после свадьбы она изменилась. Милая симпатичная девушка превратилась в расчётливую, постоянно недовольную сварливую женщину. По всей видимости, до свадьбы она была убеждена, что сотрудники ФСБ живут гораздо бо-

гаче, а теперь считала себя чуть ли не обманутой.

Дмитрий надеялся, что если у них появится ребенок, то Маша изменится. Но она даже слушать об этом не хотела. «Мы ещё сами не пожили как следует и такую кабалу на себя вешать», – раздраженно говорила она, как только он затрагивал эту тему.

Почти каждый вечер она твердила, что квартира их слишком маленькая, машина слишком старая. Что ей приходится на всём экономить. Покупать дешёвую еду и убогую одежду. А все её подруги вышли замуж за нормальных мужиков, которые зарабатывают столько, что их жены ни в чём не нуждаются. Она была настолько убедительна и настойчива, что Дмитрию ничего не оставалось, как поверить в свою виновность.

Но недавно его отношение к ней резко изменилось. У Дмитрия была собака: старый пёс, которого он завёл задолго до того, как познакомился с будущей женой. Тогда ещё были живы его родители. Собака напоминала ему о тех счастливых временах, когда утром мама будила его в институт, кормила завтраком, а отец-пенсионер в это раннее время уже собирался в гараж заниматься своей любимой старой «Волгой».

Почему-то жена и собака сразу невзлюбили друг друга.

– Твой пёс меня ненавидит, – жаловалась Маша. – Лежит целый день и смотрит на меня, как будто я без спроса влезла в его дом. Так и кажется, что сейчас набросится. Его уже

давно пора усыпить: от него только шерсть и блохи по всей квартире.

Как-то раз, после одного похожего разговора, Дмитрий вернулся с работы и не услышал радостного лая своей собаки. Маша объяснила, что пес куда-то убежал во время прогулки.

Это произошло месяц назад. Поиски собаки не дали никаких результатов. После этого случая он первый раз посмотрел на Машу не как любящий муж, а беспристрастным взглядом сотрудника серьёзной организации. Но окончательно разобраться в своих чувствах Дмитрий тогда не захотел или побоялся. А вскоре его неожиданно перевели в другой отдел и появились другие проблемы.

Теперь ему надо было отслеживать все, что происходит в социальных сетях. Для этого необходимо было самому писать провокационные статьи и отслеживать реакцию читателей и их комментарии. Первое время он не очень понимал своей задачи. Поэтому через пару недель его вызвал начальник и разъяснил, что Дмитрию в месяц необходимо заводить как минимум десять дел на выявленных в сети экстремистов. Иначе его просто уволят.

– За всеми идеями стоят обычные финансовые интересы разных людей и огромные деньги. Все эти социализмы, капитализмы, демократии – лишь повод и прикрытие... Красивая идея почти никогда не вызревает в реальные добрые дела и улучшение жизни людей, а скорее наоборот, – настав-

лял начальник. – Но она всегда требует жертв: обычных глупых ребят, которые готовы пустить под откос весь мир, веря в подsunутые им сказки. И может быть, ты кого-то вовремя остановишь, – доверительно добавлял он, похлопывая Дмитрия по плечу. – Так что лучше, если ты сам будешь публиковать бредовые идеи с призывами к беспорядкам, чем реальные провокаторы.

Новая сомнительная работа, пропажа любимой собаки, резко изменившееся отношение к жене, которая вдруг в одну минуту стала абсолютно чужим человеком – всё это внесло такое смятение в его размеренную жизнь, что он уже не мог ничего делать.

Чтобы попытаться хоть как-то разобраться во всех этих переменах и с кем-нибудь посоветоваться, он решил провести хорошего приятеля, с которым познакомился в Академии ФСБ, когда проходил очередную переподготовку. Тот, выписавшись из госпиталя, после ранения долечивался дома, и Дмитрий со стыдом вспомнил, что давно хотел к нему зайти. Постучав по карманам, достал из кармана телефон и договорился о встрече.

Дверь открыл сам Николай. На мгновение в дальнем конце коридора появилась его жена – высокая красивая женщина с русой косой. Увидев, что это пришёл приятель мужа, вежливо улыбнулась, кивнула головой и опять скрылась в комнате.

Коля встретил гостя в инвалидной коляске, на которой разъезжал по квартире. Для Дмитрия это было полной неожиданностью.

– Я думал, ты уже поправился и скоро на работу, – немного растеряно пробормотал он.

Николай посмотрел на него из-под густых бровей очень внимательно, но ничего не ответил и жестом пригласил на кухню. За время болезни он успел отрастить длинные чёрные волосы, которые расчесывал на прямой пробор и маленькую клиновидную бородку. Поэтому теперь был похож на монаха-затворника.

– Пойдем почаёвничаем. У меня чай шикарный – разно-
травье. Нервы успокаивает и вообще полезно. Да и ты, смот-
рю, с тортиком, – рассмеялся он, показывая на сверток в ру-
ках гостя.

На кухне, оформленной в стиле русской избы, было тепло и уютно. В середине стоял большой стол, накрытый белой льняной скатертью с красным орнаментом по краям. Над ним кованая люстра с лампами в виде свечей. По бокам вдоль стен, на которых висели иконы, поместились два деревянных дивана с кучей ярких расшитых подушек. Всё это напомнило Дмитрию детство, когда единственный раз мама привезла его в деревню к бабушке.

– Здесь русский дух, здесь Русью пахнет... – улыбаясь, процитировал он.

– Скоро русский дух только и останется в книжках и му-

заях, – заметил Николай и вкатился вслед за гостем на кухню. – Ты садись, где тебе удобнее, а я сейчас все организую.

– Может помочь? – всё ещё чувствуя себя неловко, спросил Дима.

– Я справлюсь, – твёрдо ответил приятель и как-то нервно, и раздраженно пожал плечами. Он достал несколько чашек и тарелок. – Порежь пока свой тортик, – попросил хозяин дома и протянул нож. – Я слышал, тебя на работе повысили? – вроде бы между делом поинтересовался Николай.

– Да нет, перевели в другой отдел. Я ещё сам не разобрался, что за работа. Но пока что-то мне не нравится. Вроде как штатный провокатор для выявления диванных революционеров, а в сущности наивных пацанов, которые просто верят в какую-то выдуманную несуществующую справедливость.

Дима развязал бечёвку на коробке с тортом, снял картонную крышку, посмотрел на розочки из крема и с сожалением произнёс:

– Лучше бы я водки взял.

– У меня есть, – ответил Коля, чуть отъехал назад к холодильнику и достал оттуда бутылку простой «Столичной», колбасу, банку рыбных консервов и несколько свежих сочных помидоров.

Через полчаса, после того, как они выпили по несколько рюмок, разговор вернулся к работе.

– Я не очень понял, чем ты сейчас занимаешься. Что это за диванные революционеры, которых ты выявляешь? – спро-

сил Николай, откинув спадающие на глаза волосы.

Дмитрий, хотя и был уже немного пьяным, заметил, что приятель спросил это только для того, чтобы самому наконец высказать то, что в нём давно накипело, и поэтому ответил коротко:

– Да я и сам не очень понимаю. Мне кажется, что все эти бунтари – обычные малолетки прыщавые, которым бабы не дают, потому что у них ни денег, ни внешности, ни мозгов. Сам таким был... – Дмитрий вспомнил жену и подумал: «А может таким же оленем и остался». – Гормоны бушуют, секса нет – виновата власть. Пройдет с возрастом, – добавил он.

– Вот и я о том, – начал Николай, еле дождавшись, пока приятель договорит. – Кто-то у нас наверху совсем от страха голову потерял. Вместо того, чтобы заниматься реальными террористами, которые давно уже здесь, рядом с нами, устроили охоту за всякими задротами... Думаешь, меня ранили где-то в горячей точке? Да нет, у нас в районе! – Николай повернулся к холодильнику, открыл дверку и, видимо, не найдя того, что искал, резко её захлопнул. – Поставили нас на усиление к гаишникам, – продолжил он, глядя в окно. – Они остановили машину, спросили документы, а оттуда из калаша без всяких разговоров... полный рожок. Двух ментов наглухо и меня в бедро, чуть ниже жилета. И ведь не поймали их... Они по газам и умчались... Машину сожгли, а сами растворились в тумане.

Николай разлил по рюмкам остатки водки и без промедления, не дожидаясь приятеля, выпил.

– Врачи мне врут: скоро будешь бегать... завтра, послезавтра... А я съездил к частнику, тот сказал, – Коля сильно стукнул ладонями по большим колесам своей каталки, – это навсегда...

– Может это просто бандиты местные стреляли? – предположил Дмитрий. – Сейчас идиотов полно.

– Ты что думаешь, я местного от заезжего не отличу? – почти выкрикнул Николай. – Да я десять лет этих чертей по горам гонял. А теперь они все здесь. И я абсолютно уверен, что их здесь наши же власти и крышуют...

– Властям-то это зачем? – недоверчиво спросил Дмитрий.

– Зачем? – Николай посмотрел на приятеля абсолютно трезвыми, но злыми глазами. – А вот если вдруг не твои малолетки, а взрослые разгневанные мужики на улицу выйдут недовольные тем, что им свои семьи кормить нечем? Да еще и со своими злыми бабами... Думаешь, полиция их разгонять будет? Сомневаюсь... Вот тогда эти гости и понадобятся.

Домой Дмитрий шёл думая, что, скорее всего, эти безумные предположения появились у Николая из-за ранения. Но всё равно ему было стыдно и за то, что он живой и здоровый, и ещё за свою работу, сомнения о нужности которой стали еще сильнее.

Глава 3

– Здравствуй, уважаемый, – услышал Дмитрий за своей спиной голос с сильным восточным акцентом.

Тут же вспомнив недавний рассказ Николая о террористах, резко обернулся, как-будто и впрямь ожидал увидеть на главном проспекте родного города бородатого боевика с автоматом на плече. Но рядом с ним стоял сильно замёрзший и растерянный пожилой мужчина в легкой серенькой куртке. В его худощавой склонившейся фигуре чувствовалось уважение к собеседнику, готовность услужить и оказаться чем-нибудь полезным. Только чёрные узкие глаза смотрели изучающе и без всякого подобострастия.

– Чем могу помочь? – немного грубовато спросил Дмитрий.

– Я, брат, только из Душанбе приехал, мне надо в какой-то центр для иностранцев срочно попасть, а где он находится, никто не знает, – произнес мужчина. – Да и какой я иностранец, если я в СССР родился...

– Это вам на автобус надо... Вон там остановка, – Дмитрий показал рукой на заклеенный рекламными картинками стеклянный павильон.

Он все еще думал о рассказе Николая, поэтому, сам не желая того, смотрел на гостя недоброжелательно. Ему не хотелось ничего объяснять и, чтобы не продолжать разговор, Дмитрий повернулся и быстро пошагал в сторону своего до-

ма.

Пожилой мужчина, еще более растерявшись, оглядывался по сторонам, не зная, что ему делать. В этот момент к нему подошла молодая пара, которая слышала разговор. Высокая красивая девушка в голубой спортивной куртке поздоровалась и спросила:

– Вам, наверное, в миграционный центр надо, чтобы зарегистрироваться?

Мужчина радостно закивал головой.

– Да-да. Мне так сказали. А дорогу не говорят.

Девушка повернулась к своему спутнику, убрала со лба прядь длинных светлых волос, выскочивших из-под берета, и спросила у него:

– Лёшенька, разве ему нужно на автобус? Это же на Садовой?

– Нет, конечно, автобус не нужен. Это совсем рядом, – ответил молодой человек. Он тоже ёжился от холода и пытался спрятать подбородок в длинный серый шарф, обмотанный вокруг шеи. – Вам надо пройти по этой улице до светофора и повернуть направо. А там до реки. И на набережной за железным забором увидите красное кирпичное здание, – объяснил Алексей прохожему. – Там много ваших земляков на улице, так что не пропустите.

– Вот спасибо, дорогой. Какая у вас жена красивая и добрая. И детишки, наверное, красивые. Дай вам бог здоровья. Фархат ещё раз поблагодарил ребят и пошёл по улице. Он

прекрасно знал, где находится миграционный центр. Карту города он досконально изучил и запомнил еще в Афганистане. Ему просто хотелось поговорить с местными жителями, чтобы узнать их получше.

Собственно, и в сам миграционный центр ему было не нужно. Все необходимые документы ему выправили люди, у которых он остановился. Его больше интересовало здание отдела полиции, которое находилось рядом с этим центром.

– А интересно, какие бы у нас были дети? – задумчиво произнёс Алексей, когда они отошли от незнакомца. – Вот если бы они были похожи на тебя, то точно красивые.

– Ну и на тебя в институте все девушки заглядывались, – Настя не хотела говорить о детях, поэтому решила сразу перевести разговор. – Я даже и не верила, что у меня есть какие-то шансы, – добавила она с улыбкой.

– Не выдумывай, – Алексей чуть покраснел от лести, хотя прекрасно понимал, что Настя сильно преувеличивает его мужскую привлекательность. Со своим материальным положением, которое легко можно было определить по потрёпанным китайским кроссовкам, в которых он ходил почти круглый год, и по дешевому телефону с разбитым экраном, Лёша никогда не интересовал своих однокурсниц. – Я и сейчас, через столько лет, так и не понимаю, почему ты на меня внимание обратила.

Настя остановилась. Она была почти одного роста с высо-

ким Алексеем. Такая же худая, как он. И может быть, для молодой девушки это было бы большим плюсом, если бы не какая-то нескладность и угловатость во всей её фигуре. Многие знакомые говорили им, что они больше похожи на брата и сестру, чем на влюбленных.

Ещё в детстве в школе Настя всегда была выше всех ровесников и очень этого стеснялась. Ей казалось, что они смеются над её тонкими ногами и длинными руками. Когда у всех девочек уже начали оформляться женские формы, она продолжала оставаться долговязым худосочным подростком. Из-за этого она всегда сутулилась, прятала руки в карманы, потому что не знала, куда их деть, носила неяркую и объемную одежду, которая скрывала её худобу. И даже в теплое время одевала по несколько колготок, чтобы ноги не выглядели такими тонкими.

Сейчас она смотрела на Алексея, прекрасно понимая, что он влюблён в неё по уши и будет любить всю жизнь. Только что ей со всем этим делать, она не знала.

– Помнишь, ты на втором курсе на каком-то студенческом собрании обвинил нашего декана в том, что он берёт взятки? – спросила Настя. – Этот старый похотливый мерзавец за два дня до этого пытался с меня тоже взятку получить... – тихо сказала она, глядя на витрину магазина, мимо которого они шли, – только не деньгами. Тогда уже все в институте знали и про взятки, и про домогательства, но молчали... А ты не испугался, – она рассмеялась и повернулась к

Алексею. – Вот тогда ты мне и понравился. Красивый, умный и, главное, смелый, – Настя наклонилась и поцеловала его в щеку.

– Столько лет прошло... – чуть отодвинулся от нее Леша, решив сегодня для себя всё выяснить. – Так почему тогда у нас нет красивых и умных детей? – ещё пять минут назад он и не думал, что спросит об этом, но слова приезжего невольно подтолкнули к откровенному разговору. – Почему мы не муж и жена?

Настя взяла его под руку и потянула за собой вдоль бульвара. Она ответила не сразу. Пытаясь оставаться весёлой, произнесла:

– Сегодня прямо-таки вечер воспоминаний... Мне кажется, мы свой шанс прошляпили, – вдруг честно выпалила она.

– Это как? Когда? – растерялся Алексей.

– Когда ты ко мне в деревню приезжал.

На последнем курсе института, когда все готовились к госэкзаменам и дипломным работам, Лёшина мама узнала о серьёзных отношениях её сына с Настей.

Для неё, для матери, которой пришлось в одиночку воспитывать очень болезненного ребенка, он стал смыслом существования. Ничего другого у неё не было. И когда она представила, что ей придется своего любимого сыночка делить с кем-то еще, на неё напал страх. Чтобы успокоиться, она решила в тайне от сына встретиться и поговорить с девушкой, чтобы узнать её получше и тем самым попытаться унять

свою материнскую ревность.

Но получилось все наоборот. После первых минут разговора Лёшина мама почувствовала, что Настя, несмотря на свою доброту и приветливость, обладает очень твердым характером, и ни с кем Алексея делить не намерена. Их встреча, начавшаяся с улыбок и взаимных комплиментов, закончилась непониманием и раздражением. В результате, мама, посчитав себя оскорбленной, ушла, даже не попрощавшись.

Настя, у которой и в голове не было её обидеть, сразу же позвонила Алексею и рассказала о произошедшем, ожидая, что он её поддержит и будет на её стороне. Но Лёша начал мямлить, что мама очень одинока, что надо отнестись к этому с пониманием и нужно обязательно ей перезвонить и извиниться непонятно за что. В результате Настя бросила трубку и в этот же день уехала в деревню к бабушке.

Алексей нашел её через три дня, выпытав адрес у её подруг. В деревне они провели вместе почти две недели и это были самые замечательные дни в их жизни. Там было всё будто создано для влюбленных. Первые по-настоящему тёплые солнечные дни, река с песчаным пляжем и берёзовой рощей вдоль тропинки, лавочка в палисаднике под цветущими вишнями, где они целовались по вечерам, не обращая внимания на комаров и, главное, старый сеновал, на котором они занимались сумасшедшим сексом. Лёша и сейчас прекрасно помнил, как кружилась голова, и как ему казалось, что они взлетают с сеновала куда-то под облака и парят над

деревней и рекой, как шагаловские влюбленные.

– Почему именно тогда? – переспросил он. – И как мы его прошляпили?

– Потому что, если бы тогда ты мне сделал предложение, то я бы согласилась, – опустив голову, ответила Настя.

– Но мы же еще учились. Ни денег, ни жилья...

– Зато была любовь и уверенность, что всё получится.

– А сейчас?

– Понимаешь, Лёша. Мы повзрослели и на многое стали смотреть по-другому. Тогда ты думал, что у нас нет ни жилья, ни денег, а теперь об этом думаю я, – Настя горько усмехнулась. – Я – женщина, а значит, дай бог, когда-нибудь стану матерью. И мне хочется, чтобы мои будущие дети ни в чём не нуждались, чтобы получили хорошее образование...

В этот момент перед ними остановились два сильно выпивших парня, и один из них, подойдя вплотную к Алексею, гнусавым голосом прохрипел:

– Эй, фраер! Поделись рублями с правильными пацанами. И не жмись, а то еще и бабой придется делиться.

Алексей похлопал по карманам, достал бумажник и хотел уже вытащить оттуда какие-то деньги. Но неожиданно в руке Насти оказался нож и она громко и грубо выкрикнула:

– Я тебе сейчас яйца прямо здесь отрежу, пидрило грёбанный! Ну-ка, свалил с дороги!

Она так близко поднесла острие ножа к лицу гнусавого парня, что тот попятился и, споткнувшись о бордюр, нелепо

упал.

– Что развалился? – продолжала наступать Настя, пнув парня ногой. – Мухой вскочил и слинял отсюда!

Второй парень быстро помог встать своему приятелю и они, непрерывно оглядываясь, быстро перешли на другую сторону улицы. Прохожие, сначала с любопытством наблюдающие, чем все это закончится, равнодушно двинулись дальше по своим делам.

Настя, возбужденная и дрожащая от волнения, глубоко и быстро дыша, сложила нож и убрала его в карман куртки.

– Ненавижу этих... – она не договорила и обняла Алексея. – Уезжал бы ты отсюда. Ты же талантливый инженер. Тебя в любой стране в любую фирму возьмут. И денег зарабатываешь, и делом любимым будешь заниматься... А здесь... Здесь скоро нормальных людей не останется.

Алексей ошеломленно смотрел на свою спутницу. Даже для него её поступок было неожиданным. Чтобы скрыть появившуюся неловкость, он решил прямо сейчас рассказать ей, чем занимался последнее время. Что стало для него очень важным. Чем в глубине души он мечтал её поразить, показав себя с новой неожиданной стороны.

– Хотел с тобой поделиться новостями: я материал собрал по грандиозным хищениям на нашем заводе. Теперь хочу в полицию передать и для верности где-нибудь опубликовать, – сказал он будто о пустяке, но надеясь увидеть в её глазах искреннее восхищение.

Настя чуть отодвинулась, с грустью посмотрела на него и произнесла:

– Бросил бы ты это дело... Пусть все живут как хотят. Не надо что-то кому-то доказывать и объяснять. Люди разные. Что для тебя неприемлемо, для других – мечта всей жизни. Никого не переделаешь, а врагов наживешь.

Девушка заметила, как расстроился от её слов Алексей. Он, видимо, рассчитывал на её поддержку, но утешать его она не стала.

– Уезжай, Лёшенька. А я к тебе приеду. Ты там чуть освоишься, и я приеду.

Алексей действительно очень расстроился. «Наверное, не надо было ей сейчас говорить. Не вовремя... Вот когда бы всё у меня получилось, и она об этом узнала от других, то тогда все выглядело бы гораздо лучше», – подумал он. Ведь, собственно, все это он и затеял ради неё. Какое-то время назад он понял, что их отношения стали чуть холоднее, что Настя чаще грустит, чем смеётся. У неё стало много каких-то своих дел, о которых она ничего не рассказывала. Поэтому Лёша решил, что любовь надо спасать, а для этого сделать что-то неординарное.

Алексей прекрасно понимал, что большинство знакомых, включая Настю, считает его слишком добрым и мягким. Абсолютно неподготовленным к жизни. А по мнению коллег на работе, его удел – быть вечно подающим большие надежды инженером-неудачником.

Его расследование должно было всё изменить.

Конечно, не только желание удивить Настю подтолкнуло его к этому делу. То, что творилось на его родном заводе, давно уже вызывало у работников предприятия злость и обиду. Люди знали о воровстве, о том что деньги, которые выделяются из бюджета на их оборонное предприятие, через разные фирмы-однодневки выводятся непонятно куда и оседают где-то за границей. Рабочие в цехах обсуждали это между собой, но этим всё и ограничивалось. Алексей решил вынести эти разговоры из курилки и кухонь, чтобы привлечь всеобщее внимание и даже, может быть, попытаться что-нибудь изменить.

*****

Фархат пару раз обошёл все переулочки вокруг здания отдела полиции, находившегося в бывшей усадьбе какого-то купца, вероятно любившего с чашкой чая в руках со своего большого балкона по утрам любоваться рекой, по которой ходили его корабли.

Здание почти не охранялось и при внезапной атаке захватить его будет нетрудно. А потом можно будет легко организовать долговременную оборону. Прямо перед входом через дорогу река. Слева и справа широкие скверы почти без деревьев. Открытые пространства не позволят укрыться тем, кому придётся отбивать бывший купеческий особняк. Зато захватившим, за почти метровыми стенами, укрыться будет

очень легко... Лишь сзади, почти вплотную к зданию полиции, примыкали два трёхэтажных дома, в которых размещался дом ветеранов. Но что делать с этими домами, Фархат уже решил.

Довольный своими наблюдениями он пошел домой. На том месте, где он спрашивал дорогу к миграционному центру, его остановили незнакомые ребята.

– Ей, чурка деревенская, денег пришли пацанам. Быстро и без шума.

Фархат даже не сразу понял, чего они хотят. За свою жизнь он был во многих странах, но чтобы днём в центре города на него напали грабители – с ним никогда не случилось. Он мог и без оружия легко справиться с этими, пахнущими кислым алкоголем и затхлым потом, горе-вымогателями. Но решил, что проще отдать им немного денег, чтобы не привлекать к себе внимания. Фархат вспомнил то время, когда еще жил в СССР и рассмеялся, представив, как он в своем посёлке пытается отнять деньги у какого-нибудь пожилого человека.

– Что ржёшь, гнида черножопая? – пряча в карман джинсов протянутую купюру, грубо спросил тот, которого недавно Настя посадила на асфальт.

– Извините, пожалуйста, это я от страха, – ответил Фархат, учтиво согнувшись и пряча улыбку и презрительный взгляд.

Глава 4

– Как же ты по улицам в таком виде ходишь?

Блогер, пообещавший Алексею опубликовать в своём раскрученном блоге его материал о воровстве на заводе, выглядел более чем экстравагантно. Даже в самом продвинутом ресторане города, где они с Алексеем договорились встретиться, на него оглядывались почти все посетители.

Малиновый кардиган из грубой шерсти с вырезом чуть ли не до пупка, надетый на голое тело, на котором от разноцветных татуировок не осталось свободного места; красные кожаные штаны, заправленные в белые остроносые сапоги; блестящие цепи, огромные серьги, кольца на всех пальцах; явно крашеная чёрная борода и бритая голова делали его похожим то ли на пирата затонувшего корабля, то ли на участника карнавала сексуальных меньшинств.

– Я сейчас на Садовом проспекте в обычном виде прогуливался, и то на меня гопники наехали, – добавил Лёша, чтобы объяснить свой вопрос.

Они были знакомы только по переписке и в реале встречались первый раз. Алексей даже не знал, как настоящее имя парня. В интернете тот называл себя «отец Жозеф».

– Да я и не хожу нигде, – улыбнулся блогер очень добродушной, без намёка на какое-либо превосходство, улыбкой. – Ну, а вообще-то у меня водитель и охранник. А так, да... Наверное бы отхватывал по голове на каждом перекрёстке, – рассмеялся он.

– Понятно, – кивнул Алексей. – А как мне к тебе обращаться?

– Жозеф, просто Жозеф. Отец я пока только для своей интернет-паствы.

– Я смотрю паства у тебя большая: пятнадцать миллионов подписчиков.

– Это все пустышки, – брезгливо поморщился блогер. – Толку от них никакого, деньги с ними не поднимешь.

В это время официантка в голубом кимоно принесла на деревянном подносе заказанные фирменные суши. Жозеф, без лишних церемоний, взял пальцами крайний и сразу же отправил себе в рот. Потом, чуть подвинув поднос к Алексею, продолжил:

– Сейчас в интернете блогерством хорошо зарабатывают только мошенники и проститутки. Это или чуть поднаторевшие в обмане бывшие продавцы из колл-центров, которые учат всяких простофиль, как начать бизнес с нуля и без вложений; или симпатичные девушки без моральных комплексов, называющие себя «секс-коучами», с набором дополнительных практических занятий за отдельную плату.

– Ты же пишешь о политике и, наверное, неплохо зарабатываешь. И водитель у тебя, и охрана, – без всякой зависти сказал Алексей.

– Чтобы писать о политике, надо иметь крышу из политиков или силовиков, – усмехнулся блогер, – чтобы она прикрывала, финансировала и ставила задачи. Здесь всё на то-

енького: шаг влево, шаг вправо – получи уголовное дело.

– Так ты опубликуешь мой материал? – засомневавшись, спросил Алексей.

– Понимаешь, в чем проблема... – Жозеф стал очень серьёзным и посмотрел Алексею в глаза. – То, что ты мне прислал – очень интересно. Но ты наезжаешь не только на своего директора, а на созданную в стране за последние несколько лет хорошо отлаженную систему. А это уже совсем другая война.

– Но ведь каждый день по телевизору трубят, что по всей России возбуждают уголовные дела, и не только на простых директоров, а даже на губернаторов, – возразил Алексей, думая, что Жозеф набивает себе цену.

– Сажают тех, кого надо. Тех, кто тоже пытается спорить с системой. Но спорят не как ты, ради правды, а чтобы отжать у системы плюшек лично для себя сверх уже отпущенных согласно статусу, – Жозеф опять взял пальцами ролл с красной рыбой, чуть обмакнул его в соевый соус и, задрвав подбородок, опустил в рот. Капля соуса попала на бороду, и теперь Алексей не мог от неё оторвать взгляд. – Понимаешь, Лёша, система отсекает покушение на неё со всех сторон. Она как «царь горы», – жуя, продолжал объяснять он. – И левых, и правых, и правдоискателей, и тех, кто решил, что он и сам себе система. Главная задача власти – сохранять устойчивость. И для нас, для людей, это тоже на пользу...

– Ну почему же, если она такая правильная, вокруг столь-

ко бардака? – раздраженно спросил Алексей.

– Потому, что и там наверху во власти не Макиавелли и не Ганди, и внизу, здесь вокруг нас с тобой, не подвижники-бессребреники и не трудоголики. И все вместе – это страна. Наша большая российская семья. Если в семье муж пьет, а жена гуляет... – он, наконец, взял салфетку и промокнул свою бороду.

– Так ты дашь материал? – нетерпеливо повторил вопрос Алексей.

Жозеф в очередной раз изучающе посмотрел на Лёшу.

– Ну, в прямом виде не дам, – ответил он и перевел взгляд на официантку, которая принесла чай. – Я напишу свою критическую статью о твоём материале и в ней дам ссылку на твой журнал. А ты там уж сам определяй уровень тяжести своих обвинений, – официантка ушла, но блогер продолжал смотреть куда-то в сторону. – Понимаешь, материал хорош, но многие важные люди из-за него деньги потеряют... А мне моя жизнь дорога. Я столько лет её выстраивал не для того, чтобы сейчас подставиться.

Сказав это, он, будто сбросив с плеч тяжелую ношу, опять повеселел. Жозеф понимал, что после таких слов он уже не выглядит тем негибаемым борцом с коррупцией, образ которого раскручивал в интернете. Но признавшись в этом Алексею, он будто бы снял с себя ответственность за то, что собирался сделать совсем скоро.

– Когда я начинал, я тоже рисковал. Но рисковал, зная,

ради чего это делаю. А вот ради чего ты это делаешь, я не очень понимаю.

– Ну а ты ради чего рисковал? – спросил Алексей. – Ради денег?

– Одним нужна слава, другим деньги, некоторым самовыражение, – уклонился Жозеф от прямого ответа. – Подумай, что тебе даст эта публикация, потому что жизнь твою она точно изменит. Стоит ли этого твоя правда?

– Ты не ответил на мой вопрос, – настойчиво произнес Алексей. – Деньги?

– Ну, если примитивно, то да, – согласился блогер. – Но деньги – это всего лишь ключ ко всем дверям. А в какую из них войти, ты выбираешь сам... Знаешь, я плохо разбираюсь в науках, но одно я точно усвоил: в одной и той же стране, в одном и том же месте, в одно и то же время существует несколько реальностей. Они все здесь, но не все их видят и поэтому не пробуют что-нибудь изменить. Одна реальность для бомжа, другая для инженера или мелкого предпринимателя... А есть реальность для избранных. И есть почти никому невидимые порталы между ними. Вот я и хочу с помощью ключа войти в дверь для узкого круга лиц...

Глава 5

– Их женщины одеваются как шлюхи, ведут себя как шлюхи. Они специально унижают своих мужчин. Я не виноват в этой драке, – оправдывался молодой таджик, по лицу кото-

рого текла кровь из рассечённой брови, которую он пытался остановить, прижимая носовой платок.

Фархат жил в трехкомнатной квартире с пятью другими бойцами, которые приехали в город раньше его.

– Эта тварь меня специально дразнила. А когда поняла, что она меня совсем не интересуется, сказала своему парню, что я назвал ее проституткой... – никак не мог успокоиться потерпевший, мешая своему земляку зашивать рану. – Я вообще ничего не говорил... Их целая толпа... и все пьяные... Я пытался их успокоить, но они решили, что я их боюсь и напали...

– Помолчи пять минут! – строго произнёс зашедший в комнату старший их группы со странным для таджика именем Вилен, которым его называли родители в честь Владимира Ильича Ленина, но которого все звали Бригадиром. – Дай ему зашить. Кто вообще тебе разрешил туда идти?

– Да я на минутку... только посмотреть, как там внутри... – парень испуганно посмотрел сначала на старшего, а потом на Фархата, который сидел за столом с ноутбуком и, казалось, не обращал внимания на происходящее.

Из квартиры без разрешения старшего выходить было запрещено. А уж тем более заходить в бары и другие подобные заведения. Они должны были изображать обычных бедных строителей-гастарбайтеров и не привлекать лишнего внимания.

– Мы здесь как в тюрьме, – не успокаивался молодой па-

рень. – Могу я хоть воздухом подышать? Посмотреть, как здесь люди живут?

– Я тебе скажу, как они живут. Цель их жизни – выделиться. Дорогими вещами, развратом и пошлостью. Правильному мусульманину не нужна такая популярность. Если тебе захочется выделиться – выделись добрыми делами, угодными Аллаху и тебе воздастся.

– А если ничего не будет? – тихо процедил парень.

– Чего не будет? – переспросил его Бригадир.

– Ну, если после смерти ничего не будет?

Фархат захлопнул ноутбук и вышел из комнаты, пригласив с собой Бригадира.

– Этого надо заменить, – тихо, но твердо сказал он. – Если кто-нибудь написал заявление в полицию, то его будут искать. Это очень плохо. Поэтому начнём наше дело раньше.

– Когда? – спросил Вилен.

– На днях, – уклончиво ответил Фархат. – А этого убери немедленно.

Через час к дому, в котором они жили, подъехала машина. Пострадавшему парню сказали, что его на время перевезут в другое место, там распорядок будет посвободнее.

Фархат был хорошим солдатом, и выполнение приказа было для него не просто главным принципом, а давно уже стало основным смыслом его жизни. Он прекрасно понимал, что вечером этого парня уже не будет в живых. Его тело отвезут

туда, где его никто не найдет. Для родных он будет пропавшим без вести. Но сомнений в правильности своих действий у него не было. Больше того, он считал это естественным.

Этот человек нарушил не только воинскую дисциплину. Он нарушил правила, которые являются основой жизненных ценностей для мусульман: пришёл в местный бар, который для нормальных правоверных, по сути, является притоном, куда люди ходят лишь ради пьянства и разврата. Посещение такого места само по себе неприемлемо для верующего человека. Поэтому наказание вполне заслуженное.

Фархат не был фанатиком. Но он верил, что в священных для каждого мусульманина книгах изложен многовековой опыт умнейших людей. И следование их заветам сильно упрощает для простого человека выбор пути. Есть много проспектов и тропинок, но не все они ведут к праведной жизни. Часто красивые удобные мощённые ровные дороги ведут в Джаханнам.

Хотя иногда он сомневался – есть ли вообще у человека выбор. Ведь все в руках Аллаха от рождения до смерти. Поэтому он не мог судить этого бойца, но мог его наказать, чтобы у других не было соблазнов. Ничто не должно мешать выполнению приказа.

Глава 6

В субботу рано утром Алексея разбудил телефонный звонок.

– Я тебе обещал роскошный банкет – а я всегда выполняю свои обещания, – услышал он спросонья бодрый голос своего бывшего однокурсника.

– Гена, сейчас девять утра! Какой к чёрту банкет? Я еще сплю.

– Кто рано встаёт... – начал поговорку Гена, но вдруг сменил тон с жизнерадостного на умоляющий. – Лёшенька, я со своей мегерой поругался, мне так паршиво... Давай встретимся? Выпьем, поболтаем...

Алексей сразу догадался, что приятель вчера хорошо погулял, сегодня уже опохмелился и теперь ищет, кому бы излить душу. Слушать пьяные разговоры, представляющие смесь из слезливых жалоб и пустой похвальбы, в свой заслуженный выходной совсем не хотелось, но было одно обстоятельство, из-за которого он не мог отказать.

Лёша знал, что после публикации материалов, жизнь изменится, и не только у него самого. Скорее всего, Гену это коснется в первую очередь. Минимум – ему придётся сильно ограничить свои расходы. А если соответствующие органы начнут расследование, то и, возможно, поиметь более серьёзные проблемы.

Об этом Лёша думал постоянно. Если он достигнет своей цели, то так или иначе пострадает много людей. Да, они жулики, но Лёше все-равно было не по себе. Неприятное чувство вины перед ними постоянно напоминало о последствиях его разоблачений. Поэтому он глубоко вздохнул и пообещал

щал Гене, что через полчаса будет готов к выходу из дома.

Местом для банкета Гена выбрал сауну. «Надо хорошенько пропариться и отмокнуть, чтобы вся дрянь вышла, – объяснил он свой выбор. – Стол мы организуем получше, чем в ресторане. И ещё у нас будет шикарный десерт... Но это сюрприз!»

За Алексеем он заехал на своей машине, хотя перегар от него шёл такой, что не спасали ни жвачки, ни дорогой парфюм.

К их приезду стол в сауне был уже накрыт. И действительно, выглядел он очень заманчиво: несколько видов пива, обещанные раки и креветки, холодные мясные и рыбные закуски.

– По кружечке и в парную. Я обещал тебе, что всё будет красиво, а я никогда не обманываю, – к Геннадию вернулось обычное зазнайство. – Давай к столу. Ты, наверное, не часто так завтракаешь. Но самое интересное ещё впереди.

Лёша давно привык к самовлюбленности и чрезмерной хвастливости приятеля, поэтому не обращал на это внимания. А пиво он любил, и поэтому с удовольствием налил себе полную кружку и почти сразу выпил, прищурившись от удовольствия. Закусывать не стал и, сбросив одежду, быстро нырнул в парилку. Гене, которому больше хотел посидеть за столом и поболтать, пришлось идти за ним.

– Вот это настоящая жизнь, – произнёс он вдруг охрипшим голосом, примостившись на деревянной ступеньке в са-

мом низу парной. – Хорошо живётся, если денежка ведётся.

Лёша лежал на самой верхней полке. Пиво и жар расслабили тело и голову. Только сейчас он понял, в каком напряжении жил последние дни.

«Может быть, действительно, сжечь все бумаги, удалить все файлы на компе и забыть обо всём? – подумал он. – Пойти работать к Генке. Деньги появятся. Тогда можно будет и жениться. И Настя не будет против...»

– А что бы ты делал, если бы у тебя не было денег? – спросил Алексей приятеля.

– Я бы сделал всё возможное, чтобы они у меня появились, – усмехнулся Гена.

– Что значит «всё возможное»?

– Ты о чём? – Геннадий поднял голову кверху, чтобы взглянуть на Алексея. – Ну, свою суку-жену ради денег я бы грохнул без всяких колебаний, если ты об этом, – рассмеялся он, чтобы смягчить свои слова. – Только толку от этого никакого: все деньги-то через неё идут...

– Неужели тебе никогда не хотелось изменить свою жизнь? – спросил Алексей, привстав с полки. – Да и вообще... посмотри, что вокруг творится... всё надо менять...

– Что менять? – закрывая ладонями лицо от жара, поинтересовался Гена. – Людей других завести? По-другому же не получится. Сколько революций не устраивай – все вернётся туда, от чего ушли. Эволюцию революциями не ускоришь... Ребеночка надо вынашивать девять месяцев. Моисей народ

40 лет водил. А нации и народы вообще столетиями формируются...

– Ну нет... Люди не идиоты... Им можно все объяснить, научить, доказать с цифрами...

Лёша спустился с полки, зачерпнул ковшиком воду из деревянного бочонка на полу и в сердцах плеснул её на раскалённые камни. Пар, шипя, быстро заполнил все вокруг.

– Ну зачем так много? – взмолился Гена.

Лёша понял, что переборщил с жаром и первым выскочил из парной. Следом весь красный вышел Гена. Он налил холодного пива, сделал большой глоток и сказал:

– Если у тебя появилось желание что-то кому-то доказать, начни с себя. Проверь себя, на что ты сам способен. И может, те советы, которые ты хотел дать другим, тебе покажутся глупыми и ненужными. Люди, знаешь, вообще советы не очень любят...

Он сел на деревянную лавку у стола и принялся за еду. Нацепил вилкой сочный кусок балыка из осетрины, другой рукой налил в светло-зелёную узкую гранёную рюмку на короткой ножке немного водки и выпил. Не закусывая, будто вспомнив что-то важное, поморщился и сразу налил еще.

– Ты же, Лёшка, помнишь, каким я был... «Пытался весь мир изменить...» – пропел он, дирижируя себе вилкой. Он ещё раз выпил и в этот раз, глубоко втянув воздух, понюхал приготовленный рыбный ломтик. – Ну разведусь я, брошу всё и что дальше? На завод инженером? Да я сопьюсь через

год...

– А так?

– И так сопьюсь, – кивнул Гена и съел балык. – Только хорошей водкой, под хорошую закуску. А не палёнкой, закусывая рукавом, – он взял с тарелки рака, отломил ему голову и, посмотрев на его брюшко, положил обратно. – Знаешь, Лёша, что я понял?.. Что смысла в жизни нет, но есть удовольствия: вкусная еда, красивые женщины и теплые страны... Остальное – иллюзия.

Десертом, который еще утром обещал Гена, оказались две девушки, похожие друг на друга как две капли воды. Они без стука заглянули в комнату, где отдыхали приятели. Опытным взглядом оценили обстановку и, быстро сбросив одежду, уже через минуту, сияя очаровательными улыбками, сидели за столом. Такого красивого и возбуждающего белья, отточенных ухоженных фигур, как у этих девушек, Алексей не видел никогда. Он как загипнотизированный смотрел на маленькую родинку на высокой груди одной из девушек прямо над кружевами ярко красного бюстгалтера. Но главное искушение было в отражении их глаз, где Лёша, как в волшебном зеркале, видел себя привлекательным и желаемым.

Он сначала запротестовал, но Геннадий вполне резонно заметил, что его никто не заставляет заниматься с ними сексом. А в том, чтобы посидеть поболтать с прекрасными девушками, никакого греха нет...

Домой Алексей пошёл пешком. Чтобы мать не заметила, что он сильно пьян, Леша присел на скамейку на бульваре подышать свежим воздухом, надеясь немного прийти в себя.

Разглядывая красиво одетых веселых людей, которые проходили мимо него, он подумал, что может и правильно будет забыть про свое расследование, и вместо того, чтобы пытаться изменить окружающий мир, попробовать изменить собственную жизнь.

В этот момент он заметил того самого пожилого приезжего в серой курточке, которому на днях объяснял дорогу. Тот, задумавшись, шёл по бульвару так раскованно, как будто родился в этом городе. Не было и намёка на то подобострастие и заискивание, которое он излучал в их прошлую встречу. Алексей окликнул его.

– Ас-салям алейкум, уважаемый, здравствуйте! Как ваши дела? – скороговоркой произнес Фархат, не ожидавший этой встречи. В одно мгновение он, как хороший актер, изменился и опять стал тем робким гастарбайтером, каким предстал в первую встречу.

– Здравствуйте, – поприветствовал его Алексей, рукой приглашая присесть рядом. – Нашли миграционный центр?

– Да-да, спасибо вам большое, – Фархат учтиво присел на край скамейки.

– И как вам у нас?.. Вы хорошо говорите на русском.

– Я родился в Таджикистане. Тогда это был ещё Советский Союз. Мы все учили русский язык. Кто же знал, что так

получится...

– Вот вы застали и то время, и это. Когда было лучше, тогда или сейчас? – поинтересовался Алексей.

Фархат внимательно посмотрел на собеседника. Он сразу заметил, что тот слегка подвыпивший, но ещё заметил, что молодой человек в растерянности и, скорее всего, не знает, как поступить.

– Прошло много времени. Я уже и не помню, как было в те времена, – хотел было уйти от ответа Фархат, но потом вдруг неожиданно для себя высказал незнакомцу то, что думал на самом деле: – Я вижу, как все вокруг поверили, что если у них будет много денег, то они станут счастливее. Люди стали меньше работать и больше суетиться, толкаться локтями друг с другом, в надежде сразу урвать себе кучу денег. Но это самообман. Богатеют лишь нечестные люди. Ваш мир свернул на дорогу, ведущую к пропасти, и скоро он обязательно погибнет.

– А что же тогда делать?

– Этого я не знаю. Но важно, чтобы на душе был покой, а для этого, прежде всего, не надо обманывать самого себя... И тогда будешь делать то, что действительно важно. А от больших денег только зло, – улыбнулся Фархат. – Но вы меня лучше не слушайте. Что-то разболтался, – он засуетился и быстро встал. – Всем нам старым кажется, что мир становится все хуже и хуже. Так было всегда. Но мне пора. До свидания.

Когда мужчина ушёл, Алексей вспомнил родинку на груди у девушки, вспомнил, как Настя советовала ему уехать, потом достал из кармана телефон и позвонил Жозефу.

– Твоя критическая статья с ссылками на мои материалы готова? – спросил он блогера.

– А ты все-таки решился? – опять что-то жуя, в свою очередь поинтересовался тот.

– Да.

– Тогда сегодня я её опубликую. Субботний вечер – лучшее время для таких материалов.

– Действуй.

Глава 7

Казалось, что даже Феликс Эдмундович со стены смотрел на него с насмешкой и жалостью. Всю ночь Дмитрий разбирался с автомобильной аварией, которую устроила его жена. А сейчас сидел на работе в своём кабинете с одним единственным желанием: забиться в какую-нибудь щель так, чтобы и самому никого не видеть и чтобы к нему никто не приставал. Ему было стыдно.

Жена позвонила почти в полночь. Она то визжала как сумасшедшая, то навзрыд рыдала в трубку. Сначала он ничего не мог разобрать. Маша выкрикивала что-то невнятное про хамов, которые ей угрожают, про ментов, которые вымогают взятки, и про дуру-подругу Надю, к которой она ездила в гости. По отдельным фразам Дмитрий понял: она требует,

чтобы он срочно мчался её спасать.

Он вызвал такси и очень быстро приехал на место аварии. Уже через минуту, оценив ситуацию, Дмитрий понял, что там произошло.

Маша была пьяна и еле держалась на ногах. Управляя машиной в таком состоянии, врезалась в автомобиль, остановившийся перед ней на светофоре. Вместо того, чтобы просто признать свою вину и попробовать решить вопрос на месте с минимальными потерями, Маша устроила безобразное представление. Для начала она обвинила в аварии водителя той машины, в которую врезалась. Якобы он специально остановился не на красный, а на зелёный сигнал светофора, чтобы её подставить. Потом досталось приехавшим гаишникам. Маша наотрез отказалась проходить освидетельствование на алкогольное опьянение. Сначала она обвинила полицейских в том, что они вымогают у неё взятку. Потом начала пугать их мужем – генералом ФСБ, – который скоро приедет и всех их арестует.

Обо всём этом Дмитрию рассказал пострадавший водитель. Он оказался очень спокойным молодым человеком, совсем недавно купившим свой новенький автомобиль. Закончив рассказ о происшествии, он неуверенно добавил:

– Не знаю, нужно тебе это или нет... В машине она была не одна...

– С подружкой? – машинально спросил Дмитрий.

– Подруги я не видел, но бородатый мужик на пассажир-

ском сиденье с ней был. Прямо перед твоим приездом пропал куда-то.

Дмитрий только сейчас сообразил, что место, где произошла авария, находится совсем не на той дороге, по которой Маша должна была бы ехать от подруги Нади. А совсем в другом районе города. Он посмотрел на пьяное лицо жены с размазанной тушью и увидел в её глазах презрение и ненависть ко всем вокруг, включая его.

Звонок начальника вывел его из оцепенения и вернул в действительность.

– Дима, конец месяца. Как у тебя дела? Нужен твой отчет, надеюсь, он меня не разочарует.

– Да, Анатолий Петрович. Всё по плану. Отчет будет готов в срок, – мгновенно собравшись, отчеканил Дмитрий.

Но докладывать начальству было нечего. Он включил компьютер и вспомнил о том скользком неоднозначном комментарии к статье, которую сам опубликовал.

Человек, не скрывавший своё лицо и имя, написал: «Если правоохранительные органы не могут навести порядок в стране и разобраться с жуликами и ворами, то народ должен это сделать сам. А всех сотрудников полиции, прокуратуры, судей и фээсбэшников нужно рассматривать, как соучастников, и судить особым революционным судом вновь созданной Чрезвычайной Комиссии».

При желании тут можно было найти и возбуждение нена-

висти к правоохранительным органам, и призывы к экстремистской деятельности, и еще что-нибудь. Конечно, до суда это доводить может и не надо, но припугнуть стоит. А главное, можно будет внести это в отчет о работе. Выяснить, кто стоит за комментарием было делом двух минут.

Лёша, только зашёл в свой рабочий кабинет, как услышал заигравший в кармане телефон.

– Алексей Михайлович, вас беспокоит сотрудник ФСБ Дмитрий...

«Хорошенькое начало понедельника», – подумал Алексей после телефонного разговора, записав на бумажке, когда ему надо будет явиться в серое унылое здание около городской администрации. Он опустился на стул и решил, что опубликованные материалы, как и было предсказано, начали менять его жизнь.

Через минуту на столе зазвонил внутриводской стационарный телефон.

– Алексей Михайлович? – услышал он приятный женский голос. – Вам срочно необходимо зайти к директору предприятия.

Глава 8

– Не тратьте сил на обличенья, на обвинительную речь... – вместо приветствия весело продекламировал чьи-то стихи директор завода и, выйдя из-за стола, протянул Алексею ру-

ку. – А если по-простому – зачем делать то, за что тебе не заплатят...

Несмотря на то, что Роман Иванович Шмидт – высокий полный мужчина средних лет – встретил Алексея с улыбкой, взгляд у него был строгий и оценивающий. Рука же у директора оказалась мягкой и влажной.

– Ну что, Дон Кихот, решил повоевать с ветряными мельницами? – низким решительным голосом спросил он, возвращаясь на свое место. – Это хорошо, что твой знакомый блогер послал материалы мне, а не выложил у себя, – добавил он и внимательно посмотрел на Алексея, чтобы оценить его реакцию. – Ты присаживайся, а то, наверное, ноги не держат. Не ожидал?

– Не знаю... Не пойму о чём вы...

Алексей был готов к чему угодно, но о том, что Жозеф может поступить так подло, действительно не думал. Он машинально сел. Ему даже не могла прийти в голову мысль, что можно так легко обмануть, так подставить человека. И сделать это тихо, без видимой причины и повода.

– Он мне не говорил, что собирается послать материалы вам, – растерянно произнёс Лёша.

«Получается, что из-за этого предательства вся работа была проделана напрасно», – удрученно подумал он. Ему вдруг стало так обидно, что захотелось плакать, как в детстве.

– Журналистика и проституция – первые древнейшие и очень похожие профессии. Одни продают тело, другие

идею, – Роман Иванович громко рассмеялся, заметив, как расстроился Алексей. – Неужели ты бы поверил проститутке? К тому же и те и другие почти всегда подрабатывают стукачами в разных органах. Доверять им – себя не уважать. Я думал, ты умнее. Мы же с тобой с одной альма-матер, один и тот же институт заканчивали.

Директор встал, подошёл к резному бюро в углу кабинета и достал из него хрустальный штоф с тёмно-золотистой жидкостью.

– Ты моли бога, что он только мне одному их послал, а не кому-нибудь ещё... – произнес он, разливая напиток по рюмкам. – Хотя, кому он ещё их отправил, пока неизвестно, – добавил он, задумавшись. – Ну, давай, за студенческие годы! Я ведь тоже когда-то таким как ты был. Романтичным мечтателем. Поэтому и разговариваю сейчас здесь с тобой... – он выпил и, дождавшись, когда Алексей сделает тоже самое, сразу убрал штоф с рюмками обратно в бюро.

– А теперь расскажи мне, Лёша, – начал он очень серьёзно, присев на стул рядом с ним, – зачем ты это делаешь? – Роман Иванович наклонился к Алексею, уперся ладонями в свои колени и пристально на него посмотрел. – Тщеславие? Мол, я весь белый и пушистый, а вы все вокруг жулики и воры. А может потому, что у тебя смелости не хватает стать одним из нас?

Директор так пронзительно смотрел в глаза, что Лёше стало не по себе. Коньяк сначала очень быстро обжёг ему желу-

док, а потом, опять поднявшись вверх и смешавшись с обидой, ударил в голову.

– Совсем нет! Больше всего на свете я не хочу стать одним из вас! – резко выпалил он. – Воровать у своих же рабочих – это точно не моё.

– Почему воровать? – на удивление спокойно возразил Роман Иванович. – А может, ты всё не так понимаешь? Вот вспомни того же Дон Кихота. Он вроде весь правильный, за все хорошее против всего плохого. А на деле? На деле он то преступников освобождает, то чужие, очень нужные мельницы поломаёт. И всё это на почве сексуального помешательства, – улыбнулся директор. – У тебя, надеюсь, с этим всё нормально? – Роман Иванович встал и пересел на своё место. – А если серьёзно, то ты смотришь на всё со своего шестка. И тебе совсем наплевать, что если не будет этих не совсем законных схем, то у меня не будет денег, чтобы занести их наверх тем, кто распределяет госзаказы и выделяет финансирование. А если не будет заказов, то у рабочих не будет работы. И их детям нечего будет мням-мям.

Алексей не знал, что ответить. Он не ожидал такой откровенности и был немного обескуражен. Если послушать директора, то всё у него было правильно, а вот сам Алексей со своими материалами хочет оставить голодными тысячи людей.

– Но неужели нельзя без этого? – неуверенно спросил он. – Без взяток?

– Можно. Тридцать лет назад так и было, когда без взяток и без хозяев... Согласно государственной необходимости. Но самим же и не понравилось. Даже тогда люди нашли кому завидовать – вот и снесли своё собственное государство.

Лёша заметил, что директор тоже сильно нервничал. Он опять быстро встал и начал ходить по кабинету.

– Если бы лень и зависть можно было бы выразить в математических единицах и разработать формулу определения категорий населения недовольных властью, то знаешь, кто был бы всегда на первом месте? – Роман Иванович вопросительно посмотрел на Алексея.

– Конечно, люди будут недовольны, когда им не хватает на проезд в автобусе, а другие ведут себя как хозяева жизни: дворцы, дорогие машины, яхты...

– А почему так? Ты не задумывался? Я, кроме нашего института, ещё Массачусетский технологический закончил. Четыре языка свободно, спортзал с бассейном через день, а кто-то за гаражами лавку от автобуса вкопал и каждый день водку глушит. Так кто из нас должен быть хозяином, а кто холопом?..

– Холопы... Не любите вы людей, – грубо перебил его Алексей, не зная как возразить логичным словам директора.

Роман Иванович ядовито рассмеялся:

– Я тебе даже больше скажу: я их ненавижу. А за что мне их любить? За зависть? За лень? Да больше половины этих...

– он несколько раз щелкнул пальцами, подбирая точное слово, – озлобленных халявщиков думает не о том, как выучиться и заработать, а как у своего соседа отнять. От этого и семнадцатый год, от этого и девяносто первый. Ты оглянись вокруг. Тем, кто работает, революции не нужны.

Из-за того, что Алексей понимал, что в словах директора много правды, он разозлился и ехидно спросил:

– Может, потому что не у всех были такие высокопоставленные родители, как у вас, которые помогли вам на Западе учиться.

– Родители, говоришь? – директор побагровел от злости. Видно было, что слова Алексея задели его за живое. – Да. Мой отец тоже директором был. И тоже, как и я, самолёты делал. На которых миллионы людей летали. И ещё он поверил Горбачёву и перестройке этой. В девяносто первом даже к Белому дому пришёл демократию защищать... А через полгода его с работы на пенсию пинком отправили, потому что не давал «Аэробусу» и «Боингу» чертежи из своего КБ вывозить. Потом младший Гайдарушка честные накопления моего отца на старость обнулил, как и у миллионов других, – голос у директора дрожал от злости. – А когда мой отец увидел, как из танков по Белому дому стреляют, снял люстру в комнате, петелечку из верёвки сделал, на табуреточку залез и закончил свои счёты с жизнью... Я тогда в девятом классе учился. Так что он даже не увидел, как я универы заканчивал. Только тогда я твердо понял, что нет никакой Родины

и правды никакой особенной нет, а есть я и мои близкие. И ради них я и должен жить. Чтобы жить с чудовищами, надо самому стать чудовищем.

– Как нет Родины? А Россия как же?

– Россия – лишь инструмент. А инструмент, конечно, надо беречь. Чтобы он по неумелым и чужим рукам не ходил. Хватит экспериментов. У всего должен быть хозяин.

– А как же люди? Они же видят несправедливость. Это не спрячешь.

– Почему не спрячешь? Большинство и не хочет знать правду. Для них есть другая, вымышленная реальность. Там, где футболисты и экскортницы за день зарабатывают миллионы. Где громкие воинские победы: прошлые и настоящие. Где, в конце концов, есть возможность купить в кредит машину, которая им не по карману, и этим изменить свой статус среди таких же людей, живущих в созданном специально для них мире ложных приоритетов.

– Ну а вы-то сами для чего живёте? Ну стали вы хозяином, а дальше-то что?

– Я же сказал: для близких. У меня жена, двое детей... И ещё, – глаза у директора загорелись, – я никому не рассказывал, но... – Роман Иванович опять подошел к бюро и достал оттуда какую-то фотографию, – влюбился я... – смущённо произнес он и протянул фотографию Алексею. – Как-то на нашей выставке случайно познакомился.

Алексей оцепенел: со снимка на него смотрела его На-

стя. Эту фотографию он сделал сам, поэтому хорошо помнил этот снимок. Они гуляли по парку. Красно-оранжевый купол цирка-шапито с клоунами-зазывалами и уличными музыкантами у входа создавал ощущение бесконечного праздника. Вокруг было много улыбок и солнца. Настя танцевала и пела, а он шёл рядом и чувствовал себя самым счастливым человеком на Земле.

– Мы, русские, если влюбляемся, то до сумасшествия, – продолжил изливать душу директор. – Я когда думаю о ней, руки трясутся, сердце куда-то выпрыгивает и пот по лбу... Всё, как в романах.

– А она? – пытаюсь скрыть взволнованность, спросил Лёша.

– А что она? Женщины любят успешных. Так мир устроен. На этом вся эволюция основана. А где ей в нашем городе таких найти? Или диванные слюнтяи, или гопники дешёвые... Но есть проблема: у меня же семья и это для меня основной приоритет. Так что не знаю, как эту задачу решить, – Роман Иванович забрал у Алексея фотографию и лицо его опять стало строгим и решительным. – Дети давно уже за границей учатся. А с женой...

В этот момент у него в кармане зазвонил мобильный телефон. Минуту он слушал говорившего не отвечая, потом просто сказал: «все понял», убрал телефон и повернулся к Алексею.

– Гену, приятеля твоего, нашли дома мертвым. Вроде как

вены себе перерезал... – взгляд у директора помрачнел. – Может не только мне твой блогер материалы послал.

– Как мертвым? Где?

– Дома. В ванной. Так что я бы на твоём месте... ноги в руки и бегом бы отсюда. А иначе ты тоже труп, – он тяжело сел в своё кресло за широким столом и оттуда посмотрел на молодого человека с сочувствием. – Ты даже не представляешь, за какие нитки ты дернул. И все эти нитки привязаны к дряхлым, но очень чувствительным членам больших людей.

– Да куда я уеду? У меня мама здесь, работа... – растерянно начал Алексей.

– А у тебя и выбора-то нет, – Роман Иванович вышел из-за стола и подошёл к окну, на стекле которого капли косо дождя оставляли длинные грустные дорожки. – У человека вообще выбора нет. И у страны нет. Всё за него уже где-то решено. Выбор – это иллюзия. И попы так говорят, и учёные, – он повернулся к Алексею. – Когда отец повесился, у меня было два пути: или спиться, или стать таким, каким я стал. Но гены, видно, не позволили уйти за гаражи в алкогольную нирвану... Удержали. Так и со страной... Люди, история – это уже не поменяешь. А люди – это те же гены... Что выросло – то выросло. Ты, Алексей, беги... Чем быстрее, тем лучше.

Лёша вышел на улицу в таком состоянии, будто его прокрутило в барабане огромной стиральной машины. «Гена, Настя, Жозеф... Куда бежать? На какие деньги? Что сказать

маме?...» Мысли кружились в голове, сменяя друг друга. Он машинально посмотрел на часы и вспомнил, что через полчаса ему надо быть в ФСБ.

Глава 9

Как Дмитрий ни пытался отвлечься, занимаясь рабочими делами, ночное происшествие не выходило из головы. Он совсем не думал на какие деньги будет восстанавливать разбитые машины. Его больше волновал бородатый мужчина, который был с Машей.

Если бы эту историю ему рассказали про кого-то другого, Дмитрий бы рассмеялся и без сомнений признал, что женщина наставила своему мужу ветвистые рога: слишком всё было очевидно. Но примерять рога к своей собственной голове ему не хотелось, и поэтому он пытался найти хоть какие-нибудь объяснения присутствию бородатого пассажира. Но, к сожалению, ничего придумать не мог.

Наконец Дмитрий решил спросить об этом саму Машу. Он набрал номер и, услышав ее голос, вместо заготовленного вопроса произнес совсем другое:

– Машенька, я думаю, нам стоит немного пожить отдельно.

Вырвавшаяся фраза была настолько произвольной, что он даже не успел сообразить – как это «пожить отдельно». Маша была не местная, приехала в этот город учиться изда- лека. И значит, идти ей было некуда. То есть уходить надо

ему. Собственно, это и сказала совершенно не удивленная жена. Точнее, злобно выкрикнула в телефонную трубку:

– Да без проблем! Забирай вещи и сваливай! То, что я легла в постель не к тому парню, я поняла на следующий день после свадьбы: ты полное ничтожество!

Дмитрий тут же сообразил, что квартиру они купили уже после свадьбы и почти весь кредит за неё он уже выплатил. Наверное, об этом же одновременно подумала и Маша.

– Если ты надеешься, что я уеду в свою деревню и оставлю тебе квартиру, то ты сильно заблуждаешься. А попытаешься что-то сделать, я такое про тебя расскажу, что тебя и с работы выгонят, и знакомые общаться перестанут.

– Маша, ты о чем? – растерялся Дмитрий.

– Еще не знаю, но обещаю, что придумаю что-нибудь. Гугл мне в помощь!

Дмитрий неожиданно занервничал. Он понял, что супруга легко выполнит своё обещание, и никакие моральные принципы её не остановят. А выдумать она может такое, что потом всю жизнь не отмоешься. И всем будет наплевать, что это явное вранье. «И ложечки уже нашлись, но осадочек всё-равно остался», – вспомнил он дурацкую фразу из старого анекдота.

– Не будем горячиться, – тут же примирительно предложил он. – Что мы по телефону о таких вещах... Вечером придю с работы и поговорим, – Дмитрию самому за себя было стыдно, но он всегда боялся подобных скандалов и очень до-

рожил своей репутацией. – Это я, Машенька, наверное, из-за аварии... Распереживался.

Маше совсем не нравилась перспектива остаться без кормильца, и она тоже легко поменяла тон:

– Конечно, Дима. Ты не волнуйся. У меня только коленка немного болит. Приходи вечером пораньше, а уж встречу тебя так, что ты всё забудешь.

Как только Дмитрий положил трубку, на рабочем столе зазвонил местный коммутатор. Дежурный по отделу предупредил, что к нему посетитель. Следом раздался ещё один звонок. Это был начальник:

– Дима, ты помнишь о нашем разговоре? У тебя ни одного возбужденного дела...

Алексей был уверен, что вызвали его из-за материалов по заводу. Он решил, что Жозеф послал их и сюда. Поэтому очень удивился, когда сотрудник, предложив присесть, протянул ему текст с его комментарием, про который он уже давно забыл.

«Если правоохранительные органы не могут навести порядок в стране и разобраться с жуликами и ворами, то народ должен это сделать сам. А всех сотрудников полиции, прокуратуры, судей и фээсбэшников нужно рассматривать как соучастников и судить особым революционным судом вновь созданной ЧК...»

– Это вы писали? – сухо спросил оперативник.

– Да, я... кажется, – смущённо подтвердил Алексей, удивлённый тем, что такая серьёзная организация тратит время, изучая его комментарии. – Понимаете, тогда день был такой... нервный, – начал он объяснять причину своего недомогательства.

– То есть вы призываете судить, – грубо прервал Дмитрий, – а точнее, карать законные государственные органы правопорядка, и для этого призываете к свержению существующего конституционного строя с помощью революции?

– Да вы что? Какой революции? – опешил Алексей.

– Что? Уже страшно стало? – презрительно произнес Дмитрий. – Получается, вы только на диване грозные, революционеры кухонные.

– Послушайте, о какой революции вы говорите? В статье, к которой я оставил этот комментарий, говорилось о воровстве чиновников и о том, что жуликов покрывали сотрудники нашей «доблестной» полиции. Никаких призывов к свержению строя у меня нет.

Дима и без него хорошо помнил свою статью, написанную как раз с целью посмотреть на реакцию читателей.

– А откуда тогда возьмется тот «особый революционный суд»? Где у нас про него в Конституции?

– Это образное выражение... Да что вы в самом деле... В интернете столько всего пишут.

В этот момент в кабинет без стука зашёл пожилой коренастый мужчина в тёмно-синем костюме. Седые, но ещё очень

густые волосы были аккуратно пострижены. Дмитрий вско-чил. А Алексей понял, что это главный. Ничего хорошего это не сулило. Вошедший сначала пристально посмотрел на Лёшу, а потом, осматриваясь вокруг себя, спросил у своего сотрудника:

– Я у тебя очки свои не оставлял? Всё утро ищу.

По той, явно искусственной суете, с которой оперативник начал искать эти очки, Алексей понял, что это надуманная причина, а на самом деле начальник пришел посмотреть на него.

– Наверное дома оставил, – вздохнул седовласый мужчина и добавил, обращаясь к подчинённому: – Ты помнишь, о чём я говорил? Думаю, это как раз то что нужно.

Когда он вышел, Дмитрий зачем-то стал открывать и следом резко закрывать ящики у себя в столе, будто продолжал искать пропавшие очки.

Алексей же, на которого сегодня свалилось столько серьёзных и опасных проблем, сначала очень удивился, что приходится оправдываться из-за такой, как ему казалось, ерунды. Но сейчас, заметив, как под его комментарий оперативник подводит мысли, которых у него абсолютно не было, вместо того, чтобы стать более осторожным, наоборот разо-злился и осмелел.

– Вам очень хочется премию получить за раскрытие особо опасного террориста-революционера? – спросил он насмешливо. – Вы, наверное, ничего делать не умеете и поэтому дер-

житесь за это место. Вот и несете какую-то ахинею. Ещё и хамите. А я, в отличие от вас, инженер-конструктор и полезным делом занимаюсь.

– Я лишь собираю материалы, – хмуро ответил Дмитрий, не ожидавший такой реакции, – и передаю их следователю. А он уже решает, возбуждать уголовное дело или нет... Собственно, я вас вызвал, чтобы предупредить о том, куда ведут такие ваши комментарии. Надо следить за словами, Алексей Михайлович.

Дмитрий опять вспомнил о жене. «Может сделать вид, что предложения разъехаться вообще не было, и забыть про бородатого мужика? – подумал он. – Тогда получается, что у этого тощего длинного парня, его ровесника, больше смелости, чем у меня?»

– А у вас жена есть? – неожиданно спросил он Алексея.

– Нет, жены нет, – удивленно ответил Лёша, внимательно взглянув на оперативника, не понимая, куда тот клонит. – Есть девушка, – Алексей осёкся. – Была, по крайней мере.

Дмитрий уловил его неуверенность в ответе на свой вопрос.

– Ушла к другому? – поинтересовался он.

– Не знаю, – Алексей продолжал вопросительно смотреть на Дмитрия. – А почему вы спрашиваете?

– Мне жена изменяет, а я не знаю что делать, – честно признался Дима.

На какое-то время, забыв где они находятся, Лёша увидел,

что перед ним такой же обычный парень как и он. С похожими проблемами.

– А вы к ней как относитесь? – все ещё не понимая, почему оперативник стал таким откровенным, спросил Алексей.

– Да знаете... – протянул Дмитрий, – сейчас уже никак. Да и раньше больших чувств не было.

Лёша решил, что, скорее всего, парню просто не кому рассказать о накипевшем. Он, видимо, боялся, что знакомые будут внешне сочувствовать, но за спиной насмеяться и подшучивать. А держать в себе больше сил не было. Поэтому и выложил все незнакомому человеку.

– Вам надо, не откладывая, немедленно поговорить с вашей женой. Из-за этой нерешенной проблемы вы ни о чем другом думать не можете. Если она действительно изменила, то вы это непременно почувствуете... И тогда, конечно, выход один – разойтись. Мне самому такой разговор скоро предстоит. Поэтому я вас очень хорошо понимаю.

– Давайте подпишу ваш пропуск, – протянул руку Дмитрий. – Идите и в следующий раз думайте, что пишете.

Не успел Алексей отойти от здания ФСБ и ста метров, как к нему подъехал серый минивэн с тонированными стеклами. Из него выскочили два здоровых мужика в форме какого-то охранного агентства и резко, без слов затолкали в машину. Все это произошло прямо напротив Белого дома городской администрации.

Глава 10

Больше всего Настя боялась, что в её жизни не произойдёт ничего особенного и всё будет как у всех.

Её отец, работавший токарем на заводе, любил пожарить шашлычок на даче, попариться в баньке, выпить пару кружек пива, сходить на футбол. Ещё он любил свой УАЗик, считая его лучшей машиной в мире. То, что приходилось частенько его ремонтировать, он воспринимал не как проблему, а как увлекательное хобби.

Мать могла целый день просидеть перед телевизором, переключая каналы, чтобы не пропустить любимые сериалы и всевозможные телешоу. Только осенью она надолго отрывалась от экрана и занималась заготовками. Варенья и джемы, квашения и соленья. Десятки банок закручивались на зиму и переносились в подвал в гараже. Там же складировалась картошка, свекла, морковь.

«Ну, теперь у нас как у всех», – закручивая последнюю банку с огурцами, говорила мать и возвращалась обратно на диван перед телевизором.

Настя была папиной дочкой. Ей очень не нравилось, когда мать ворчала на отца, упрекая его в неприспособленности к жизни, неумению хорошо устроиться. Поэтому в гараже или на футболе Настя была гораздо чаще, чем на даче с матерью или дома у телевизора. В четырнадцать лет она умела пользоваться шуруповертом и болгаркой, знала весь состав сборной и лихо гоняла по бездорожью на папином автомобиле.

Но когда Настя представляла, что её жизнь пройдет так же, как у родителей, на неё накатывала страшная тоска и ей хотелось бежать куда глаза глядят.

Между синицей в руках и журавлем в небе, она выбрала журавля. Поэтому сразу после школы попала в весёлую компанию шальных молодых ребят, которые почти всё свое время проводили на новом большом скейтдроме в городском парке. Когда ролики, скейты и велосипеды им надоедали, они отправлялись в аэроклуб. Там можно было проверить себя по максимуму: прыгнуть с парашютом или полетать на параплане.

В один из субботних вечеров, после таких развлечений, они большой компанией заехали в гости на дачу к одному знакомому, отметить первый Настин прыжок. То, что там произошло, Настя и хотела бы забыть, но не получалось. Может, если бы эмоции от полета не вызвали бы в ней столько радости и восхищения, она бы обратила внимание, что вина ей подливают чаще, чем остальным, что очень странно переглядываются и подмигивают друг другу парни, и что девушки из их компании смотрят на неё, кто с сочувствием, кто с любопытством.

В какой-то момент вечеринки четверо ребят встали, подошли к Насте и, взяв её за руки и за ноги, понесли на большой диван. Все вокруг смеялись, и Настя подумала, что это какая-то шутка. Тем более, что один из ребят шепнул про обряд посвящения, который якобы она должна пройти. В чём

он заключается, она поняла, когда парни в одно мгновение сдернули с неё джинсы, и пока одни её держали, не давая вырваться, другие по очереди занимались с ней сексом. От шока она почти не сопротивлялась. Сколько это продолжалось, она не помнила. Когда её отпустили, уже никто не смеялся. Даже самые пьяные поняли, что она не отнеслась к этому, как к шутке или глупому ритуалу.

Настя не стала мстить, писать заявление в полицию или кому-то рассказывать о произошедшем. Её бывшие приятели тоже молчали. Даже девушки не болтали и не сплетничали, боясь стать соучастницами. Но именно после этого Настя всегда носила с собой нож. А когда чуть оправилась, то пошла в спортзал на курсы самообороны. Так как она привыкла к любому делу подходить основательно и серьёзно, то через некоторое время достигла таких успехов, что тренер предложил ей выступать профессионально.

Их роман с Алексеем начался в институте. С первой случайной встречи у неё появилось ощущение, что она встретила очень близкого человека, которого знала очень давно, только он несколько лет был где-то далеко. Им не надо было даже говорить, обсуждать книги, фильмы, события: они понимали друг друга без слов.

А ещё Насте нравилось смотреть на него, когда он спал. В это время по его лицу можно было понять, что ему снится. То в нём читалась настороженность, то радость и он улыбал-

ся как ребенок, но чаще всего он выглядел удивленным. Может потому, что в это самое время он видел какие-то невероятные фантастические сны.

Денег, чтобы снять квартиру, у них не было, поэтому они часто ездили на выходные в бабушкин домик. Сама хозяйка умерла, оставив Насте небогатое наследство. Дом был маленький, бревенчатый, покрашенный голубой краской. Очень старый, но с шикарной настоящей русской печкой, с лежанкой наверху и деревянными полами под потолком.

Обычно они приезжали в деревню в пятницу вечером. Дом встречал их холодом и сыростью, поэтому Алексей сразу разжигал печь. Первым делом складывал внутри большого печного горнила маленький костер из заготовленных сухих лучинок. Не торопясь давал им разгореться. Сначала дым шёл куда угодно, только не в трубу. Через несколько минут печь будто оживала. Появлялась тяга, и маленький костер внутри неё вспыхивал ярким огнем. Языки пламени устремлялись вверх и теперь можно было подкладывать дрова побольше. Через час огромная печь, в которой когда-то пекли хлеб, пироги и блины, пылала жаром.

Прямо напротив печки стоял кухонный стол, массивная деревянная лавка у стены и два стула. Они усаживались, грелись, пили чай и слушали, как потрескивают дрова, наполняя весь дом живым теплом. Иногда, не дожидаясь пока в комнатах окончательно станет по-домашнему уютно, они за-

бирались на уже тёплую печную лежанку, где даже на старом овчинном тулупе им было так же мягко, как на пуховой перине.

Настя видела, как счастлив Алексей. Это одновременно её и радовало, и озадачивало. Она понимала, что он готов прожить с ней в этом домике всю жизнь. Но ей этого было мало. И совсем не потому, что она мечтала о красивых машинах, дорогих курортах и прочей ерунде. Просто принять то, что им всю жизнь придётся нуждаться, она не могла. Она вспоминала своих родителей и понимала, что так жить она не хочет и не сможет. Пусть не будет красивых шмоток и искрящихся драгоценностей, но мечта быть должна. Такая, чтобы в жизни появлялся смысл и надежда на счастливые перемены.

С директором завода Романом Шмидтом она познакомилась, когда работала на выставке. Для неё это была обычная подработка.

Денег всегда не хватало, и Настя часто подрабатывала переводчиком, устраиваясь на время проведения выставок в какую-нибудь местную фирму. Она хорошо знала английский и немецкий, привлекательно выглядела, была коммуникабельной, и поэтому с этой работой у неё проблем не было.

В тот день директор завода лично привёл к стенду, на котором она работала, каких-то поляков. Они расселись вокруг стеклянного столика, и Роман Иванович увлеченно принял-

ся рассказывать им про перспективный самолёт. Насте сразу показалось, что авиационная техника гостей совсем не интересует. Они с большим интересом рассматривали её ноги, чем выставочные буклеты. Может быть, поляки решили, что таким важным клиентам, как они, предоставляются какие-то дополнительные услуги, потому что, когда уходили, пытались узнать не контакты предприятия, а номер Настинного телефона.

Немного расстроенный из-за потраченного впустую времени, директор предложил Насте перекусить здесь рядом, на территории выставочного центра. Она оглядела его внимательно и, решив, что он абсолютно не опасен, согласилась. Тем более, что те пару бутербродов, которые она предусмотрительно взяла из дома, были уже съедены, а до конца рабочего дня было ещё очень далеко.

В кафе Роман Иванович откровенно признал, что понимает поляков: «Зачем им российские самолёты, которых ещё и нет, когда «Боинг» и «Эйрбас» мгновенно предоставляет и самолёты, и кредиты под них».

– Скоро технику, которую мы лепим из китайских запчастей по старым, еще советским технологиям, никто покупать не будет, – сказал он с сожалением.

– А почему так? – поинтересовалась Настя. – Разве у нас нет хороших инженеров и конструкторов?

– Инженеры у нас есть. И конструкторов хороших полно, – с грустью в голосе покачал головой Роман Иванович, – а

вот управленцев порядочных и толковых нет. Одни карьеристы и чьи-нибудь родственники. Со всей страны сотню толковых топ-менеджеров не наберёшь. Посмотрите на правительство. Чьи-то жены, чьи-то любовники, чьи-то детишки, ну и просто бездари-карьеристы, умеющие только красиво хвалить начальство. Проблема в том, что из дурака умного человека никакая наука сделать не может. Дурак – это навсегда. И неважно где он работает – ворота на рынке сторожит или в правительстве всей промышленностью заведует. А без толковых управленцев экономика – как часы без шестерёнок...

На следующий день директор опять подошёл к их стенду и снова пригласил Настю в кафе.

Когда выставка завершила свою работу, всем, кто на ней работал, завод выписал очень солидные премии. Настя догадывалась о причине такой щедрости, но, естественно, была только рада. А через две недели директор ей позвонил с просьбой помочь с каким-то переводом. Еще через месяц у него опять нашлась для неё работа. Настя не отказывалась. Тем более, что он вёл себя очень корректно, без всяких намёков.

Прошел почти год с той выставки. Алексей увлекся каким-то интернет-проектом, о деталях которого почему-то не рассказывал. А у Насти появилось ощущение, что она застыла во времени. Каждый новый день был похож на предыдущий. Даже их встречи с Лёшей проходили, как ей казалось,

по одному и тому же сценарию. Она убедила себя в том, что в любви, если не двигаешься вперёд, то все разрушится. А они запутались в какой-то паутине ненужных дел и планов, которые никуда не вели. От этого на неё иногда накатывала такая паника, что хотелось прыгнуть в первый попавший поезд и под стук колес уехать на край света.

Директор продолжал присылать ей на почту материалы, требующие перевода. Иногда приглашал её пообедать. За свою работу она получала вполне прилично, уже не сомневаясь, что причина этого не только в её хороших знаниях. Конечно, это давило на неё. Отказываться от денег было глупо, а давать ему надежду – не порядочно.

Роман Иванович был старше её лет на двадцать. Настя слышала, что у него есть семья, дети. А узнав его получше, понимала, что его интересуется не просто интрижка с быстрым сексом, а что-то большее. Иногда дома по вечерам она представляла свою жизнь с Романом Ивановичем, но далеко в своих фантазиях не заходила, и обычно они заканчивались смехом и звонком Алексею.

Так было до прогулки по реке на прогулочном теплоходе.

*****

Роман Иванович уговорил Настю на эту экскурсию объяснив, что могут быть важные иностранные гости и потребуются переводчик.

Но ни иностранных, ни каких-то других гостей и пассажи-

ров на кораблике не оказалось. И это Настю совсем не расстроило. Даже догадавшись, что важные гости придуманы и всё это специально спланировано директором, она не стала переживать и волноваться. Она давно чувствовала усталость и подумала, что небольшое развлечение ей не помешает.

То ли так совпало с её настроением, то ли волны укачали, но в этот вечер ей не хотелось думать ни о чем серьёзном. И поэтому, сама того не сознавая, она отключила в голове то, что отвечает за контроль и логику.

Роман Иванович подготовился основательно. Не было разве что цыган, и сам он совсем не был похож на Паратова-Михалкова. Но было много цветов в красивых корзинах и веселеньких глупых воздушных шариков в форме сердечек.

Они с ним расположились под тентом на корме на мягких белых диванах. Играла красивая музыка, вероятно, собранная каким-то диджеем специально для романтических встреч уже немолодых гостей. Мелодии Нино Рота из «Ромео и Джульетты» смешивались с «Шербурскими зонтиками» Леграна. Над вечерней притихшей речной водой Шарль Азнавур сменял Джо Дассена и Челентано.

Настя подумала, что Роман, наверное, именно так представлял своё самое лучшее любовное свидание ещё в школе или институте, и теперь его мечта имеет шанс сбыться.

После бокала вина ей стало легко, весело и беззаботно. Кавалер рассказывал какие-то смешные истории и, может быть, первый раз за несколько месяцев ей не хотелось думать

о том, что будет завтра.

«Да и зачем? – решила она. – Может и правда есть кто-то наверху, кто за нас всё решает. А я имею право просто плыть по течению...»

*****

Сегодня Настя шла на встречу с директором, который в очередной раз пригласил её поужинать, и понимала, что после речной прогулки ей предстоит важный разговор.

Еще утром, разговаривая по телефону, она заметила, что Роман Иванович волнуется будто школьник, приглашающий девушку на первое свидание. По всему было видно: он для себя решил что-то важное и теперь хочет обсудить это с Настей.

Несмотря на то, что ещё на кораблике она убедила себя не пытаться что-то изменить, Настю тоже тревожил предстоящий разговор, от которого, без всяких сомнений, зависела её дальнейшая жизнь.

Думать об этом было страшно, но прятать голову в песок тоже не хотелось.

В надежде хоть как-то себя перед собой же реабилитировать, она начала разговор с финансовых вопросов.

– Деньги, которые поступают мне на карту, как оплата за выполнение ваших заданий, слишком большие. Они не соответствуют сложности работы, – сразу выпалила Настя, усевшись за столик в ресторане. – Меня это несколько обязыва-

ет и напрягает. Поэтому я хотела бы внести ясность в этом деле...

– Настя, вы меня обижаете, – прервал ее Роман Иванович. – Деньги, которые вы считаете большими, в сущности, для меня копейки. И это точно меньше того, что вы заслуживаете.

Он не смотрел ей в глаза и было очевидно, что ему хочется поговорить о другом, но он не знает с чего начать.

– Для вас может и небольшие, но моя работа столько не стоит. Поэтому мне неудобно их брать, – ей вдруг и действительно стало очень неловко. Она подумала, что столько времени была не против, а сейчас неожиданно решила «внести ясность». Настя испугалась, что Роман подумает, будто она сама после этой речной прогулки пытается перевести их отношение на другой уровень. Ей стало неловко и даже противно.

Из-за волнения Роман Иванович не почувствовал перемены в её настроении и заговорил совсем о другом.

– Настя, вы так говорите про деньги, как будто быть богатым это что-то плохое. Но ведь именно богатые и успешные создали всю мировую цивилизацию. Они финансировали путешественников: Колумба, Марко Поло. Содержали учёных, художников, писателей. Не будь людей, умеющих зарабатывать деньги, мир был бы совсем другим. Не было бы ничего, к чему мы привыкли. Ни самолётов, ни автомобилей. Не было бы ни красивых дворцов, ни музеев, не было бы

вкусной качественной еды и хороших лекарств. Даже законы и сами государства создают богатые люди, чтобы в мире не было хаоса и беспорядка. Без богатых и желающих разбогатеть мы бы жили ещё в пещерах.

– А я считала, что всё это создают простые обычные люди, а богатые только всем этим пользуются, – думая о своем, ответила Настя.

– Вы очень сильно заблуждаетесь. Я в прошлом году сплавлялся по реке на Урале. Красотища невероятная. Лучше чем в Швейцарии. Горы, скалы, шикарные леса, водопады... Но какая кругом разруха... Деревни будто после монголо-татарского нашествия.

– А вы им помогите, организуйте там что-нибудь, – усмехнулась Настя и неожиданно почувствовала досаду и раздражение. – Тем более, если самолёты у вас больше не получают.

– Если я там сделаю что-то толковое, эти люди меня же и возненавидят.

– За что? – удивилась Настя.

– Сначала станут просто завидовать. А зависть рождает ненависть, комплексы неполноценности и, в конце концов, агрессию. Кто-нибудь потрусливее на машине гвоздем что-нибудь нацарапает, а тварь покрупнее может и дом поджечь.

– То есть вы себя считаете «солью земли», а народ для вас что-то типа пережня?.. Не очень вы любите простых людей, – произнесла Настя.

– Сегодня мне один молодой человек про это уже говорил. Почти слово в слово. Такую он кашу заварил... – покачал головой Роман Иванович. – Вляпался по полной программе...

– И что вы ему ответили?

– Не помню уже... Наверное, что те люди и сами себя не любят. Иначе бы не доводили свою жизнь до полускотского состояния, – добавил он, рассеяно думая, что говорит абсолютно не то, что надо. – Мир сильно изменился и никто нянчиться с ними больше не будет.

Роман Иванович помолчал. Потом после небольшой паузы, несколько раз глубоко вздохнув, наконец осмелился:

– Мы люди взрослые, умные, практичные... И вот, что я предлагаю...

Настя насторожилась. Она была уверена, что Роман сейчас скажет про развод и не знала, что ему на это ответить. Но директор опять заговорил о другом.

– Вы знаете, на набережной на углу с Московским проспектом у моста новый дом недавно построили. С охраной, с красивой охраняемой территорией... Там, кстати, все наши чиновники квартиры купили. Так вот, и у меня там есть квартира. Три комнаты. Вид на реку и центр города. Я её сыну покупал, но он в Мюнхене учится и, похоже, возвращаться не собирается. Так что вы можете ею пользоваться. Там всё оплачено на несколько месяцев. А на стоянке под домом машина... «Тойота»... Ключи и документы я вам привезу.

Роман Иванович сильно волновался и был похож на про-

давца, который сомневается в той цене, которую сам и предложил. Но Настя думала не об этом. Она ожидала услышать совсем другое и поэтому была в шоке.

– То есть максимум, на что у вас хватило смелости, это предложить мне секс за деньги? – выпалила она так громко, что люди за соседними столиками оглянулись. – Проще говоря, стать проституткой?

– Почему? – растерялся Роман Иванович.

– А как по-вашему называются девушки, соглашающиеся на секс за деньги? Вы же не предлагаете мне руку и сердце, а просто обещаете какие-то подачки. А в обмен хотите любовных удовольствий. Что здесь неясного?

Оба замолчали, не зная, что говорить дальше. Настя хотела сразу встать и уйти. Но подумала, что это слишком театрально.

«Ещё и пощёчину ему здесь при всех влепи, дура, – говорила она себе. – Сама дала мужику возможность о себе думать как о шлюхе, а теперь целку изображаешь. А на что, собственно, ты надеялась? А ведь надеялась. Не обманывай себя. И не только, когда на кораблике каталась, а ещё раньше. Только тебе хотелось остаться беленькой и пушистой... Чтобы и волки сыты, и овцы целы. А вот чтобы его жена тебе волосики на глупой голове выдрала, не хотелось. И чтобы знакомые на тебя пальцами тыкали и за спиной сплетничали, тоже не хотелось. Так не бывает. Порядочность, как и свежесть, или есть, или нет, как Леша говорит. А ты хотела

и рыбку съесть...»

Роман Иванович тоже выглядел очень растерянным. Он даже не подумал о том, что его предложение можно будет так истолковать. Всю свою жизнь все поступки он оценивал с точки зрения финансовой взаимовыгоды. Включая свой брак. Жена должна рожать здоровых детей, а он её хорошо обеспечивать.

«Тогда что же получается, это тоже проституция? – подумал он. – Нет же. Это нормальное выполнение каждым своих обязанностей. И на этом строится благополучие любой семьи, любого дела, любой страны. Это же так просто. Каждый должен делать то, для чего предназначен, и делать это хорошо».

– Всегда найдутся люди, которые сами по себе может и хорошие, но плохо понимающие, как всё вокруг них устроено, – сказал директор, стараясь успокоиться. – Вместо того, чтобы просто качественно заниматься своим делом, придумывают какие-то несуществующие правила и, пытаясь их выполнить, портят жизнь и себе, и окружающим. Как тот парень... Вы с ним чем-то очень похожи. В результате разрушают и свою жизнь, и жизни других людей.

– А как звали этого молодого человека? – почувствовав что-то неладное, спросила Настя.

– Алексей... Забыл его фамилию. Вообразил себе, что он то ли Дон Кихот, то ли Робин Гуд, – задумчиво ответил директор. – По глупости вляпался в историю, из которой ему

не выбраться.

Настя уже ни секунды не сомневалась, что это её Леша.

– Вы как-то говорили, я хорошо запомнила, что главное в жизни – заботиться о своих близких. И любыми способами уничтожать всё то, что угрожает твоему миру. Пожалуй, я в этом с вами соглашусь, – сказала Настя и встала из-за стола. – Так и решим. Вы заботьтесь о своих близких, а я буду заботиться о своих.

Настя вышла на улицу и сразу набрала номер Алексея. Она услышала, что кто-то снял трубку и сопит в телефон, ничего не произнося.

– Лёша? Что с тобой? – взволнованно спросила она.

Ответом были короткие гудки. Она попробовала набрать ещё раз, но автоответчик сказал, что абонент не доступен.

Глава 11

– Нравится Фирдоуси? – с любопытством спросил Фархат Бригадира, зайдя на кухню, где тот пил чай, перелистывая затертый томик поэта.

– Тысяча лет прошло, а ничего не изменилось, – улыбнувшись, собрав вокруг глаз десятки мелких морщинок, ответил Бригадир. Он отложил книжку и встал, чтобы включить электрический чайник на подоконнике. – Люди всё так же ради золота и славы готовы убивать друг друга. Верят, что золото может сделать их счастливыми.

– Я стараюсь не думать об этом. Многие знание – многие

печали, – Фархат присел за стол и пролистал несколько страниц. – Мне надо с тобой поговорить пока никто не мешает. Это очень важно.

– Сейчас я тебе чай сделаю и потолкуем.

– Кто-то за золото готов убить, а ты, я смотрю, за хороший чай, – с удовольствием согласился Фархат. Он подошел к раковине и тщательно вымыл руки.

– Да. Чай я очень люблю. А людей убивать плохо, – заливая заварной чайник кипятком, покачал головой Бригадир.

– А если не за чай и не за золото, а за идею? – прищурился и без того узкие глаза, не переставая улыбаться, спросил Фархат.

– Все идеи красивы, когда о них говорят сладкоголосые толкователи. Редко когда их слова приводят в светлое будущее. Но чем заманчивее идея, тем больше она требует жертв – молодых глупых ребят, которые готовы пустить под откос весь мир, веря в подsunутые им сказки. Сам был таким.

– Не нравится мне твои мысли, – резко прервал его Фархат, сразу став серьёзным. – Что сегодня с тобой?

– Молодость свою вспомнил, – Бригадир поставил на стол чашки, разлил в них крепкий чай и сел напротив. – Тогда мы все ещё в одной стране жили. Мой отец, знатный хлопкороб, каждый год осенью ездил в Москву. Но не на заработки, как сейчас я и мои дети, а отдыхать. Премии в колхозе большие были. Вот и ездил мир посмотреть, столицу проведать, купить что нужно. Всем нам гостинцы домой привозил, – Бри-

гадир достал из литровой стеклянной банки кусочек сахара и аккуратно опустил его в чай. – А потом сладкоголосые нам сказали, что если мы выгоним из республики русских и станем независимыми, то жить наша будет ещё лучше, – Бригадир умолк. Сделал большой глоток свежего пахнущего чабрецом чая. Его смуглое, морщинистое лицо не выражало никаких эмоций, только от удовольствия он чуть прикрыл глаза. – Отец мой давно умер, и теперь все мои братья, мои дети и племянники ездят в Россию, чтобы делать за копейки ту грязную и тяжелую работу, которую сами местные делать не хотят, – он посмотрел на Фархата. – Теперь ты говоришь, что мы должны здесь начать чуть ли не войну. Но мы же никогда не победим, а лишь разозлим всех. И простых людей, и власть. Ответь мне, зачем нам это надо?

Бригадир говорил спокойно, как о чём-то обыденном, но Фархат понял, что сейчас от его слов зависит, состоится операция или нет. Только ответа у него не было. Получив задание, он ни разу не задумался, почему и за что ему придётся погибнуть в этом древнем русском городе. То, что выжить не получится, Фархат, как профессионал, прекрасно понимал.

Не зная, что сказать, и понимая, что Бригадир сразу почувствует малейшую ложь, он, разозлившись, встал и сделал несколько шагов по маленькой кухне. Пытаясь суровостью скрыть пустословие своего ответа, Фархат громко и отрывисто произнёс:

– Их миром руководит сатана. Его цель – захватить и наш

мир. Если мы его не остановим здесь в России, то скоро он придёт к нам домой.

Бригадир глубоко вздохнул. Он всё понимал.

– А я думаю, что нас здесь кто-то хочет использовать в своей игре. Ради того же золота, которое наш народ даже не увидит. И ещё я думаю, что начав войну здесь, мы быстрее принесём её в наш дом и на нашу землю

– Ты много думаешь. Это вредит делу, – пытаюсь оставаться спокойным, сказал Фархат. Он злился, зная, что без помощи этого маленького сухого человека ничего не получится.

– Может быть, – Бригадир ещё раз вздохнул и, будто что-то окончательно решив для себя, подвинул к себе оставленную книжку. – Так о чем ты хотел поговорить?

– В тот день, когда мы будем делать наше дело, нам нужна будет хорошая поддержка. Надо чтобы кто-то отвлек внимание полиции. Для этого в центре города необходимо собрать большой митинг наших земляков. Под любым предлогом. Хорошо, если они приедут на автобусах и машинах, на которых работают, остальные пусть приходят пешком. Нужно, чтобы их было как можно больше. Власть должна испугаться по-настоящему. И бросить туда все свои силы. Ну а потом начнем мы. Можешь это организовать?

– Организовать могу, но не хочу, – твердо ответил Бригадир и тоже встал.

– Почему?

– Потому что все эти люди кормят свои семьи, которые

остались дома. После этого их в лучшем случае вышлют домой, а у нас там работы нет. И их дети будут голодать.

– Я не философ, я солдат и поэтому скажу тебе честно. Ты лучше о своей семье подумай. Если ты мне не поможешь, то её уничтожат. Всю... – спокойно, без всяких эмоций, сказал Фархат.

«Почему я сразу тебя не закопал где-нибудь на стройке? Ведь чувствовал, что ты нам привёз», – подумал Бригадир.

Он прекрасно знал, что это убийство близких – не пустая угроза, и на мгновение задумался. Вспомнил тех, кто остался дома. Из-за них он много лет живёт в чужом городе, скитаясь по съёмным квартирам, общежитиям, а чаще обычным бытовкам. Вспомнил любимую внучку...

– Уже есть точная дата? – спросил Бригадир, снова присаживаясь за стол. – Когда надо собрать людей?

– Завтра. Всё должно произойти завтра.

Глава 12

Дмитрий уже больше часа обдумывал предстоящий вечером разговор с женой. Он старался учесть все мельчайшие детали. Обдумывал и проговаривал каждое своё слово, каждую фразу в своей убедительной, как ему казалось, речи. Приводил новые аргументы и доводы, подтверждающие его правоту. Дима представлял её возможные ответы на его предложения, и почти всегда в них Маша просила сохранить их брак и дать ей один шанс всё исправить.

Но одно Дмитрия беспокоило больше всего: что будет, если она, как и во время утреннего телефонного разговора, не станет возражать и признает, что развод – единственный выход.

Несмотря на то, что именно в этом сегодня вечером он и хотел её убедить, Дмитрий не был уверен, что если она согласится, то у него самого хватит сил пойти до конца. Неожиданно для себя он начал ощущать какую-то психологическую зависимость от этой женщины. Он прекрасно понимал, что не испытывает к ней ни любви, ни даже симпатии, но просто уйти от неё почему-то не мог.

Дмитрий раз за разом пытался проанализировать свои чувства и разобраться в том, что ему мешает. Но кроме глупой обиды из-за потраченного впустую времени, он никаких причин не находил. Ему вдруг стало безумно жалко тех лет, что он провёл с ней. А ведь он строил планы, подстраивался под её желания. Было горько и досадно взять и перечеркнуть часть своей жизни

Прекрасно понимая, что это глупо, Дима все ещё не мог решить окончательно, чего он на самом деле хочет: уйти от нелюбимой женщины или продолжать жить в иллюзиях.

За этими мыслями он даже не заметил, как в его кабинет вошёл начальник. Лишь когда тот приблизился к столу и взглянул на листок бумаги, на котором Дмитрий все это время рисовал какие-то каракули, он, растерявшись, вскочил, быстро скомкал свои художества и бросил их в мусор-

ную корзину под столом.

– Мне с тобой поговорить надо, – сказал Анатолий Петрович, казалось, не обращая внимание на его смущение, – пойдём в кафе пообедаем, там и побеседуем.

На улице начальник предложил перекурить на скамейке, где меньше ушей. Дима, видя, что тот чем-то озабочен, немного нервничал.

– Тут такое дело, – медленно произнёс Анатолий Петрович. – Ты парень хороший, но кое-что, видимо, ещё не понимаешь, – он замолчал, решая в какой степени стоит быть откровенным с молодым сотрудником. – Я вчера был в Управлении. По их данным на нашей территории действует террористическая ячейка. Естественно, получил приказ немедленно её найти и обезвредить.

Анатолий Петрович достал из кармана сигареты, покрутил пачку в руках и с сожалением спрятал обратно.

– Жена просит, чтобы бросил эту гадость, – пояснил он и продолжил: – А как мы её вычислим? Да и вообще, это задача полиции. Там участковые есть. Ночуют же где-то эти террористы... Значит, у них есть регистрация. Пэпээсники на улицах должны всех подозрительных проверять... А у нас что? У нас людей не хватает даже хорошие отчёты сделать.

Дмитрий очень удивился словам начальника. Тот никогда не позволял себе высказываться так откровенно.

– Я к чему это всё... – Анатолий Петрович сделал неболь-

шую паузу. – Чтобы там наверху не считали, что мы здесь ничего не делаем, ты свои материалы по этому парню, которого сегодня вызывал, следователю передай. А он уже в суд. Пусть возбуждают. А то начальство нам всем головы поснимает за бездействие.

– Мы же этим делом человеку можем всю жизнь испортить, – возразил Дмитрий. – А если у судьи тоже план, то там ему и реальный срок могут организовать.

– Могут, – согласился начальник. – Ничего страшного. В СССР слово лишнее сказать боялись.

– Только это не помогло: развалился Советский Союз. Не сберегли вы свою страну, – удивляясь своей смелости, заметил Дима.

– Поэтому и развалился, потому что некоторым пустозвонам болтать разрешили. А людям голову, ой, как легко заморочить, – не замечая упреков подчиненного, с досадой произнёс Анатолий Петрович.

– Но сейчас другое время. У нас даже в правительстве и в Думе выражаются откровеннее, чем этот парень!

– Ну ты же не маленький – хрен с редькой не путай, – оборвал его начальник. – Ты меня внимательно послушай, пригодится, – Анатолий Петрович стряхнул с коленки своих идеально отутюженных брюк что-то невидимое. – Что такое «наше правительство»? Это лишь говорящие куклы от разных промышленно-финансовых групп. А для тех самое важное – доходы между собой распределить. Это с виду всё чин-

но и важно. На самом деле – драка за каждую копейку. Все же считают, что именно они имеют больше прав на российские ресурсы. А во все времена самым эффективным средством увеличить свою долю при дележе государственного пирога были перевороты и революции. И чтобы их осуществить, нужны люмпены и неудачники – на них воздействовать проще. Поэтому кроме чиновников в правительстве, все, кто поумнее, содержат целый штат проституток-журналистов. От дорогих, которые на центральном телевидении, до дешёвок из социальных сетей. Вот, Дима, мы и вернулись к твоему парню. Где гарантия, что он тоже не купленный? Поверь мне, от точного слова, сказанного в нужный момент, вреда гораздо больше, чем от бородатых террористов. А чаще всего и у тех и у других одна цель. Только разные подходы. Вот такие правила игры.

– Паршивые правила, – раздражённо выпалил Дима.

– Ну, не мы их устанавливаем. Ты же не приходишь на каток, где в хоккей играют, и не говоришь, чтобы все сняли коньки, потому что ты на коньках как корова. Не нравятся правила – иди на пустырь и играй сам с собой, или записывайся в болельщики.

Анатолий Петрович опять достал сигареты, но на этот раз закурил.

– Ты понимаешь, к чему я? – спросил он, с наслаждением затянувшись. – К тому, что наверху есть очень важные и очень заинтересованные люди, которые могут и открытый

террор организовать, а могут и массовые беспорядки спровоцировать с помощью блогеров и журналистов. А для большинства наших добропорядочных граждан все эти очередные революции под предлогом борьбы за свободу и демократию – прямая дорога к разорению и нищете. Поэтому мы и работаем.

Он сделал несколько быстрых затяжек, будто боялся, что кто-то увидит, как он курит и бросил сигарету в урну.

– Мы, Дима, как военные хирурги. Ни времени, ни возможности церемониться у нас нет. Приходится резать по живому. Мы жизни миллионов людей охраняем. Нет у нас других методов. Их вообще не существует. С безопасностью страны, как с красивой девушкой: если ты ей внимание не уделяешь, то ей уделяет внимание кто-то другой. Только девушку можно поменять, а Родину не поменяешь.

Он помолчал, а потом неожиданно спросил:

– Слышал, у тебя жена вчера в аварию попала?

– Да. Но сама не пострадала, – ответил Дима. – Пьяная была.

– Не к рукам баба – так хуже рваного лаптя, – сочувственно произнёс Анатолий Петрович. – Проще выбросить. Мне с первой женой тоже не повезло. Вроде и не гуляла, и дом всегда убран, а такая с ней тоска: выть хотелось... Может, лучше бы гуляла. У тебя вроде как раз всё наоборот... Есть женщины, которым всегда кажется, что в чужих руках член толще, – рассмеялся начальник.

Хотя Дима и понимал, что шеф прав, он всё равно обиделся. Поэтому решил вернуться к предыдущему разговору.

– Почему же мы сразу тех важных людей, которые наверху, не ликвидируем, а ловим лишь всяких мелких пешек? – спросил он.

– Ты вот в своей личной жизни порядок навести не можешь, а пытаешься одним махом в стране порядок навести, – решив разрядить обстановку шуткой, ответил Анатолий Петрович. – Русскому человеку всегда проще решать проблемы мирового уровня, чем забор на своем огороде поправить... Пойдём покушаем, а то скоро обед кончается. Но, помни, с женщинами надо, как и с нашими делами, не затягивать с лечением и не сентиментальничать. Иначе вместо нормальной жизни будет революционная гангрена.

Сразу после обеда Дмитрий позвонил пострадавшему в аварии парню. Его ответ был очень неожиданным:

– Да все нормально. Не переживай. Приезжал тот бородатый пассажир. Компенсировал мне ремонт и моральный ущерб. Сказал, что в ГАИ тоже обо всем договорился и протокол там забрал. Получается, что аварии как бы и не было.

Дима ещё не пришел в себя от этой информации, как позвонила Маша и сообщила, что уже собрала его вещи. Потом с усмешкой добавила:

– Будешь забирать, позвони заранее, а то мало ли чего.

– Но мы же с тобой утром... – хотел что-то сказать Дмит-

рий, но в ответ услышал короткие гудки.

Глава 13

Алексей очнулся на полу в большой сырой комнате прикованный наручниками к облезлой трубе. Без всякого сомнения, в этом месте давно никто не жил и только запах прокисшей еды и табака навсегда впитался в выцветшие зелёные обои на стенах. Из мебели в комнате остался только круглый затёртый коричневый стол и три старых венских стула.

Болеет затылок, по которому его ударили в автомобиле, когда он пробовал сопротивляться. После этого он уже ничего не помнил, так как, скорее всего, потерял сознание. Алексей немного привстал, чтобы взглянуть в окно, но кроме пожелтевших берёз ничего видно не было.

В этот момент кто-то сильно постучал во входную дверь. Из соседней комнаты выскочил молодой парень в чёрной майке и, поковырявшись с замками, впустил очень крупного высокого мужчину. Тот по-хозяйски прошёл в комнату, где находился Алексей, и внимательно осмотрел молодого человека. Потом осторожно, боясь испачкаться, сел за стол и достал из бумажного пакета, который принес с собой, большой стакан из Макдоналдса и два бигмака.

– Чайку сделай, – голосом, не привыкшим к возражению, распорядился он, обращаясь к парню, который стоял рядом, будто в ожидании указаний. – Только чашку как следует помой, – добавил мужчина, взяв двумя руками принесённый

бутерброд и примеряясь, с какой стороны его лучше откусить.

На нём был дорогой темно-синий костюм. Между расстегнутых верхних пуговиц белой рубашки сверкала толстая золотая цепь. Алексей сразу узнал его и понял, что его положение очень скверное. Это был начальник городской полиции – Семён Васильевич Онопко. Судя по тому, что пришёл он лично, не прячась, шансов выжить у Алексея было очень мало.

– Ты бы лучше, парень, не молчал и Христа из себя не изображал. Никаких благодарных зрителей здесь нет и не будет. Когда всё закончится, тебя просто закопают где-нибудь в лесополосе или на свалке. Будешь числиться как пропавший без вести. А слух пустим, что испугался и сбежал из страны, потому что дело на тебя завели нехорошее: о совращении малолеток. Уяснил?

Семён Васильевич Онопко говорил, не переставая жевать и одновременно смотреть на Алексея маленькими черными кабаньими глазками.

– Знаю я таких, как ты... С детства обиженных. Мол, «все вокруг гавно, а я один белый и пушистый». Вечно всем недовольные. Поначалу вы безобидные, но когда до вас доходит понимание своей ничтожности, начинаете водку на кухне жрать и жену бить... И то, если она сдачи дать не может, – хохотнул он, обернувшись на дверь. – В общем, скажу тебе честно: дела у тебя паршивые и сделать уже ничего нель-

зя. Только вот... – он тяжело поднялся со стула, подошёл к Алексею, кряхтя присел перед ним на корточки и, с любопытством заглядывая ему в глаза, с усмешкой добавил: – А вот как ты проведёшь свои последние часы, зависит от тебя самого.

Потом выпрямился, вернулся к столу, не присаживаясь доел бигмак, и крикнул, обращаясь к кому-то в другой комнате:

– Понтий! Как там тебя... Пантелей!

В комнату вошёл очень худой пожилой мужчина с большим кухонным ножом в руке. Поверх одежды он надел, видимо кем-то оставленный, белый врачебный халат с нелепым красным крестом на нагрудном кармане.

– Я съезжу на работу, – сказал ему начальник полиции, – вернусь через час, – он взял со стола бумажный стакан, проткнул соломинкой крышку и сделал большой глоток. – С детства люблю молочный коктейль, – Семён Васильевич, не отрываясь, допил напиток до дна и, причмокивая, тихо процедил: – За это время вы должны узнать у него всё: от того, в какой детский сад он ходил, до имени девки, с которой он невинности лишился. И главное, кто дал ему информацию.

– Хорошо, начальник, – скрипящим голосом ответил Пантелей. – Молодые с ним с удовольствием поработают, а я руки сейчас отмою и пора обед готовить.

– А ты, смотрю, как всегда хочешь чистеньким остаться? – прищурившись, с ядовитой ухмылкой произнёс Онопко. – А

ведь ты столько натворил, что даже если до конца жизни в монастыре одними сухариками питаться будешь и молиться круглыми сутками, то всё равно всех грехов не замолишь.

– Богу виднее, кого и за что прощать, а кого наказывать, – хмуро огрызнулся Пантелей.

– Ну хорошо, хорошо... Только отвечаешь за результат все равно ты, а не эти... – Семен Васильевич пренебрежительно махнул рукой в сторону второй комнаты.

Как раз в это время из неё вышли два похожих друг на друга молодых парня. Один держал в руках чашку с чаем, которую просил Онопко несколько минут назад. Второй с наглой улыбкой смотрел на Алексея, будто радуясь предстоящей возможности выбить из него информацию.

– Отвечаешь в любом случае ты, – покосившись на них, повторил начальник полиции.

Потом презрительно посмотрел на каждого из присутствующих и неспешно направился к выходу. В этот момент у него на телефоне заиграла мелодия из старого фильма «Джентльмены удачи». Звонил один из его сотрудников из дежурного наряда, который вызвали на какую-то квартиру бдительные соседи.

– Позвонили в дежурку и сказали, что какие-то азиаты из квартиры все утро коробки в машину грузят, – доложил полицейский. – Мы приехали, а здесь несколько нагловатых приезжих из теплых стран. Хотели в отдел отвезти, но их старший мне сразу ваш телефон дал. Говорит: «Позвони сво-

ему начальнику». Я даже не знал, что это ваш номер...

– Ну теперь знаешь. Раз дали мой телефон, значит, нечего тебе там делать. Езжай дальше... – Онопко со злостью надавил на кнопку отбоя, убрал телефон и быстро вышел из квартиры.

– Полкан сегодня как зверь, – прошипел сквозь зубы парень с чашкой.

– Он другим и не бывает, – ответил Пантелей

Семён Васильевич Онопко ещё в юности получил кличку «Полкан» за готовность в любую секунду, не задумываясь, наброситься на любого обидчика. Позже, когда он уже работал в милиции, говорили, что его за глаза зовут Полканом из-за собачьей преданности своим хозяевам. Он служил им, когда они еще были бандитами, потом, когда стали депутатами и, естественно, когда они уже официально возглавили городскую администрацию.

Но сам Семён давно уже стал другим. Он изменился, когда понял, что деньги не являются универсальным пропуском в любое общество и не дают ему право чувствовать себя на равных даже с теми, на кого он столько лет работал. Для всех он так и остался продажным ментом. Он мог делать для них всё: закрывать уголовные дела, собирать информацию, устранять неугодных. Только это не меняло его статус. Для них он всегда оставался лишь обслугой.

Тогда Онопко решил, что незачем впустую тратить силы

на то, чтобы выбиться в высшую лигу. Достаточно иметь на каждого из своих «боссов» папочку с документами, и лучше будет, если они об этих папочках будут знать. Пусть презирают, пусть ненавидят. Главное, чтобы боялись... Мысль, что все те, кто смотрит на него свысока, находятся у него в руках, вносила в его жизнь смысл, остроту и иронию.

Какой бы сволочью не был начальник полиции, но пока он был в комнате, Алексею было чуть спокойнее: всё-таки официальное лицо. Теперь, оставшись с тремя явными уголовниками, он почувствовал жуткий страх.

Пожилой сразу ушёл готовить обед и в комнате остались только два молодых парня. Один из них взял стул и поставил его рядом с Алексеем. Второй принёс красный целлофановый пакет и, проверяя, нет ли в нём дырок, встал напротив.

– Начнём с чего попроще, – предложил он. У него не было верхних передних зубов, и поэтому он сильно шепелявил.

– Нужен прозрачный пакет. Этот не пойдёт, глаз не видно будет. Не интересно, – возразил другой, который уже сел на стуле. – Я люблю смотреть в глаза.

– Где я тебе прозрачный возьму? – обидчиво произнёс шепелявый.

Алексей поразился тому, что они будто не считают его за живого человека – такого же обычного русского парня, как и они, который, вообще-то, не сделал им ничего плохого. Парни обсуждали детали пыток, будто речь шла о чём-то обы-

денном, вроде выноса мусора.

– Хочешь смотреть в глаза? Смотри! – весело вскрикнул беззубый и, взмахнув, будто пробивая по мячу, ударил Алексея ногой в живот. – Ну, как у него глаза? – он сделал пару шагов назад и с разбегу ударил еще раз.

Лёша повалился бы на пол, но помешали наручники. Пытаясь вдохнуть воздух, он как рыба, выброшенная на берег, хлопал ртом, но насыщения не было.

Шепелявый присел рядом, за волосы поднял его голову и повернул к тому, который сидел на стуле.

– Ну, чего там у него с глазами? Есть в них то, что ты ждал?

– Ещё нет, но скоро появится, – засмеялся парень. – У нас и время для этого есть, и способы разные. Где твой пакет?

Беззубый поднял с пола пакет и, расправив его, занёс над головой Алексея.

В этот момент в комнату вернулся пожилой мужчина. Он подошёл к ним и вырвал пакет из рук шепелявого.

– Идите поешьте. Он может уже сам готов всё рассказать, – прохрипел Пантелей.

– Да мы только начали... – расстроился сидящий на стуле.

– Как начали, так и закончили...

– Ты, Понтий, не командуй, а то рядом с ним приляжешь, – злобно просипел пустую угрозу беззубый.

Алексей посмотрел на нового человека с надеждой, что его избиение закончилось, но заглянув в глаза Пантелею, ис-

пугался ещё больше. Если те два отморозка были просто обычными предсказуемыми тупыми гопниками, то Пантелей был похож на старого, смертельно уставшего от своих дел патологоанатома. Он смотрел на Алексея так, как будто готовился препарировать его как лабораторную лягушку, думая, казалось, лишь о том, где удобнее сделать надрез, чтобы меньше испачкаться. Никаких эмоций в глазах у него не было, потому что, то, что ему предстояло, он делал сотни раз и сделает сейчас ещё. И не потому, что хочется, а потому, что так надо.

Несмотря на то, что боль от двух ударов в живот ещё не прошла, она казалась уже пустяком по сравнению с тем, что Лёша ожидал пережить в ближайшие минуты.

– Лучше всего свою работу делают те, кому она нравится. А этим ребятам явно нравится то, что они делают, – откашлявшись, сказал Пантелей, аккуратно распрямляя на коленке пакет, который забрал у парней.

– Не могут люди испытывать удовольствие, пытая другого человека, – тихо сказал Алексей.

– Ну, тут ты неправ, – оживившись, возразил Пантелей. – И знаешь почему? Потому что смотришь на это со своей колокольни, исходя из тех нравственных правил, по которым сам живёшь.

Алексей опешил, услышав такие слова от человека, который, возможно, готовится его убить.

– Мне кажется, нравственность, порядочность, добродетель

тель изначально заложены в любом человеке, – еще тише произнёс Алексей.

– Все эти мифы выдумывают люди во времена сытой жизни, – поморщившись, произнес Пантелей. – А вообще-то, мир, в котором мы живём, появился и стал таким, как есть, в результате бесконечной бойни за место под солнцем. Где все против всех. И где было лишь одно правило – выжить любой ценой. В этом мире мораль лишь помеха и утешение для проигравших.

Он посмотрел на удивленного Алексея, и самодовольно ухмыльнувшись, радуясь тому, что произвёл на него такое неожиданное впечатление, продолжил:

– Знаешь, почему эти парни будут бить тебя и получать удовольствие? Потому что в своём мире ты сильнее их. За тобой знания, образование, перспективы. А за ними ничего нет. Их сила не в несуществующей правде или придуманной морали, а в ненависти. В волчьей злобе. В их мире человек или жертва, или добыча. Чтобы выжить, они обязаны тебя, интеллигентика вшивого, в говно втоптать. Бить, пока не увидят в твоих глазах животный страх, ужас и мольбу о пощаде. Так они самоутверждаются. Такими они родились и их не переделаешь. Это их единственный способ выжить.

– Нет, так не может быть. Мы же не звери какие-нибудь.

– Думаешь? – устало скривил в насмешливой улыбке тонкие бесцветные губы Пантелей. – Сейчас они вернутся и покажут тебе, люди они или звери.

Алексей подумал, что не только молодые парни самоутверждаются рядом с ним, прикованным наручниками к батарее, но и этот седой, уже довольно-таки пожилой и, скорее всего, обиженный жизнью мужчина тоже пытается что-то доказать себе, читая ему лекции по человеческой психологии.

– Вот ты там за какую-то идею решил пострадать, – продолжал Пантелей, – а зачем? Кому ты хотел лучше сделать? Им? – он показал пальцем в сторону двери. – Неужели ты думаешь, что можешь в этом мире что-нибудь переделать? – он, довольный своей речью, откинулся на спинку стула. – Так что лучше расскажи всё мне: кто тебе слил информацию, где есть копии этих материалов. И я тебя отпущу. Потому что ты мне нравишься.

– Поверьте, я не герой. Я бы и сказал...

Алексей, уверенный, что его будут пытаться, а потом убьют, был жутко напуган. В животе, то ли от ударов, то ли от страха всё крутилось и дрожало. Было так обидно, что хотелось заплакать, как в детстве.

– Всё есть в открытых отчётах и все кому надо могут сами всё увидеть. Я могу вам показать, если дадите компьютер, – твердил он, понимая, что ни этого седого, ни пацанов, ни даже начальника полиции это уже не интересует.

Пантелей всё еще держал пакет в руках.

– Мир изменился, – произнес он. – Прогресс на лицо. Раньше терновый венец на голову одевали, теперь пакет из сетевого магазина.

В дверь громко постучали. Он отбросил пакет в сторону и пошёл открывать. Вернулся Онопко. Он не был уже таким вальяжным и уверенным в себе.

– У администрации на площади чурки что-то мутят... Взбунтовались узкоглазые, – сказал он Пантелею. – Всех силовиков в центр города согнали. Даже из Москвы, говорят, Росгвардию привезут. Межнациональный конфликт назревает. А значит, потом в любом случае все городское начальство трясти будут... Как допустили... Головы полетят...

Он быстро прошёл на кухню и вернулся с бутылкой водки и стаканом.

– Ты не будешь? – то ли спросил, то ли пояснил Семен и налил себе одному полный стакан.

Пантелей промолчал

– Времени нет, – выпив залпом почти двести грамм водки и даже не поморщившись, Семён Васильевич продолжил: – Я про этого юродивого нашёл кое-какую информацию, – он достал платок и вытер толстые мокрые губы. – Баба у него есть... Так что, если он кому и рассказал, то своей бабе. Хотя это уже и неважно. Короче, вот её адрес, тащите сюда.

Он подошёл к Алексею и, глядя на него, добавил:

– Делайте с ней что хотите, но хотя бы какую-нибудь информацию из него вырви.

Он присел перед Алексеем и с усмешкой произнёс:

– Доигрался в Робин Гуда? Ну это уже ерунда... Так что, парень, никогда не жалуйся, что плохо живешь, потому что

жизнь твоя всегда может стать ещё хуже.

– Может ребятам этим и надо самоутвердиться... А вам-то всё это зачем? – с надеждой произнёс Алексей, когда ушёл Онопко и уехали за Настей молодые парни. – Вы же другой. Я же вижу, что вы образованный человек.

Он понял, что надеяться ему не на что. И единственная возможность спасти себя, и теперь ещё и Настю – это попытаться переубедить оставшегося с ним наедине надломленного судьбой пожилого мужчину. Только как это сделать, Алексей не представлял.

– Как вы вообще оказались среди них? – спросил он.

Пантелей медленно подошёл к столу, чуть подумав, налил в стакан водки из оставленной Семёном бутылки и молча выпил. Присел и со злой усмешкой, глядя Алексею в глаза, похвалился:

– А я вроде тоже, как и ты, за правду пострадал. Давно... Ещё когда следователем работал, – он потер руками голову седыми, но еще жёсткими волосами. – Дочь предыдущего мэра сбила бабу с коляской. Ребёнок жив, а мама сразу на тот свет. Хотя я к тому времени все гвозди, которые мне в голову при советской власти вбили, уже вытащил, и иллюзий, кто есть кто, у меня уже не было, но что-то меня тогда возмутило. Может действительно ещё верил во что-то... Только вся жизнь моя перевернулась...

Пантелей встал и, не обращая внимания на Алексея, сде-

лал несколько шагов к окну. Отодвинув горшки с давно засохшими растениями, он опёрся ладонями на подоконник и продолжил:

– Мне, конечно, звонили. Просили... Угрожали. И при других обстоятельствах я бы не сомневался, что делать. Но здесь... Когда эта дочка из машины пьяная выползала, её десяток человек видело. Все сняли на телефоны и в интернет выложили. А журналисты вытащили новость на общероссийский уровень. Дочь мэра же... Что я мог сделать? Я тогда ещё о карьере мечтал, надеялся заметят, в Москву вызовут. Поэтому передал в суд, всё как положено... И срок ей дали. Только она так и не села. Пока разбирались, ребенка родила... Ну и до совершеннолетия отсрочили.

Пантелей повернулся от окна и с той же злой улыбкой, обращаясь к Алексею, насмешливо добавил:

– А вот я через полгода сел. Свои же местные нашли за что посадить, чтоб другим nepовадно было хозяев не слушаться.

– А что же вы могли сделать? – спросил Алексей.

– Да что угодно. Например, написать, что та мамашка, которая под колеса попала, пьяная была. Максимум – уволили бы... Да и то с повышением... Короче, сам виноват. Не сориентировался. Решил, что самый умный.

Он шагнул к Алексею, сидящему на полу.

– Но, а ты, считай, сам в петлю залез. Зачем? Доказать что-то себе хотел? А может, и во мне тогда, и в тебе сейчас гордыня разыгралась? Ведь гордыня – тяжкий грех.

Пантелей вернулся к столу и налил себе ещё водки.

– Помню, в СССР с утра до ночи на каждом углу внушали: советский человек – это гордость страны. Самый умный, самый образованный, самый работающий... Самый, самый, самый... Ну, и естественно, возгордился человек, попивая водку у себя на кухне. Возгордился и задумался: «Если я такой прекрасный и восхитительный, то почему же живу в таком дерьме?» И сразу виноватого нашел. Власть! – зло выкрикнул Пантелей. – Не сам же он в своей паршивой жизни виноват. Так и кончился СССР. А человек тот возгордившийся ещё в большем дерьме оказался.

Выпив, он быстро подошёл к Алексею.

– Вот и ты сейчас не за правду воюешь, а себя вознести хочешь. Мол, я не такой, не как вы все... Чуть ли не святой... Жизнь свою для вас не жалею...

Он опять подошел к столу. Вылил в стакан оставшуюся водку и устало сел на стул.

– А на то, что потом из твоей правды вырастет, тебе плевать, – Пантелей поставил локти на стол, обхватил ладонями голову и, глядя на стакан, тихо добавил: – Знаешь же прекрасно, куда благие намерения ведут...

– Теперь, кажется, знаю, – тихо откликнулся Алексей. Он смотрел на уже пьяного и казавшегося сумасшедшим человека в медицинском халате, и с ужасом думал, что будет, когда сюда привезут Настю.

Пантелей будто очнулся и, с надеждой повернувшись к

Алексею, спросил:

– Может тебе назвать кого-нибудь? Любого, кого захочешь. У тебя же есть враги?.. Ты только имя назови, а я тебя отпущу. Никто же не будет проверять. На это и времени нет... – он вроде уже и рад был бы отпустить Алексея и только искал повод. – И у тебя, и у бабы твоей шанс появится.

– Враги, конечно, есть, но как же так можно? А вдруг его потом так же как меня... Совсем ни за что...

– А ты, и правда, за них переживаешь или просто не веришь, что отпущу? – хитро прищурившись, спросил Пантелей.

– Почему не верю?..

Алексей задумался: «А может он прав? Может, если бы я точно был уверен, что меня и Настю отпустят, как только я скажу ему чьё-нибудь имя, то назвал бы не сомневаясь?» Он представил, что произойдёт, когда сюда привезут Настю. «Что они с ней сделают?» Ему стало жутко.

– Ну, я не знаю... – неуверенно произнёс Лёша.

– Ты хорошенько подумай. Вспомни, – будто искушая, уговаривал Пантелей.

– Нет! Нет никого, – отрезал Алексей. Он вдруг ясно понял, что никакого освобождения не будет, что этот человек через его падение хочет так же самоутвердиться, как те молодые отморозки.

– А ведь ты всё равно задумался, – разочарованно покачал головой Пантелей. – Все мы люди. И когда припрёт, то и

мысли всякие закрадываются. Даже Христа дьявол в пустыне искушал, а уж нас простых... Хотя вроде и мы сыновья божьи, – с усмешкой добавил он. – Только одним от нашего общего папы досталось почему-то больше, другим меньше. Это только считается, что во Христе все равны...

Он внимательно смотрел на Алексея, ещё надеясь, что тот поверит его обещанию.

– Чтобы ты лучше понимал, что тебя ждёт... Тем двум молодым пацанам от бога вообще ничего не досталось. Так что, то, что они с тобой пока делали – это была боль лишь физическая, а как бабу твою привезут, и моральные проблемы добавятся. Так что подумай хорошенько.

– А мне кажется, это не они хотят моего морального унижения, а ты, – громко ответил Алексей.

Неожиданно Пантелей рассмеялся.

– И я конечно, – с удовольствием сознался он. – Не нравится мне рядом с тобой полным дерьмом выглядеть.

– А если просто отпустить меня, пока никого нет и самому уехать отсюда подальше? Ведь всё сейчас в твоих руках... И моя свобода, и твоя совесть.

– Как ты все перевернул, – опять став серьёзным ответил Пантелей. – То я тебя искушал, а теперь ты меня искушаешь. Но с тобой ясно: ты за жизнь борешься. А я-то что получу?..

– Может, прощение для себя?.. Может не перед человеческим судом, но хотя бы перед божьим? Ты же вроде верующий...

В дверь громко постучали.

– Ну вот видишь, – будто почувствовав облегчение, что уже не нужно выбирать, вздохнул Пантелей и, с сочувствием посмотрев на Алексея, пошёл открывать.

Глава 14

Всю ночь Настя набирала телефонный номер Алексея, но в ответ слышала только ставший ненавистным голос автоответчика: «Абонент не доступен...»

Утром, позвонив несколько раз ему на работу, где он так и не появился, она, не зная что делать и где его искать, решила съездить в их домик у реки. Уже почти собравшись, стоя в прихожей перед зеркалом в куртке и сапогах, Настя вспомнила вчерашний вечер.

«А что бы ты ответила, если бы Роман предложил не место соержанки, а руку и сердце? – подумала она. – Ведь ты бы согласилась. Нашла бы как себя уговорить, – Настя подмигнула своему отражению. – Но ведь не предложил. Да и не согласилась бы. Так... Самолюбие бы свое потешила».

Она глубоко вздохнула и решила, что надо всё-таки поговорить с Лёшиной матерью, отношения с которой у неё так и не наладились. Покопавшись в сумке, достала телефон, когда в дверь позвонили. Настя с надеждой распахнула дверь. Но вместо того, кого ей очень хотелось увидеть, на лестничной площадке оказались два мерзко ухмыляющихся парня, которые мгновенно грубо вломились в квартиру, затолкав её

вглубь коридора.

Крохотный размер прихожей, на который она постоянно ругалась из-за невозможности нормально развернуться, в этот раз сыграл ей на руку. Настя подбросила телефон перед лицом первого из ворвавшихся, и пока тот машинально стал его ловить, выхватила из кармана нож и, выкинув большим пальцем лезвие, нанесла ему три удара: два в живот и ещё один, когда парень согнулся от боли, сбоку в горло.

Второй отморозок, вместо того, чтобы хоть как-то помочь товарищу, бросился открывать дверь, которую сам закрыл мгновение назад. Настя, почти перелетев через упавшего парня, рукояткой ножа с размаху ударила пытающегося вырваться второго бандита по затылку. Он свалился как подкошенный рядом со своим приятелем, который хрипел, перебирая ногами в предсмертной агонии. Последний удар перебил ему на горле сонную артерию.

То, что эти парни причастны к исчезновению Алексея, Настя не сомневалась с первой секунды, как только увидела их на лестничной площадке. Она осмотрела карманы того, кому досталось по затылку. Сзади у него за ремнем она нашла пистолет, а в кармане его кожаной куртки несколько пластиковых хомутов. Одним из них она сразу же стянула ему руки. Потом ещё раз взглянула на того парня, которому повезло меньше – было похоже, что он умер.

Настя без сил опустилась на пол и прислонилась спиной к стене. Она попыталась осмыслить произошедшее. И сразу

сообщила, что нападавшие должны знать, где Алексей, и один из них ещё может ей это рассказать.

– Жить хочешь? – спросила она.

Бандит лежал лицом вниз, но Настя поняла, что он уже пришёл в сознание.

– Не убивай, – всхлипнул тот.

– Тогда говори! Не услышу то, что мне нужно, отправишься за своим приятелем.

– Нас за тобой послали, – почему-то шёпотом, сильно шепелявя, заговорил парень. Потом повернулся на бок лицом к Насте. – Мы должны были тебя с собой привезти на квартиру, туда, где твой парень.

– Он жив?

– Когда мы уезжали, был жив.

Настя облегченно вздохнула.

– Где эта квартира? Что вы от него хотите?

– Да я-то никто. И знать ничего не знаю. Там ваш главный мент командует... Но он сейчас уехал. С твоим парнем один Пантелей остался. Хочешь, я помогу тебе его освободить?

Всё это парень выпалил так быстро, что Настя не сразу всё поняла.

– Кто такой Пантелей? – спросила она.

– Так... На подхвате у вашего начальника полиции... Для особых поручений, – попытался объяснить парень. – Он тоже бывший мент, только отсидевший. Корчит из себя правильного, а на самом деле гнида и дешёвый понторез. И кличка

у него поэтому – Понт. Хочет всегда правильным выглядеть. Не таким как все.

Через пару минут они ехали на машине, на которой приехали бандиты, только теперь за рулём была Настя.

Старый деревянный двухэтажный дом на несколько квартир готовился к сносу, и все жильцы давно были расселены. Вокруг росли пожелтевшие берёзы и клёны. Порывы ветра срывали с них листья, и вся земля вокруг была покрыта мягким жёлто-красным ковром. Чуть дальше начинался лес. Настя спросила шепелявого, как пользоваться пистолетом, а потом ножом перерезала ему пластиковый хомут на руках.

– Хочешь выжить, не дёргайся, – произнесла Настя, заметно волнуясь и оглядываясь по сторонам.

Они вышли из машины.

По грязной скрипучей некрашеной много лет лестнице они поднялись на второй этаж. Настя, встав чуть за спиной парня, велела постучать в дверь. Через несколько секунд её открыл седой пожилой мужчина с бесцветными глазами. Настя заранее решила не рисковать и поэтому выстрелила сразу. Потом толкнула внутрь квартиры растерявшегося парня, который надеялся, что все пойдет как-то по-другому, заскочила сама и захлопнула дверь. Мужчина был жив, но на белом халате в районе груди быстро росло красное пятно.

Настя заглянула в комнату и увидела прикованного Алексея.

– Где ключ? – быстро спросила она у лежащего на полу раненого Пантелея.

– На столе. Я принесу, – услужливо откликнулся испуганный парень. – Ты обещала меня не убивать, – напомнил он.

– Освободи его... Лёша, ты как? – крикнула она не заходя в комнату, стоя около истекающего кровью Пантелея.

– Нормально, – откликнулся растерявшийся Алексей, вставая с пола и потирая затёкшие кисти после того, как парень расстегнул наручники.

– Этого пристегни вместо себя и уходим отсюда.

Алексей сделал всё так, как сказала Настя, потом подошёл к ней и посмотрел на лежащего Пантелея. Тот держал руку на прострелянной груди. По его глазам было видно, что он понимал, что умирает. Попробовав изобразить на лице улыбку, он прохрипел:

– А ведь был шанс спастись... Бог всегда дает шанс... Испугался...

Настя потянула Алексея за руку.

– Бежим... Нет времени...

Глава 15

В два часа дня центральную площадь города, прямо напротив здания городской администрации, заполнили черно-волосые смуглые парни. Всё прошло быстро и организованно. Большинство из них приехали на автобусах. Водители, гастарбайтеры из Средней Азии, будто по команде бросили

свои маршруты и начали свозить на митинг своих земляков. За несколько минут людей стало так много, что находящиеся поблизости полицейские поняли, что сделать с этой толпой они уже ничего не смогут, и, доложив о происходящем, наблюдали за событиями не вмешиваясь.

На центральную площадь выходили три улицы. Две из них были плотно перекрыты теми же автобусами. Один автобус оставили в центре площади у фонтана для того, чтобы использовать его как трибуну для выступающих.

В том месте, где третья улица, оставшаяся не забаррикадированной, вливалась на площадь, с подъехавшей «газели» сбросили несколько десятков старых покрышек.

Скоро к собравшимся прибавились зеваки и прохожие. Теперь толпа выглядела очень внушительно, но импровизированная трибуна была пока пуста. Местные жители обсуждали происходящее, сжавшись в кучки у стен домов. Они были немного напуганы и, казалось, не верили, что всё это на самом деле происходит в их городе.

Директор завода, Роман Иванович Шмидт, ездил утром на совещание в городскую администрацию, а потом заскочил в магазин купить домой что-нибудь из продуктов. В этот момент и начался митинг. Он вышел на крыльцо магазина, но дальше пройти было невозможно: все пространство перед ним было заполнено людьми.

Недалеко от магазина, через быстро подготовленную зву-

ковую аппаратуру, с крыши автобуса уже выступал очень полный невысокий мужчина, с трудом забравшийся на него по приставленной лестнице. По его наружности и манерам было видно, что сам он точно не штукатур и не плотник.

– Сегодня мы пришли сюда, чтобы показать что мы есть, что мы сила и что без нас этот город жить не сможет, – выкрикивал он, осторожно взмахивая короткими ручками, опасаясь скатиться вниз, – поэтому мы требуем равных прав...

Роман Иванович чуть удивился тому, что оратор говорит на русском языке. Но потом отвлёкся, услышав разговор соседей по крыльцу.

– Ленин с броневика выступал, Ельцин с танка... – усмехнулся мужчина с мутными, но весёлыми голубыми глазами, – эти демократично... с автобуса.

– Вот бы их сразу в эти автобусы загнать и отправить обратно на историческую родину. Нечего им здесь в России делать. Мы уж сами здесь справимся... – строго сказал его приятель в коричневой замшевой кепке и в сером, немного заёртым на рукавах, длинном пальто.

– Я вот тебя, Сергей, не пойму, – повернулся к нему весельчак. – Ты вроде везде кричишь, что Советский Союз был лучшим в мире государством... А ведь тогда мы с ними были одним советским народом. Зачем же их тогда выгонять?.. Ты уж или крестик сними, или трусы надень...

– Если их выгнать, кто работать будет? – вмешалась в раз-

говор шустрая старушка, тоже застрявшая на крыльце. – Не вы же, бездельники...

– Почему это, бабушка, мы бездельники? – возмутился мужчина в пальто, важно нацепив очки в толстой роговой оправе, которые он церемонно достал из внутреннего кармана.

– Потому что время рабочее, а вы здесь зенки свои вылупили и несёте околесицу. И перегаром от вас за версту несёт...

– Работы, бабуля, для нас нет. Одни жулики кругом...

– А ты у этих поучись, – она показала своей палкой на толпу гастарбайтеров, – может чему научишься. А то только языком трепать и водку жрать, прости Господи, – она спустилась на пару ступенек с крыльца, повернулась и добавила: – Проживут такие вот лоботрясы всю жизнь, а так и не задумаются, зачем жили...

Старушка вышла на площадь и, не церемонясь, раздвигая палкой толпу, похромала по своим делам. Роман Иванович с завистью посмотрел ей в след. «Она-то точно знает для чего жила, – подумал он. – Отец тоже знал: мечтал, чтобы его самолёты были лучшими в мире. А я для чего?»

Из магазина на крыльцо вышла молодая симпатичная девушка. Оглянувшись по сторонам и сообразив, что выбраться отсюда не получится, она достала из сумки пачку сигарет, оценивающе посмотрела на Романа Ивановича и спросила, нет ли у него огонька.

Он зачем-то похлопал себя по карманам, прекрасно зная, что ни спичек, ни зажигалки у него быть не может. Виновато улыбнулся и, качая головой, произнёс:

– Огня у меня нет, но в этом магазине есть хорошее кафе. И так как мы здесь всё равно застряли, то может нам пойти пообедать?

Девушка будто этого и ждала. Она быстро убрала сигарету обратно в пачку, сверкнула глазками из-под длинных ресниц и, очаровательно рассмеявшись, ответила:

– Отличное предложение. А уж огонь мы с вами как-нибудь добудем. Меня, кстати, Маша зовут.

Когда парочка вернулась в магазин, двое оставшихся на крыльце мужчин понимающе переглянулись, и тот, который был в кепке, сплюнул и презрительно сказал:

– Одни бляди кругом.

– Каждому своё, – весело ответил его приятель.

На крышу автобуса забрался ещё один оратор. Молодой парень выглядел более решительным и настроен был гораздо агрессивнее предыдущего. Он рассказал, сколько раз в день его останавливают полицейские, вымогая деньги, сколько раз его обманывали работодатели, не выплачивая заработанные деньги. Потом, повернувшись к зданию администрации, выкрикнул, будто надеясь, что его услышат те, кто внутри:

– Пусть те, кто сейчас смотрит на нас из этих окон, знают,

что мы устали от их постоянных унижений и поборов!

А в это время внутри здания на восьмом этаже глава местной администрации обсуждал с начальником полиции план действий. Может, все было бы проще, но как назло утром приехал из Москвы неприятный тип, чтобы проверить, как они здесь выполняют кремлёвские распоряжения.

Молодой парень, «карьерист-выскочка», как его сразу охарактеризовал Семён Васильевич Онопко, смотрел в окно, одновременно слушая разговор в кабинете главы города и то, что говорят выступающие на митинге ораторы.

Ещё недавно Саша Бланк работал в далёком Барнауле. Его красивые доклады заметили в Кремле. Вызвали. Назначили для проверки в Администрацию Президента, где он себя прекрасно показал. Теперь он уже был заведующим отделом и курировал этот регион.

Саша смотрел на митингующих и думал о том, как же хорошо сложилась его жизнь. Ведь останься он дома в Барнауле, то легко мог столкнуться с чем-нибудь подобным. А за это точно надавали бы по шапке, и о карьере можно было бы забыть. Сейчас он фактически не отвечал ни за что. От него лишь требовалось делать хорошие отчеты, которые шли на самый верх.

Саша обратил внимание на стены местного Кремля на другой стороне площади и подумал, что такой митинг может произойти и в Москве.

«Вот когда головы полетят... И тогда главное не упустить момент... Теперешняя должность хорошая, но не очень хлебная... Не для неё мама такого сына рожала», – улыбнулся Саша, размечтавшись о возможных перспективах.

Последнее время он часто общался с людьми, которые, как ему казалось, проверяют его на предмет возможного сотрудничества. Это были банкиры, промышленники, политики. Но Саша прекрасно понимал, что сейчас он как сапер – не имеет права на ошибку. Сделав неправильный выбор, легко можно испортить себе карьеру или вообще оказаться в тюремной камере. И поэтому не спешил.

Глава города напирал на начальника полиции, который говорил, что их силами ничего сделать нельзя и лучше просто дожидаться, когда всё кончится само собой.

– А если они сюда ворвутся? Ты тоже будешь бездействовать? – спросил мэр, оглядываясь на московского гостя.

– Да мы им не нужны. Они сами всего боятся, – поморщился Онопко будто от зубной боли.

– Если бы сильно боялись, то такое бы не устроили, – не поворачиваясь произнес Саша. Больше всего он любил провоцировать людей на глупые поступки, а потом стараться получить от этого выгоду для себя лично.

– Дожили, – устало вздохнул Глава, – даже гастарбайтеры нас не боятся.

– Люди ведут себя с властью так, как им эта власть позволяет. Значит, вы что-то где-то упустили. Может надо и твёр-

дость проявить, – заметил Саша.

– Может, не надо было их вообще сюда пускать? – огрызнулся Онопко. – С местными Ваньками мы бы сами легко справились, а вы нам на радость завезли этих Джамшутов.

– Ты поменьше рассуждай, Семён Васильевич, – сказал мэр, хотя был согласен с начальником полиции. – Собирай всех своих архаровцев, и чтобы через полчаса площадь была пустая, а обезьянники у тебя в отделениях полные...

Онопко оглянулся на московского посланника, надеясь получить от него поддержку, но тот продолжал смотреть в окно.

– Ну как скажите. Только ничего хорошего из этого не получится.

– Да откуда ты знаешь? – выкрикнул в сердцах глава города.

– Я в армии под Ферганой служил. Я эту публику хорошо знаю...

– Давай, Васильевич, иди выполняй... Про свою армию потом будешь вспоминать.

– Ну как знаете. Моё дело предупредить. Хотите анекдот расскажу?

– Расскажите, Семён Васильевич, – повернулся от окна проверяющий и посмотрел на него с ироничной улыбкой.

– Сидит мужик на толстой ветке на дереве и пилит её прямо под собой. Мимо старичок проходит и говорит: «Мужик, да если ты ветку спилишь, то упадешь». Тот традиционно

ему в ответ: «Иди лучше куда шёл, советчик хренов». Допиливает и, естественно, падает. Лежит, бок потирает и думает: «А старичок-то – колдун, наверное».

Глава 16

Первым в этот день погиб начальник полиции Онопко. После того, как глава города приказал немедленно начать вытеснение с площади митингующих, Семён Васильевич решил уехать к себе в отдел. Мало ли что там у администрации может произойти.

«Это не пенсионеров разгонять, – подумал он. – Лучше отсидеться в сторонке, у себя в кабинете. И не придерется никто – координировал действия».

Подъезжая к зданию, он заметил, что дежурный, нарушая установленные правила, курит у входа.

– Ну, сейчас ты, красавчик, у меня получишь, – гневно пробурчал себе поднос Семён Васильевич, паркуя автомобиль. Предлог, для того чтобы сорвать злость за все сегодняшние неприятности, был найден.

В тот момент, когда он уже зашёл в дежурку и вдохнул полную грудь воздуха, чтобы высказать двум офицерам, что он о них думает, в оставленную открытой дверь вошёл невысокий улыбчивый паренёк азиатской внешности.

– Ты-то какого хрена сюда припёрся? – набросились на него сразу все: начальник, потому что ему уже было всё равно на кого кричать, и дежурные, чтобы показать, что не дрем-

лют на службе.

Парень, ничего не отвечая, сделал пару шагов к рамке для досмотра и тут же прогремел взрыв. Через несколько секунд после этого в здание ворвались несколько человек. Только на втором этаже им оказали небольшое сопротивление. Но разница в подготовке была слишком большой. Бой продолжался всего несколько секунд.

После этого столкновения бойцы, захватившие здание, заняли те места, которые им были определены заранее при планировании этой операции. К месту, где была дверь, а сейчас чуть дымился огромный проем, подъехал грузовик, из которого быстро вынесли несколько зелёных ящиков. Этой же машиной нападавшие заблокировали железные ворота на въезде. На захват городского отдела полиции у них ушло не более двух минут.

В это же время в городе начались ещё два пожара. Первый – на площади, где митингующие, заметив, что в переулках за домами концентрируются полицейские, подожгли с помощью приготовленного бензина заготовленные покрывки. Несколько штук, уже горящих и коптящих, они со смехом подбросили к входу здания администрации. Чёрный дым быстро проник в фойе и коридоры, создав внутри невероятную панику.

Второй пожар начался в неказистом кирпичном строении, которое находилось совсем рядом с отделом полиции. В находящемся там доме ветеранов загорелась столовая. Огонь

начал быстро распространяться по коридору. Немногочисленный персонал попытался спасти стариков. Но большинство пенсионеров не могли передвигаться без посторонней помощи и вообще не понимали, что происходит. К тому же из-за пожара нельзя было попасть на лестницу. А спальные палаты находились на втором и третьем этажах.

Две молодые медсестры попробовали быстро пробежать по ступенькам, чтобы оказать помощь заблокированным наверху людям, но, глотнув едкого дыма, мгновенно потеряли сознание. Их еле успели вынести на улицу вовремя прибывшие пожарные. Сразу за ними подъехали сотрудники городского отдела ФСБ. Кабинетные работники были совсем не подготовлены к борьбе с террористами, и единственное, что могли сделать в этой ситуации, это организовать эвакуацию больных.

Пожар именно в столовой начался потому, что она окнами выходила на здание полиции, которое было всего в десяти метрах. Теперь всё здесь было охвачено пламенем и дымом.

Когда пожарные сбили огонь на лестнице, первым на третий этаж забежал Дмитрий. Он увидел, что некоторых больных уже спускают вниз с помощью двух металлических лестниц, приставленных к окнам. Но пожилых людей было слишком много, и большинство из них эвакуировать таким способом было невозможно. Носилок, для того чтобы вынести их по уже потушенной обычной лестнице, тоже не хватало.

В это время прозвучали первые выстрелы. Террористы,

заметившие, что огонь почти затих, стреляли по окнам, чтобы не дать возможность контролировать свои передвижения.

Дима забежал в одну из палат. На кровати, сжавшись в комок под одеялом, лежала маленькая старушка. Она не была напугана и смотрела на него ясными, понимающими глазами.

– Вы не волнуйтесь... Тут у вас небольшое возгорание, – быстро начал объяснять Дима, соображая как лучше всё сделать. – Я сейчас вас прямо с одеялом на улицу вынесу.

– Ты, внучек, не суетись. Возьми в тумбочке мои документы и, главное, телефон, – тихим голосом сказала бабушка. – Дочка должна позвонить, а если я не отвечу, то она волноваться будет. Так что забери всё это, пожалуйста...

Дима сделал, как она просила. Потом завернул её в одеяло, поднял на руки и побежал к выходу.

На улице его начальник в бронежилете, накинутым прямо на дорогой пиджак, и с автоматом в руках, собирал всех своих подчинённых.

– Эвакуацией пускай МЧС занимается, – сказал Анатолий Петрович, – у нас другие задачи.

Начальник критически осмотрел семерых молодых ребят.

– Не густо... – поправив на плече ремень, произнёс он. – Заложников они не брали, а могли бы, – Анатолий Петрович кивнул в сторону эвакуируемых стариков. – И требований нет. Значит, это акт демонстрации своих возможностей. Запугать нас хотят... И заодно на прочность проверить.

Он попробовал из-за угла дома посмотреть, что происходит у здания полиции. Автоматная очередь быстро заставила его опять спрятаться.

– Суки! – прошипел он сквозь зубы. – Умеют, – Анатолий Петрович прижался спиной к стене и зло добавил: – Мы же знали, что именно так и будет... Что это лишь вопрос времени... На что надеялись? На авось? На пронесёт? – говорил он неизвестно кому. – Тысяча лет стране, а всё как у целки – в первый раз без крови не получается...

В этот момент у него зазвонил телефон. А Дима почему-то вспомнил первую ночь с Машей.

«Ведь мне тоже сразу было всё ясно, – подумал он. – Что Маша не та женщина, которую искал. Ведь с обеих сторон и намёка на любовь не было. Зачем же тогда женился? Чтобы всё как у всех? Ну и что теперь из этого вышло? Была пустота, а теперь еще, похоже, и ненависть... Ну не было бы этой аварии... Все равно бы через год, через два произошло бы что-нибудь другое. Чего я тянул? Столько времени потрачено... А ведь это моя единственная жизнь и другой не будет. Почему я тогда не слушал своё сердце?.. Неужели возможность без особых хлопот заниматься сексом с симпатичной девушкой оказалась важнее, чем мечта? Я же всегда знал, что должно быть ещё что-то...»

– В общем, так, орлы, – прервал его мысли начальник, который закончил короткий разговор по телефону, – там ребята за сквером собрались. Все, кого смогли быстро найти...

И полиция, и наших немного, и даже гражданские со своими охотничьими ружьями рвутся... Сейчас они начнут атаку. Вариант у них один: в лоб через сквер. Там всё насквозь простреливается. Просят, чтобы мы их как-нибудь поддержали. Короче: я сажусь в пожарную машину и пробиваю забор. Эти сволочи решат, что атака будет с нашей стороны. И ударят по нам. Ваша задача не дать им сразу сообразить, что это лишь имитация. Ну и меня по возможности прикрыть и вытащить.

– Анатолий Петрович, это же глупо! Можно подождать, когда спецы с тяжёлой техникой подъедут. Зачем нам на рожон лезть?.. – попытался его разубедить коренастый парень с аккуратной чеховской бородкой. – Бессмысленные жертвы.

– Можно конечно, а ещё можно домой пока сгонять, – произнёс Анатолий Петрович с досадой. – Мне вот жена звонила: борща, говорит, наварила, приезжай обедать... Но вот, чёрт возьми, в чём проблема... Иногда у тебя в голове что-то перемыкает и ты, вместо того, чтобы отлежаться на диване или борщ кушать под рюмочку, лезешь хрен знает куда... На какой-то грёбаный рожон. И почему-то при этом уверен, что по-другому тебе нельзя, – он сплюнул и ботинком растёр плевков на земле. – Дима, принеси, пожалуйста, ключи вон от той красненькой машины, – начальник показал на старый ЗИЛ-131. – Тридцать лет назад я в армии на такой катался. Пусть пожарные отцепляют от неё свои шланги. Через две минуты начинаем.

Глава 17

Все утро Маша пыталась дозвониться до своего друга и сообщить ему радостную новость о том, что она теперь свободна, муж из квартиры выехал, и теперь ничто не мешает им жить вместе. Но приятель не снимал трубку. Она написала несколько сообщений – ответа не было.

Когда она уже устала хвастаться перед подругами об изменении своего семейного статуса и рассказывать им о грандиозных планах на будущее, он позвонил сам. Маша в этот момент ходила по магазину, чтобы купить что-нибудь вкусное на вечер. В магазине она застряла основательно, потому что на улице какие-то бездельники устроили митинг и столпотворение.

Она радостно выпалила в телефон все новости и предложила немедленно это отметить. Но в ответ, после долгой паузы, услышала то, что сначала расценила как плохую шутку:

– Сегодня у нас не получится встретиться.

– А когда же? – нетерпеливо спросила Маша.

– Я сегодня вечером уезжаю... – сдержанно ответил её приятель, – здесь моя командировка закончилась.

– А я? – растерялась Маша. – Алик, ты же говорил, что тебе хорошо со мной, и ты мечтаешь быть рядом всю жизнь...

– Машенька, это всё так и есть, но я закончил здесь у вас в городе все свои дела и мне пора домой.

– Ну а мне что делать? – Маша начинала понимать, что это

не шутка и её настроение резко изменилось. – Я из-за тебя выгнала мужа, а ты куда-то сматываешься. Возьми с собой меня, если так уж срочно надо съездить... Познакомишь с родителями, а потом мы вернёмся.

– Это невозможно, Машенька.

– Почему? – почти закричала Маша, уже не сдерживаясь, и люди вокруг начали оглядываться.

– Потому что мои родители этого не поймут, – усмехнувшись, ответил приятель. – У нас так не принято. И вообще, у меня скоро свадьба. Мама давно нашла мне хорошую невесту. Так что прощай. Если буду когда-нибудь здесь ещё раз, то обязательно позвоню.

Услышав короткие гудки, Маша со злости чуть не бросила телефон на каменный пол. Ей было так плохо, что не было сил даже обматерить продавщицу, которая уставилась на неё, как на прокаженную.

Уже почти выскочив из магазина, она услышала, что телефон опять заиграл её любимую мелодию. Маша мгновенно выхватила его из кармана, надеясь, что весь этот разговор ей приснился и сейчас сон развеется. Но взглянув на экран, увидела, что звонит муж. Она хотела сбросить звонок, но, секунду подумав, сообразила, что может теперь и не стоит так разбрасываться.

– Да, Димочка, – ответила она самым слащавым голосом, который смогла выжать из себя в эту минуту.

– Извините, Марья Сергеевна, это не Дмитрий. Дима се-

годня погиб при выполнении...

Эпилог

Алексей проснулся от странного шума на улице. Не включая свет, он дотронулся до плеча Насти и спросил:

– Ты слышишь?

– Не волнуйся... Это не про нашу душу. Слишком шумно и слишком долго. Да и некому теперь за нами гоняться.

Алексей вспомнил все события вчерашнего дня.

– Но жить как прежде, наверное, уже не получится...

– Придумаем что-нибудь... – улыбнулась в темноте Настя. – Помнишь, как говорила та девушка из «Унесённых ветром»: «Об этом я подумаю завтра».

– Как бы нам самим не стать унесёнными ветром... Я все-таки схожу посмотрю что там.

– Сходи, – абсолютно спокойно, даже будто равнодушно, ответила Настя, повернувшись на другой бок.

На большой лужайке перед домом, пытаясь подсветить себе светом фар автомобиля, чем-то непонятным занимался их сосед. На земле была расстелена длинная полоса яркой материи, а рядом на боку лежала внушительных размеров плетёная корзина, похожая на те, которые используют на воздушных шарах.

– Привет, сосед! – Алексей с любопытством рассматривал установленное вокруг оборудование. – Смотрю, ты что-то здесь грандиозное затеял.

– Вот, хочу накачать свой монгольфьер и свалить от вас всех, – добродушно отозвался пожилой, но очень шустрый мужчина, которого все в деревне, из-за совпадения имени и отчества, звали Гагариным.

Всю свою жизнь Юрий Алексеевич проработал учителем химии в местной школе. Школу два года назад закрыли, потому что детей в деревне не осталось. Немногочисленная молодежь давно уехала, и их дети теперь учились в городе. Выйдя на пенсию, он загорелся мечтой: сделать воздушный шар и катать на нём всех желающих, чтобы показать, в каком замечательном, прекрасном месте они живут.

Все местные считали его фантазёром и неисправимым мечтателем, говорили, что он сошёл с ума, но относились к нему по-доброму и во всём старались помочь.

– Я вчера получил лицензию пилота воздушного шара! – радостно поделился новостью сосед. – Отметил, конечно, это дело тремя рюмочками. А сегодня хочу рассвет встретить на своей воздушной колеснице. Обещают хорошую погоду. Если поможешь, и тебя возьму.

– Без проблем, – отозвался Алексей. – Сейчас что-нибудь накину потеплее. Подморозило ночью. И Настю предупрежу.

Настя уже встала и даже успела растопить печку. Она слышала разговор на улице и шутливо поинтересовалась:

– Куда это ты от меня захотел улететь?

– У Юрия Алексеевича сегодня первый полет. Обещает, что если поможем, то возьмет с собой.

– Возьмет на свой воздушный шар? – почти шепотом, словно боясь спугнуть удачу, произнесла Настя. – Это же замечательно! – восторженно откликнулась она. – Тогда собираемся быстрее, пока он не передумал.

Когда они вышли из дома, сосед уже разжёл две газовые горелки, установленные на корзине, которая сейчас лежала на боку, и с помощью мощного вентилятора пытался направить поток тёплого воздуха внутрь лежащего на земле воздушного шара.

– Ну где вы ходите? – с нетерпением воскликнул Юрий Алексеевич. – Ваша задача – распрямить шар и дать воздуху его наполнить, – скомандовал он.

Настя с Алексеем неуверенно подошли к корзине и подняли с земли край большого полотна. Одновременно с этим сосед увеличил мощности вентилятора и в ту же секунду шар стал оживать. Тёплый воздух хлынул внутрь и волнами устремился в дальний конец шара. Было ощущение, будто просыпалось огромное животное, всю ночь дремавшее на траве.

Через несколько минут огромный оранжевый шар распрямился и завис над ними, удерживаемый лишь привязанным к выпрямившейся корзине канатом.

Настя с любопытством расспрашивала Юрия Алексеевича о тех или иных предметах, установленных в корзине. Тот с удовольствием отвечал, найдя наконец терпеливого слуша-

теля.

Когда уже все было готово к полёту, сосед разрешил им забраться в корзину, а сам побежал в дом по какой-то надобности. Ребята по приставленной лесенке быстро запрыгнули внутрь и в волнении ждали возвращения своего командира. В этот момент шар вдруг вздрогнул от сильного порыва ветра, и они почувствовали какое-то движение. Оказалось, что вбитый в землю металлический кол, к которому был привязан шар, вытянуло из земли и они, ничем больше не удерживаемые, начали плавно подниматься вверх.

Из дома выбежал Юрий Алексеевич. Он стал махать руками, кричать что-то неразборчивое вслед улетающему шару. В конце концов, понимая что это бесполезно, и первый полёт, к которому он готовился столько лет, пройдёт без него, он, расстроенный, опустился на скамейку перед домом.

А в этот момент над заливным лугом за рекой показалось солнце. Сначала оно заискрилось на золотых крестах старой каменной церкви. Потом поднялось выше и за несколько минут разогнало туман с деревенских улиц и с полей на пригорке за деревней. Стало отчетливо видно всё вокруг на десятки километров. Ночной иней на траве и на ветках деревьев начал таять, превращаясь в капли росы. Встретив солнечный свет, они, как миллиарды крохотных зеркал, заискрились многоцветными россыпями бриллиантов. Всё вокруг переливалось цветными узорами, как в волшебном kaleidoscope.

– А вон наш домик, – показал Алексей.

– Давай не будем вспоминать прошлое, которое уже не вернёшь. Не будем строить планы на будущее. Мы не можем его предугадать. Давай жить настоящим. Любить друг друга...

– Что, прямо здесь? – рассмеялся Алексей. – Неплохая идея...

– Дурак ты, Лёшка, – улыбнулась Настя. – Ведь мысль действительно хорошая. Когда ещё у нас будет такая возможность.

– Когда я там, привязанный к батарее, прощался с жизнью, то понял одну вещь, – глядя куда-то за реку, вдоль которой они летели, вспомнил Алексей. – Я понял, что если сегодня умру, то перед самой смертью мне будет больше всего обидно, что даже то время, которое мне было отпущено, занимался совсем не тем, чем было надо.

Настя стояла облокотившись о край корзины. Ветер трепал её длинные волосы, но она не обращала на это внимание, стараясь не упустить ничего из того, что открылось ей в это утро.

– Видно тот, кто всё это придумал: этот мир вокруг, нас в этом мире, – Алексей пытался сказать что-то для него важное, но сам ещё не до конца понимал, как выразить словами свои чувства. – Он наверняка нас очень любил... Дал нам такие грандиозные возможности... Дышать, видеть эту красоту, чувствовать запахи вокруг, ощущать на лице этот ве-

тер... А мы... – он поморщился, не в силах подобрать нужные слова, – устраиваем какие-то бестолковые тараканьи бега в гонке за выдуманными соблазнами.

Он сделал шаг к Насте в тесной корзине, положил руки ей на плечи и эмоционально продолжил:

– Ведь большинство людей проживут и не поймут в каком мире им повезло жить, и как прекрасно жить в нём вместе с любимым человеком...

– Может быть, любовь – это и есть жизнь? – не поворачиваясь, произнесла Настя. – А всё остальное, то, за чем мы гонимся всю свою жизнь, лишь сбивающие с дороги соблазны и искушения?..

Алексей встал рядом с ней и тоже положил локти на деревянные перила. Он не стал отвечать. Он вообще забыл, что сам говорил минуту назад. И даже не чувствовал ветра, который нёс их в сторону от деревни. Алексей был просто счастлив.

Часть 2

Глава 1

– Не думал, что дома в России буду чувствовать себя так свободно. В Германии я всегда был в каком-то напряжении. Будто кому-то что-то должен...

Алексей, обычно стеснительный и замкнутый, всегда неуютно чувствовал себя среди людей. Но сейчас, в жаркий солнечный июньский день, он шёл по набережной рядом с

Настей и с нескрываемым интересом оценивал изменения, произошедшие в городе за те два года, что он прожил за границей.

– Ну, не знаю насчет свободы. Сомневаюсь, – рассмеялась девушка. – Ты же теперь здесь как турист, а туристы всё видят по-другому. Но то, что практичные европейцы тебя не изменили и ты остался таким же романтиком, это очень хорошо.

Алексей вернулся неожиданно, никого не предупредив. Приехал именно тогда, когда Настя окончательно заблудилась в собственных мечтах, планах и комплексах. Два года назад, после происшествия, которое чуть не стоило им жизни, она сама отправила его подальше от дома, пообещав переехать к нему сразу же, как только он устроится. Алексей осел в Германии. Нашёл работу. Снял маленькую уютную квартиру в пригороде Дрездена.

Несколько раз она летала к нему. Они много ездили по Европе, много гуляли, много спорили. Алексей рассказывал о преимуществах местной жизни. Но каждый раз Настя возвращалась домой. Потом начался Ковид, и границы закрыли. После последней их встречи прошёл почти год. Теперь Алексей приехал сам.

Настя была очень рада его возвращению, но она понимала, что теперь решение о том, где и с кем она хочет жить, откладывать не получится. Единственная подруга говорила ей: «Ты, Настенька, в девках пересидела. Мужика-то ты най-

дешь. Но вот подстроиться под него тебе будет трудно. Умна уж слишком. И слишком деятельна – будто шило в жопе. И вообще, ты не в меру развитая. Тебе бы в правительстве работать, а не памперсы ребёнку менять».

Настя и сама уже не знала, хочет ли она замуж за Алексея или нет, но при этом она не сомневалась, что он самый близкий и самый любимый для неё человек.

Ей очень хотелось найти дело, которое зацепит её, станет смыслом её жизни. За эти два года она пробовала себе во всём. В какой-то момент ей захотелось научиться рисовать. Записавшись на курсы, Настя накупила красок, кистей, загрунтованных и натянутых на подрамники холстов и даже переносной деревянный этюдник. С ним она ездила в деревню делать наброски тех мест, которые ей казались красивыми. Но чтобы научиться рисовать, нужно терпение, и поэтому, забросив живопись, она купила дорогой фотоаппарат. Это увлечение закончилось ещё быстрее.

Настя немного отвыкла от Лёшиной наивности и доверчивости, и сейчас терпеливо, как ребёнку, объясняла, что произошло в России за это время, рассказывала новости и сплетни о знакомых. Они шли, прижавшись друг к другу. Она крепко держала его локоть обеими руками и не сводила с его лица счастливых глаз, ревниво пытаясь найти в нём какие-нибудь изменения.

Алексей слушал её вполуха. По этой улице он когда-то ходил в школу. Сейчас здесь многое поменялось в лучшую

сторону. Красивая плитка под ногами вместо раскрошившегося и покрытого кривыми заплатками асфальта, удобные скамейки. Изящные фонари, бронзовые фигурки сказочных персонажей и вытянувшиеся вдоль набережной густые клумбы с яркими цветами создавали атмосферу праздника.

А главное, рядом была Настя. И она была прекрасна. Светлые длинные волосы были заплетены в небольшую косичку. С губ не сходила мягкая улыбка. Из-за яркого солнца она чуть прикрывала веки с длинными ресницами, из-за чего становилась похожа на довольную, только что поевшую кошку, прогуливающуюся по своему родному двору.

– Хорошо, что наконец-то закончили с эпидемией, – рассматривая весёлые лица прохожих, произнёс Алексей.

– Не уверена, что навсегда. Многие считают, что это была репетиция и главное ещё впереди.

– Может быть, но сейчас я не хочу об этом думать.

Пригород Дрездена, в котором он жил в Германии, жители между собой называли «Вавилон». Люди разных национальностей заселили, построенные ещё при социализме, обветшалые многоэтажные дома района, превратив его в отдельное государство. Лёше повезло. Он нашёл квартиру на окраине, около парка. За окнами начинался лес. Но каждый поход в центр был для него испытанием. Понять, в каком городе, в какой стране, на каком материке ты находишься, было невозможно. Немцы были в меньшинстве. Жители Северной Африки и Ближнего Востока, беженцы из всех горячих

регионов создали здесь свой мир. Почти никто не говорил ни на немецком, ни на английском. Эти люди не собирались вливаться в европейскую культуру. Они привезли сюда свою и не хотели от неё отказываться.

Перед возвращением в Россию он волновался, не зная, как встретит его Настя. А сейчас, когда он поверил, что она по-прежнему его любит, ему стало легко, будто он сбросил тяжёлую ношу. На всё вокруг он смотрел с восторгом, перебирая в памяти приятные воспоминания из своего детства. Многие дома в этой части города были ему хорошо знакомы, и люди, которые встречались им на пути, тоже казались знакомыми, а их лица приветливыми и даже родными.

– Если в Европе всё так плохо, то почему ты приехал только сейчас? – неожиданно спросила Настя.

Алексея удивил её вопрос, и он немного растерянно пробормотал:

– Ты же сама хотела, чтобы я ждал тебя там.

– Да-да, конечно хотела, – Настя резко остановилась и обняла его. – Но ты же мог меня не послушаться. Два года – это так долго. У меня в голове всё перемешалось, – она посмотрела ему в глаза, словно надеясь найти в них какие-то ответы. Потом, взъерошив пальцами его светлые волосы, засмеялась. – Наверное, нашёл себе там красивую и молодую.

– Нет, не нашел, – серьёзно ответил Алексей. – Мне было очень одиноко там без тебя.

– Так может, не надо туда возвращаться? Останемся

здесь?

– Не знаю. Посмотрим...

*****

Алексей прилетел рано утром. Из аэропорта приехал к маме. Только оттуда позвонил Насте. Он никому не говорил, что собирается вернуться: хотел сделать сюрприз. Но оказавшись дома, разволновался. Перед тем, как набрать её номер, он откашлялся, несколько раз дрожащим голосом повторил приветственную фразу, которую подготовил ещё в самолете и, задержав дыхание, нажал кнопку вызова на телефоне.

Волнение прошло, как только он услышал в трубке её радостный вопль. Он не помнил, как добежал до Настиного дома, как влетел на пятый этаж.

Потом были сумасшедшие объятия, неловкие торопливые поцелуи, слёзы на глазах. Только через несколько часов они наконец-то пришли в себя и вышли погулять на улицу.

Начинался праздник: День города. Люди шли к центральной площади, где накануне смонтировали большую сцену для праздничного концерта и выступления кандидатов в губернаторы области, выборы которого должны состояться в следующее воскресенье.

Алексей с Настей будто вернулись в то беззаботное время, когда жили в маленьком домике с печкой на берегу реки.

Алексей больше молчал. Он вспомнил, как когда-то давно, казалось, совсем в другой жизни, они ранним утромплы-

ли сквозь туман над деревней и над рекой на воздушном шаре.

Вроде, с тех пор прошло не так уж много времени, но мир стал совсем другим. Эпидемия заставила людей понять, что их существование на этой планете не вечное и незыблемое, и какая-нибудь новая болезнь всего за несколько дней может уничтожить всё человечество. Многие считали, что болезнь появилась неслучайно – за смертельной эпидемией стоят те, кто планирует сократить население планеты за счёт бедных и слаборазвитых регионов.

К тому же стало ясно, что значение современных технологий сильно преувеличено. Они не помогли найти лекарство от эпидемии, не смогли найти замену невозполнимым природным ресурсам, запасы которых оказались меньше, чем предполагалось. Чтобы установить за ними контроль, транснациональные корпорации провоцировали военные конфликты, которые каждым выстрелом приближали мир к ядерной катастрофе.

*****

– Лёха! Дружище! – на этот громкий радостный крик оглянулись все вокруг. – Сколько лет, сколько зим! – два брата-близнеца, которых и Настя, и Алексей знали с детства, пробирались к ним сквозь толпу, уже собравшуюся у сцены. С ростом под два метра им это было сделать несложно. – Мы думали, что ты совсем про Родину забыл. Забуржуинился в

Европах или, не дай бог, ещё и гендер сменил. Но вроде нет, ты всё тот же и всё ещё с самой красивой девушкой города. И за что тебе такое счастье?

– Счастье само выбирает тех, кто его достоин, – деликатно заметила Настя.

– Наверное, у нашего счастья мешок на голове – шляется непонятно где, – добродушно ответил один из братьев.

– Всегда кажется, что чужой кошелёк толще твоего, – возразил Алексей.

– А у чужой девушки ноги длиннее, грудь выше и глаза голубее, – добавили братья и громко рассмеялись.

Они обнялись. Когда-то давно эти ребята защищали Лёшу от бесконечных унижений во дворе и школе. Не потому что они с ним дружили, а из-за обостренного чувства справедливости. Для них он был как бездомный котёнок, оказавшийся в окружении уличных собак.

Близнецы были очень похожи друг на друга и, как и раньше, одевались в одинаковую одежду. Но те, кто их знал давно, легко различали, кто из них кто. Гриша был более открыт и разговорчив. Любил выпить, пошутить, погулять с девушками. Миша старался оставаться в тени брата. Был молчалив, осторожен и задумчив.

– Вы стали ещё огромнее! – радуясь встрече, сказал Алексей, а затем озадаченно спросил: – А зачем мне менять гендер?

– Ходят слухи, что в Европе нашим разрешают остаться

жить, только если вступаешь в ЛГБТ-клуб и соглашаешься на полную стерилизацию.

– Все так и есть. Но сначала перед видеокамерой требуют съесть свой российский паспорт. Страничку за страничкой.

– Что-то вы какие-то слишком весёлые. Будто выпили, – заподозрила Настя, заметив странный блеск в их глазах. – Вроде перед выборами алкоголь запретили продавать.

– Нам указ – не указ! – в один голос задорно ответили братья.

– На всякую гайку, которой они пытаются нас зажать, у нас есть хитрый болт, – живо добавил Гриша.

– Два болта, – поддержал его Михаил.

– Нам бы сейчас тоже не помешала бутылочка вина, – мечтательно вздохнул Алексей.

– Если у тебя знаний хватает не только на то, чтобы кнопку включения на компе нажать, то все эти запреты тебя не касаются, – ответил Григорий. – Мы вообще не понимаем, для кого всё это. Тем, кому что-то надо найти, найдут. А тем, кому не нужно, и искать не будут. Старые пердуны там в правительстве надеются этими указами и всякими бестолковыми запретами сохранить свою власть. Зачем? Чтобы потом чахнуть над золотом в тёмных подвалах? Этой глупостью они будто специально народ злят.

– Я видела ваши видеошедевры. Посмеялась от души, – глядя на братьев, призналась Настя. – Не бойтесь, что из-за них вас изолируют для перевоспитания лет так на пять или

ещё больше?

– А с чего ты решила, что видела именно наши фильмы? – Григорий лукаво улыбнулся. – Мы вроде в титрах свои имена не указываем.

– Город у нас маленький. Все про всех знают. Да и ты, Гриша, любишь поболтать.

– Кстати, про наш маленький город. Мы, Настя, давно хотели тебя спросить – зачем ты-то полезла в эти выборы?

Алексей с нескрываемым удивлением посмотрел на свою девушку. Он про это ничего не знал.

– Я вам потом расскажу. Мы сейчас торопимся, – быстро ответила Настя и потянула Алексея за руку к сцене. – Обязательно расскажу, – повторила она.

– Подожди, Настя, не убегай. Забыли тебе сказать. У нас кое-что есть для тебя.

– Что?

– То, что даст твоему кандидату возможность победить без особых проблем, – вполголоса ответил один из братьев.

– Даже так? А конкретнее?

– Много чего. И кое-какие фильмы. С эротикой. Где главный актер – ваш конкурент на этих выборах, – невозмутимо пояснил Григорий.

– Как мило! Давайте попозже поговорим.

– Хорошо. Но нам нужны деньги. Ничего личного. Жизнь стала очень дорогой. Поговори со своим кандидатом.

– Вы всё это ради денег делаете? – слегка опешил Алексей.

– Не только...

– А ещё для чего? Для людей?

– Сразу видно: приезжий, – дружно рассмеялись братья. –

Не в курсе наших реалий. О людях у нас власть заботится. Да так хорошо, что нашим людям уже с рождения становится на всё наплевать. А делаем мы это для самих себя. Чтобы друг перед другом стыдно не было. Ну и деньги, конечно, никому не помешают.

– Понятно. Потом договорим, – ответила за Алексея Настя и потащила его за сцену.

Алексей шёл за ней, но настроение его мгновенно испортилось. Он вспомнил смертельный ужас, который пережил, сидя на полу в заброшенном доме прикованный к ржавой батарее, из-за такого же компромата. Сердце бешено забилося. Он как рыба, открыв рот, пытался поймать воздух, но его не хватало. Стало жутко, но теперь за Настю.

– Ты мне ничего не говорила про выборы. Зачем ты в это ввязалась?

Она остановилась и повернулась к нему.

– Не знаю. Может, от тоски, может, адреналина было мало.

– Ты же помнишь, чем это тогда кончилось?

– Помню. Хорошо помню. Но я всё-таки надеюсь, что справедливость существует. И надеюсь, что я не одна в это верю. Вот Мишка с Гришкой тоже...

– Какая справедливость? – вскрикнул Алексей. – Нас тогда чуть не убили именно те, кто должен был защищать. Нет её здесь, справедливости!

– Может быть, ты прав, но я хочу сама в этом убедиться. Окончательно. Всё-таки просто уехать из России мне трудно. Да я и не делаю ничего особенного. Помогаю одному кандидату. Хорошему парню. Сейчас я вас познакомлю.

Они зашли за сцену. Там, среди машин и автотрейлеров, в которых артисты готовились к большому концерту, Настя нашла зелёный брезентовый шатёр, под которым за столами, заставленными пластиковой посудой с недоеденной едой, собрались помощники её кандидата в губернаторы.

К ним навстречу на инвалидном кресле-каталке выехал молодой парень с длинными чёрными волосами до плеч и аккуратно сделанным прямым пробором. Он лишь мельком взглянул на Настю и маленьким колючими глазками буквально впился в Алексея.

– Это наш кандидат в губернаторы – Николай, – представила его Настя. – А это мой старый хороший друг – Алексей.

Николай протянул руку для приветствия и, не отрывая взгляд, с нескрываемой неприязнью спросил:

– Вы же вроде в Европе жили. Почему решили вернуться? Неуютно там стало?

Алексей сначала подумал, что этот кандидат похож на какого-то юродивого, который возомнил себя новым Христом и для этого даже сделал похожую причёску. Но когда увидел

его колючие, горящие глаза, решил, что Николай больше похож на какого-нибудь Емельяна Пугачёва или Степана Разина. Ему бы серьгу в ухо, бороду побольше, дубину в руки и он даже с инвалидностью мог бы на «большой дороге» дань собирать.

– Я за Настей приехал. Не хочу, чтобы она здесь всякой ерундой занималась, – не став изображать радость от знакомства, холодно ответил Алексей. Новость про участие Насти в местных выборах расстроила и напугала его. – В эти бессмысленные игры пусть другие играют. Мы с Настей уже наигрались.

– Значит, вы считаете, что выборы – это бессмысленные игры? И людям от них ни тепло, ни холодно?

– Да, именно так я и считаю. И вы зря втянули Настю в это дело, – твердо ответил Алексей.

Ему сразу не понравился этот человек. Что-то в нём было фальшивое. А вот плохо спрятанная обида на всё вокруг была настоящей.

– Хватит вам спорить! – вмешалась Настя. – Николай очень серьёзно относится к нашему делу, – сказала она, будто защищая своего кандидата. – Ему сейчас выступать. Ты, Лёша, послушай, а потом поговорите.

К ним подошёл парень в футболке с портретом Николая на груди.

– Через минуту ваш выход, Николай Борисович, – напомнил он. – Вы готовы?

– Да, – бросил Николай, и, больше ничего не сказав ни Насте, ни Алексею, сжал губы, опустил голову и решительно покатил за кулисы, резко толкая колёса сильными руками.

Когда он выехал на середину сцены, из-за крыш соседних домов выплыли огромные яркие разноцветные воздушные шары. Люди захлопали, засвистели и закричали от восторга.

– Видишь, как хорошо его встречают! – возбужденно воскликнула Настя.

Алексей внимательно посмотрел на неё и увидел в её глазах искренний восторг. Он поймал себя на мысли, что ревнует Настю к этому парню-инвалиду.

– *Друзья мои, товарищи, соратники!* – проникновенным голосом начал Николай. — *Наша любимая страна, а значит, и все мы оказались на краю пропасти.*

Он сидел у микрофона в инвалидном кресле и казался одиноким и незащищённым среди высоких чёрных стоек со звуковой аппаратурой. Люди притихли, с любопытством разглядывая нового, никому не известного кандидата, решившегося бросить вызов системе.

– *Кто поставил под смертельную угрозу самое дорогое, что у нас есть?* – он замолчал и пристально посмотрел на собравшихся, переводя взгляд с одного лица на другое, словно действительно хотел услышать ответ. Потом вытащил микрофон из стойки и громко произнёс: — *Мы знаем этих людей! Много лет мы каждый день видим их по телевизору. Слушаем их бесконечные лживые обещания. Плюёмся от*

отвращения, но молчим. И что мы получили за своё терпение?.. Наша богатейшая страна разорена. Наш народ бедствует. Деньги за наши природные богатства вывозятся за границу и остаются там. Мы за это не получаем ничего! Неожиданно обнаружилось, что нами управляют бездары, мошенники и откровенные предатели.

Он откатился чуть назад от края сцены, чтобы передохнуть. Толпа словно по команде взорвалась. Люди кричали, свистели, хлопали, стучали в откуда-то появившиеся барабаны.

Алексей заметил, что Николай наслаждается популярностью. Он мгновенно изменился. Теперь на сцене был уверенный в своих словах человек. Прошло всего несколько минут, а толпа уже любила его. Колина уверенность передавалась людям, и они верили, что этот парень их не обманет. Для них это сейчас было главным.

– Я хочу вместе с вами вывернуть наизнанку, пропылесосить, перетрясти всю власть в нашей стране! – прокричал Николай. — *Мы начнём здесь, у нас в городе, но обязательно дойдем до Москвы, до Кремля, как дошли Минин и Пожарский. Это необходимо сделать ради будущего нашей страны. Ради выживания всех нас.*

Алексей нагнулся к Насте и, пока толпа хлопала и кричала от восторга, произнёс ей на ухо:

– Были уже персонажи, которые ради светлого будущего сначала старушек-процентщиц топором... А когда дорва-

лись до власти, не раздумывая перешли со старушек на всех, кто им не нравился. Залив кровью страну, но ничего толкового так и не построив, решили, что проще создать светлое будущее только для себя. Что и сделали... А этот твой кандидат предлагает начать всё сначала. Пустить страну на второй круг ада.

– Но люди же его в этом поддерживают, – возразила Настя.

– У людей короткая память. Забыли, куда приводят красивые обещания.

– Россия должна стать русским государством! – прокричал в микрофон Николай, перекрывая шум толпы. — *Столетиями нас, русских, эксплуатировали как рабов в нашей собственной стране. Русские солдаты отдавали свои жизни в бессмысленных бесконечных войнах, завоевывая ненужные нам страны, народы, которые сейчас нас ненавидят. Мы не должны навязывать свой мир другим. Но и не должны жить по чужим правилам. Мы за равенство всех народов.*

– Как он собирается строить государство для русских? – с насмешкой выкрикнул Алексей. – Как определить, русский ты или нет? Да он сам больше на татарина похож. Черепа будет измерять? Проводить экзамен на знание истории? Искать у человека русский культурный код? – негодовал Лёша, разозленный ещё и тем, что видел, как Настя сильно увле-

чена этим парнем на сцене. – Кто из этой толпы читал Толстого и Достоевского, слушал Чайковского и Шостаковича? Никто! Им сказали, что они русские, и они с радостью на это согласились. Потому что человеку проще жить вместе с толпой. Потому что по одному им страшно и хочется спрятаться за чью-нибудь спину. Вот они и рады быть принятыми в эту стаю. Стаю русских.

– Не вижу в этом ничего плохого, – немного раздраженно произнесла Настя. – Мне самой нравится жить в этой стае. В ней я чувствую себя своей. Что в этом плохого?

– Россия больше никогда не должна помогать ближним и дальним соседям устраивать свою жизнь. Пусть разбираются сами, – продолжал кандидат. — Чем выше забор между соседями, тем лучше отношения между ними. Нам надо думать о своих проблемах, а не решать чужие. Ещё шаг и мы сами станем теми самыми «Иванами, не помнящими родства». Народом без прошлого, без настоящего и без будущего.

Шум и крики заглушили его слова. Он чуть приподнял руку и люди уже подчинившиеся его воле, послушно замолчали.

– Но у нас всё есть, чтобы этого не произошло. Есть богатейшие природные ресурсы. Есть оружие, чтобы их защитить. Есть талантливые трудолюбивые люди, которые достойны жить в справедливой стране.

Николай бросал фразы в толпу как золотые монеты и толпа жадно их ловила.

– *Вы спросите, как мы это сделаем?* – он притих и опять посмотрел на лица людей, которые были перед ним. Для этого он медленно проехал от одного конца сцены до другого и вернулся к микрофону. – *Первое, что мы должны сделать, это избавиться от тех, кто сейчас занимает наши рабочие места,* – Николай понизил голос и заговорил тише, и народ притих, ловя каждое его слово: – *Мы благодарим их, но дальше мы сами. Им надо вернуться к себе на родину. Второе, что мы должны сделать – это выйти из всех международных организаций: как политических, так и экономических. Мы вполне можем жить без чужих советов, без чужой помощи и без чужого контроля. И третье, самое важное. Главным словом в нашей новой Конституции должно стать слово «справедливость». Это должно стать основополагающей идеей в нашей стране. Если тебе повезло – ты умён, энергичен, нашёл себя – ты обязан позаботиться о тех, кому сейчас трудно. Это справедливо. Поэтому необходима не просто налоговая реформа, а пересмотр всей нашей идеологии. Что мы имеем сейчас? Есть проворовавшаяся, полностью деградировавшая жирующая элита: чиновники-жулики и их обслуга. И есть остальной народ, на который эта элита смотрит, как на быдло и рабочий скот, который обязан работать для того, чтобы они со шлюхами катались на своих яхтах в теплых морях, пуская на ветер деньги, укра-*

денные у страны... у нас с вами.

Николай подъехал к самому краю сцены и громко крикнул:

– Пришло время вернуть нашу страну себе!

Толпа была готова снять его со сцены и прямо сейчас внести на руках в здание администрации сразу в губернаторское кресло.

– Какая каша у него в голове, – разочарованно произнес Алексей.

– Зато он не врёт и не боится.

– Мне кажется, он тебе нравится.

– Очень, – восторженно воскликнула Настя, но взглянув на растерянного Алексея, сразу добавила: – Но не в том смысле, конечно.

*****

– У нас появился очень опасный конкурент. Хотя, скорее, сам он пока этого не знает, – сказала своему спутнику Мадлен фон Грей – наблюдатель от Евросоюза на этих выборах. Она стояла у окна четырнадцатого этажа здания, в котором размещалась городская и областная власть. – Именно здесь, в этом городе всё решится, поэтому его появление на этих выборах очень не вовремя.

Вместе с ней с высоты на толпу перед сценой смотрел прилетевший из Москвы представитель Администрации Прези-

дента Александр Бланк. Сейчас Саша вспоминал, как два года назад с этого же места смотрел на огромную толпу гастарбайтеров, которая жгла крыши и требовала равноправия с местным населением. Теперь уже местное население требовало отправить этих гастарбайтеров по своим странам.

– Да чем он опасен? – усмехнулся Александр. – Обычный городской сумасшедший. Да ещё инвалид.

– Он предлагает людям идею, а идея, Саша, самое сильное оружие. Хочешь уничтожить человека или народ – отними у него смысл существования. Убеди его, что главное в жизни, это какой смартфон у тебя в кармане. И тогда нация за пару лет превратится в толпу.

– Да большинство идей – просто обман.

– Народ, объединённый даже ложной идеей, гораздо сильнее, чем просто стадо баранов, каждый из которых пасётся сам по себе. Даже война иногда полезнее для нации, чем тупое обывательское счастье. Поэтому мы сейчас боремся против любой идеологии. Нам сейчас нужно стадо, – сказала Мадлен фон Грей, не отводя ледяного взгляда от окна. – Стадо, которое даже не понимает, что наша цель – уничтожить эту страну.

– А если наш кандидат проиграет эти выборы?

– Если результаты выборов нас не устроят, то мы запустим план, который предусмотрен на этот случай.

– Какой план?

– Я ознакомлю вас с ним в случае необходимости, – хо-

лодно ответила Мадлен, показывая тем самым Александру его место. – Но, скорее всего, в этом случае я обойдусь уже без вашей помощи.

В огромных зеркальных стёклах зала Саша видел свое отражение, видел то, что находится у него за спиной, но ему показалось, что он не видит отражения своей собеседницы. Он повернулся к ней. Очень худая, некрасивая во всех отношениях Мадлен не отрываясь смотрела в окно. Саша взглянул на её профиль, на узкие губы, которые она постоянно нервно прикусывала, на очень коротко постриженные волосы, дряблую шею, осмотрел её чёрный, болтающийся как на вешалке, старомодный костюм, и подумал, что, наверное, именно такие ведьмы без лишних сомнений крушили Российскую империю сто лет назад.

Он представил её лежащей у пулемёта «Максим» в кожаной тужурке, перепоясанной ремнём с огромной португеей, и с истерическим смехом выпускающую длинные очереди по пленным белым офицерам, загнанным на старую волжскую баржу.

Саша ненавидел её с первой минуты их знакомства. Но возразить не мог. Слишком сильно зависела его жизнь от этой женщины. Он давно уже не мечтал занять место руководителя какого-нибудь комитета в Государственной Думе, ему совсем не хотелось быть губернатором или министром. Александр давно понял, что все эти должности к настоящей власти не имеют никакого отношения.

Сейчас больше всего он сам хотел занять место Мадлен. Стать смотрящим по России. Это дуракам нужны атрибуты власти, а ему нужна сама власть. А настоящая власть всегда скрыта от людей. Но Мадлен могла сломать эту мечту.

– Я всё-таки не понимаю... Зачем вы хотите раздробить Россию на несколько маленьких княжеств? – как бы между прочим спросил её Саша, будто это не имело для него никакого значения. – В этом же нет никакого смысла. Кто придёт к власти в этих огрызках? Националисты, религиозные фанатики-террористы и просто обычные бандиты. Ведь управлять одной страной гораздо проще, чем кучей разных диктатур.

– Карфаген должен быть разрушен! – довольно резко произнесла Мадлен. – Россия должна быть уничтожена. Навсегда. Мы должны доделать то, что не завершили в семнадцатом и в девяносто первом году. Тогда мы допустили ошибку. Но сейчас завершим начатое. На месте России должно остаться дикое поле, которые мы обнесём колючей проволокой. А для людей мы сделаем специальные трудовые зоны – рабочие резервации около нужных нам производств.

– Не слишком ли Россия большая для этого? – иронично спросил Саша, но Мадлен не обратила внимания на его иронию.

– С помощью масс-медиа мы сделаем так, что образ России и её жители в большинстве государств ничего, кроме отращения, вызывать не будет. Поэтому никто не встанет на

её защиту. Потом мы запустим новый Ковид и расскажем всем, что вирус исходит из этой страны. Тогда соседи сами построят высокие заборы вокруг неё. А тех, кто захочет вырваться с зачумлённой территории, будут уничтожать как бешеных собак.

Она повернулась к Саше и посмотрела ему в глаза. Ему стало страшно. Будто это был не взгляд пожилой женщина, а чьи-то сильные холодные невидимые пальцы сжали его горло. От неожиданности он закашлялся.

– Надеюсь, вы догадываетесь, Александр, что все ваши мысли мне хорошо известны. Я за свою жизнь видела много таких, как вы... Где они сейчас? – Мадлен презрительно усмехнулась. – А ещё вы задаете слишком много вопросов. Если бы вы хорошо работали, этот кандидат вообще бы не появился. Ведь вы даже не знаете, кто за ним стоит.

Саша работал хорошо и прекрасно знал, кто за кем стоит. И биографию Мадлен фон Грей он тоже знал отлично, и поэтому давно понимал, что уничтожение России для неё уже не работа, а дело всей жизни – личная месть. А когда человек в своих действиях руководствуется эмоциями, а не рассудком, он становится слишком слаб, потому что плохо оценивает происходящее. Поражение Мадлен фон Грей – был его шанс добиться своей цели: занять её место.

В этот момент Александр увидел, как в нескольких метрах от сцены что-то вспыхнуло. Потом раздался взрыв, от которого задрожало здание и задребезжали все окна. Через

секунду по площади пополз дым и даже здесь, наверху, стали слышны страшные крики раненых людей.

Саша отскочил от окна, а Мадлен даже не шелохнулась.

– Это ваша работа? – сухо спросила она.

– Конечно нет! Как же я без согласования с вами? – дрожащим голосом произнес испуганный Александр.

– Это очень хорошо для этого парня и очень плохо для нас, – произнесла Мадлен и направилась к двери.

– Почему? – удивлённо спросил Саша.

– Народ, естественно, подумает, что этому кандидату-оппозиционеру мешает прогнившая власть. То есть мы и наш кандидат. А значит, за этим инвалидом стоит тот, кто умеет играть в большие игры. И, как и мы, не считает, что мораль должна мешать победе.

Взрыв произошёл, когда Николай уже закончил выступление и спустился со сцены. Позже одни говорили, что бомбу бросили с воздушного шара, а другие, что её принесла в сумке какая-то женщина и оставила под ногами у людей.

Глава 2

Утром главврачу Аркадию Яковлевичу Кислярскому позвонили из областной администрации и предупредили, что в больницу приедет большая делегация с репортёрами, чтобы навестить пострадавших от взрыва на площади.

По старой российской традиции перед приездом высоких

гостей Аркадий Яковлевич распорядился перевести одну из палат на первом этаже из обычного рабочего состояния в демонстрационное. Для этого туда принесли новые удобные койки, поставили и подключили медицинскую аппаратуру с ярко мигающими лампочками и экранами, застелили новое бельё.

После того, как палату привели в порядок, в неё заселили четверых пациентов. Заведующая отделением объяснила им, что нужно говорить проверяющим, а о чём лучше помолчать.

К больным даже зашёл сам главврач, который решил проверить, как выполнено его распоряжение. Аркадий Яковлевич никому не доверял, и поэтому продержался на этом месте уже четверть века. Давным-давно он работал участковым терапевтом. Врачом он был плохим, но умел хорошо писать отчёты и угождать начальству. Его заметили и взяли в городскую администрацию. Оказанное доверие он оправдал, и его назначили главврачом местной больницы. На этой работе он чувствовал себя как рыба в воде.

Аркадий Яковлевич поздоровался за руку с каждым больным. Спросил про здоровье. Хотел было сказать, что от того, как пройдёт визит, зависит, выделят ли деньги на строительство нового корпуса больницы, но, подумав, промолчал. Хотя ему этот корпус нужен был больше, чем кому-либо еще. Строительство – это большие деньги. Какая-то их часть ушла бы на кирпич, бетон, окна и оборудование. Какая-то на от-

кат тем, кто выделял эти деньги, но что-то обязательно бы прилипло к ручкам Аркадия Яковлевича. А деньги им с женой – той самой заведующей отделением, которая проводила инструктаж, – нужны были всегда. Многочисленные дети и внуки – это большие расходы.

Но обо всём этом он не стал рассказывать пациентам. А лишь ласково попросил: «Не подведите, дорогие мои».

– Вчера ночью мне так паршиво стало... Думал: сдохну, – пожаловался после ухода главврача соседям старичок, занявший койку у окна. – Выполз из палаты в коридор, по стеночке прошёл от начала до конца. А там никого, ни одной дежурной медсестры. Лишь президент со стены с грустью смотрит на весь наш бардак.

– А кто этот бардак организовал? Разве не он? – хриплым голосом спросил лежавший на боку лицом к стене крупный мужчина.

– Он, конечно, – согласился старичок. – Мы-то здесь ни при чём? Всю власть нам с другой планеты привозят.

– Ты, дед, народ не путай, – побряхтев, присел на кровати мужик и свесил ноги к своим домашним тапочкам. Он был без майки. Огромный пивной живот свисал на шорты с разлапистыми пальмами. – Мы, может, и не ангелы, но какой смысл нам хорошо работать, если я за всю жизнь столько не заработаю, сколько этот главврач одной взяткой берёт?.. Правильно тот кандидат на площади говорил. Пора власть

перетряхнуть, и азиатов, всех этих гастарбайтеров, пинками на родину выгнать. А жуликов, как при Сталине, в Магадан или к стенке. Поэтому они его и взорвать хотели. Потому что боятся.

– Хотели его, а взорвали нас. Ну да, ну да, – дед встал с кровати, порылся в тумбочке, достал из неё кружку, чайный пакетик. – Придет инвалид – порядок наведёт. Сколько лет разные сказочники людям в уши ссут, и всегда находятся те, кто верит в чудеса. Лишь бы самим ничего не делать и ни за что не отвечать.

Он вышел из палаты, но быстро вернулся, наполнив кружку кипятком из кулера, стоявшего в коридоре. Сел на кровать и осторожно поставил кружку на новенькую тумбочку.

– Ты, дед, просто не патриот, – надменно возразил мужик с животом. – Если появится хорошая власть, она быстро порядок в стране наведёт. И мы поможем.

Дед посмотрел на него с сочувствием.

– Первое, что надо говорить детям в школе... Вбивать в голову: хороших властителей не бывает. Не было никогда и не будет, – старик сделал глоток и поморщился, то ли от горячего чая, то ли от своих слов. – Потому что власть в любой стране – это результат отрицательного отбора. Хороших там быть не может. Хочешь жить хорошо – живи, но на власть не надейся. Ты сам-то кем работаешь? – спросил он у мужика.

– Вообще, сантехник, но могу что угодно сделать, если хорошо заплатят.

– Не люблю сантехников, – дед развернул конфетку и, откусив половику, положил рядом с чашкой. – Год назад лежал с ревматизмом в этой же больнице, – он погладил руками колени, из-за которых последнее время ходить было очень трудно. – Так у моей бабки бочёк на унитаза потёк. Нашла она по объявлению сантехника. Приехал. Отремонтировал. Денег взял, как две мои пенсии.

– Он же за работу взял, а чиновники просто воруют, – недовольно вступился за коллегу мужик.

– То есть бабку глупую обмануть можно, потому что другие воруют?

– Ты, дед, перегибашь. За словами своими смотри...

– Вот-вот, сразу видно грозного сантехника-патриота, – рассмеялся старик.

– Ну вы, дедушка, точно не правы, – вмешался в разговор молодой парень с перебинтованной рукой. – Всем же красиво жить хочется. Новую машину иметь, квартиру. Начальникам можно, а нам нельзя? – спросил он обиженно и будто бы с вызовом.

– Так живи красиво, кто тебе мешает? – дед доел конфету и убрал фантик в карман широких штанов. – Я за 84 годика много повидал и генеральных секретарей, и президентов. И коммунизм строил, и капитализм. Только в одном уверен полностью: хочешь быть счастливым – никого не обманывай и никому не завидууй. Не гадай, у кого член длиннее. Делай своё дело и когда-нибудь воздастся. А зависть – она такая

дрянь, что сожрёт твою жизнь и глазом моргнуть не успеешь.

– А тебе воздалось? – тихо спросил четвертый пациент.

Старик хотел рассказать про воздушный шар, на котором до сих пор иногда поднимался над деревней, про бабу, с которой прожил вместе больше полувека, но не успел, потому что в палату влетела заведующая, а сразу за ней вошли несколько человек в наброшенных на плечи белых халатах.

Возглавлял посетителей действующий губернатор области Борис Семёнович. Он был очень похож на сидящего на своей койке спорщика-сантехника. Такой же огромный живот и такой же жадный взгляд маленьких заплывших глаз, быстро бегающих по сторонам в поиске того, что плохо лежит.

Когда в городе два года назад произошли спровоцированные протесты, старого губернатора пришлось быстро переводить в другое место, а на его место срочно искать того, кто не был связан с действующей властью.

Александр Бланк, возглавляющий в то время одну из комиссий президентской Администрации и курировавший это регион, нашёл кандидата в местной газете, где будущий губернатор работал простым журналистом. Тогда ещё он был худеньким, оппозиционно настроенным любителем хорошо выпить и поболтать. Борис Семёнович легко прошёл все согласования и был назначен на высокий пост с приставкой «временно исполняющий».

Саша даже не думал, что этот человек так хорошо справится. Собственно, обязанностей у него было немного: в основном представлять местную власть на разных уровнях, давать народу обещания и делать вид, что строго карает тех, кто не справляется с его поручениями. Всё остальное решалось при личных встречах в коридорах администрации, в ресторанах и банях, где основные группы власти этого региона согласовывали, как выкачать из области больше денег и при этом не нарушить хрупкое равновесие между собой. И главное, не допустить каких-либо народных протестов. Всё шло хорошо, но месяц назад с самого верха поступило неожиданное распоряжение: провести нормальные выборы. И «исполняющему обязанности» пришлось стать кандидатом.

В толпе сопровождавших губернатора были городские чиновники, легко узнаваемые по приторно-фальшивым улыбкам, Мадлен с Сашей, директор градообразующего завода Роман Иванович Шмидт, начальник МВД и даже начальник местного ФСБ генерал Анатолий Петрович Скуратов.

Чуть отстав от всех, прогуливался по больничному коридору приехавший в Россию вместе с Мадлен руководитель международной промышленной группы «Eclipse» Генри Рич.

Он был здесь точно не ради больных. Генри вообще не любил больницы. Родившись в бедной семье, в молодости он жил почти в нищете. Девушки его не замечали. Невысоко-

го роста, худенький, бесперспективный юноша не интересовал потенциальных невест. Почти до сорока лет Генри еле-еле сводил концы с концами. Жил один, снимая маленькую квартирку на окраине Антверпена. А когда жизнь пошла на закат, сказочно разбогател. Теперь девушек было много. Были яхты и шикарные виллы в тропических странах. Но понимание того, что всё это скоро и неизбежно закончится, не давало в полной мере насладиться радостями жизни.

Поэтому всё, что напоминало о бренности человеческого существования, он старался обходить стороной. Но сегодня ему очень было нужно встретиться с директором завода, и обязательно сделать это так, будто их встреча произошла как бы случайно. Поэтому руководителю международной промышленной группы пришлось идти в эту больницу вместе с толпой желающих попиариться на чужом горе чиновников-лицемеров.

Пока губернатор со свитой в окружении телекамер расспрашивал пострадавших, Генри взял директора под руку и отвёл в сторону.

– Роман Иванович, уделите мне минуточку вашего времени. Я очень коротко.

Знакомы они были давно, ещё с девяностых, когда Генри Рич открыл для себя на развалинах бывшей коммунистической империи золотую жилу. Всё, что он смог тогда вывезти из России, приносило ему многократную прибыль. Он занимался всем: и обычным необработанным сырьём, и про-

ектной документацией на высокотехнологичные изделия советского ВПК. Именно благодаря этому ему удалось из крохотного торгового предприятия создать транснациональную компанию с годовым оборотом более двухсот миллиардов долларов.

Убедившись, что их никто не слышит, он тихим голосом озвучил своё предложение:

– Очень похоже, Роман Иванович, что вопрос о том, что делать дальше с вашей страной, закрыт. В лучшем случае это железный занавес и превращение России в страну-изгоя, в худшем... – Генри не смотрел на директора, а делал вид, что изучает стенд с советами по профилактике сердечных заболеваний. – Эту стерву Мадлен специально выбрали для этой цели, потому что у неё с Россией свои счеты. Её уже не оставишь, – Генри незаметно покрутил рукой у виска, показывая, что считает её ненормальной. – Нам, деловым людям, эти занавесы не нужны. Нам нужно работать и торговать. Но против тех, кто принимает такие решения, даже мы бессильны. Моё предложение в следующем: вы собираете команду из ваших инженеров и переезжаете в любую страну, которая вам нравится. Мы создаем вам все условия для работы. Открываем конструкторское бюро с лучшим оборудованием, строим завод, если понадобится. И естественно, обеспечиваем безопасность и спокойное проживание.

В этот момент из палаты вышел губернатор, а за ним потянулись и все остальные. Генри пришлось спешно закончить

разговор:

– Мы с вами знакомы давно. И я не хочу, чтобы вы здесь сгнули. Поэтому даю вам личные гарантии. На решение у вас не больше месяца. Когда всё здесь завертится, будет поздно. Определитесь – дайте знать.

Генри невозмутимо прошёл дальше по коридору к другому стенду, изображая заинтересованность в нарисованных на нём картинках

*****

Из больницы Роман Иванович Шмидт не поехал на работу, а направился домой. После неожиданной для всех друзей его свадьбы на молодой девушке он сильно сдал. Появились тёмные мешки под глазами, кончики губ опустились вниз и застыли в пренебрежительной гримасе. В тусклом взгляде была такая тоска, будто он знал, что жить ему осталось совсем недолго.

Его новая жена Маша была в два раза моложе супруга, но он беспрекословно слушался её во всём. Каждый день она твердила, что они достойны лучшей доли, что из России пора уезжать, и поэтому Роман Иванович хотел как можно быстрее рассказать любимой об интересном предложении Генри Рича. Но жены дома не было. Он взял телефон, чтобы позвонить ей и увидел в окно, как к чёрным чугунным воротам дома подъехала машина. Из неё вышел генерал Скуратов.

Как и все городские начальники, они были хорошо зна-

комы. Часто вместе сидели на совещаниях, вместе отмечали большие праздники. Завод много работал над секретными государственными проектами, и поэтому Анатолий Дмитриевич Скуратов часто бывал на предприятии.

Ещё в больнице Роман Иванович заметил, что генерал чем-то сильно озабочен. И не ошибся. Как никто другой Скуратов понимал, что сейчас решается не только то, кто будет губернатором в их области, а смогут ли силы, которые готовят стране большие перемены, отсюда организовать штурм центральной власти.

Чтобы встретить гостя, Роман Иванович быстро вышел на улицу и, изображая радушного хозяина, провёл гостя к себе в кабинет.

– Я ненадолго, – усевшись в кресло, сказал Анатолий Петрович, – и поэтому сразу к делу. Нужна твоя помощь... Финансовая... На предвыборную кампанию кандидата.

– Но я же уже перечислил в губернаторский фонд.

– Деньги нужны для его конкурента.

– Я ничего не понимаю... Разве мы не на стороне действующей власти?

– Нет, – коротко ответил генерал, демонстрируя, что не собирается ничего объяснять.

Может быть, до разговора с Генри Ричем Роман Иванович воспринял бы это нормально, но сейчас он мыслями уже был в небольшом альпийском городке в Швейцарии или Германии, и поэтому ему стало обидно.

– Больше денег я не дам, – сухо ответил он.

Анатолий Петрович удивлённо посмотрел на него.

– Я так понимаю, что про Родину тебе напоминать бесполезно? – с ироничной улыбкой спросил генерал Скуратов.

– Ты прав. Я за свою жизнь этих песен наслушался вдоволь, – Роман Иванович, обычно осторожный, неожиданно для себя сорвался. – Какая Родина? Ты лучше меня знаешь, что здесь всё давно сгнило. Толкни и посыплется, – он понимал, что сейчас повторяет то, что много раз говорила ему Маша, но ему было уже всё равно. – Для человека главное – это спокойствие и комфорт. Это как с женой... Зачем тебе вечно что-то требующая нудная неухоженная жена с постоянно больной головой, для которой обычный минет – это подарок тебе на день рождения? Родина – это там, где тебе уютно и где никто ничего не требует. Остальное – сказки для бедных. Моя Маша говорит...

– О твоей Маше мы чуть позже поболтаем, – встав с кресла, прервал его Анатолий Петрович. – Дом у тебя красивый. Русский модерн, – он огляделся. – Говорят, его для своей любимой когда-то построил разбогатевший на русско-японской войне местный промышленник. Он ещё гонял баржи по Волге, – генерал подошёл к картинам на стене. – А это ведь настоящий Врубель и настоящий Коровин?

– Это ты к чему? – растерялся Роман Иванович.

– Да так, вспомнил городские легенды, – пожал плечами Анатолий Петрович. – Только не пожил он в этом доме. Лю-

бимая отправила его в психушку. Там он и помер через месяц. Потом революция – у бывшей жены домик отняли. Как он, кстати, к тебе попал? Здесь вроде раньше музей был...

– У меня всё законно. Все бумаги в порядке, – директор суетливо начал открывать и закрывать ящики в большом письменном столе. – Не понимаю, зачем ты мне всё это рассказываешь...

– Завод твой ведь на государственных заказах пятый год работает. А до этого чуть ли не банкротом был, – как бы между прочим напомнил генерал Скуратов.

Хозяин дома оставил в покое свой стол с ящиками и устало откинулся в кресле.

– Я всё понял, – пробурчал он. – Сколько нужно денег?

– Да нет, дружище, ты ещё не всё понял. Не хотел я... но такая у меня работа. Тем более, ты сам хотел поговорить про Машу.

– Она-то здесь при чём? Говори, сколько надо денег и куда их перевести, – устало произнёс Роман Иванович.

– А ты в курсе, что твоя Маша была женой моего сотрудника, который меня при том штурме из горящей машины вытащил, а сам погиб?

– Нет, – директор побледнел и сжал пальцами подлокотник кресла. – Она говорила, что её бывший муж был наркоманом и умер от передоза, – будто оправдываясь, хрипло произнёс директор и нервно закашлял.

– И ещё... Твоя супруга возглавляет ЧОП, который вроде

как охраняет твой же завод. Так вот. ЧОП этот у нас в разработке. Есть данные, что беспорядки в городе, которые произошли два года назад, организовал нынешний заместитель твоей жены – Алик Пашаев. Знакомы они были ещё тогда. И роман у них был. После тех событий Пашаев скрылся, но через год вернулся. Как раз, когда ты женился. Очень похоже, что это уже давно не ЧОП, а террористическая организация под прикрытием. Значит, получается, что вы с супругой финансируете экстремистов.

– Не может быть! Маша точно ни в чём не виновата! Какие ещё экстремисты?

– Ну с ними мы сами разберемся. А вот тебе с молодой супругой надо серьёзно поговорить. Хотя... Если тебе от жены нужен лишь минет, то рога при этом не мешают... Носи на здоровье.

Анатолий Петрович не любил унижать людей, но сегодня, вспомнив события двухлетней давности, не стал жалеть директора.

Глава 3

От директора Анатолий Петрович поехал к новому кандидату в губернаторы. На душе у него было скверно. Получилось так, что он, как болтливый сплетник, рассказал своему приятелю об измене его любимой жены.

«Ты же понимал, что об этом говорить нельзя, – ругал себя генерал. – Зачем ляпнул про рога? Вспомнил Дмитрия

и расстроился?»

После того, как два года назад погиб хороший молодой парень Дима Ушаков, вытаскивая его, раненного и контуженного, из взорванного при штурме отдела полиции автомобиля, у генерала Скуратова появилась в жизни новая цель. Во-первых, найти и уничтожить тех, кто всё это организовал. А во-вторых, сделать так, чтобы никому больше не хотелось в его стране устраивать всякие революции и перевороты.

До этого он мечтал уехать в деревню, где родился. Там, на берегу Онежского озера, давно уже был построен новый добротный дом, а у длинного деревянного причала качался белоснежный катер, привезённый из Финляндии.

«Буду ловить лосося, пока он не исчез из озера окончательно... Что ещё нужно, чтобы встретить старость!» – говорил он друзьям. Но старость пришлось отодвинуть.

Изменив свои планы на ближайшие годы, Анатолий Петрович по-прежнему считал, что защита интересов страны – это дело избранных. А народ – неразумное стадо, которое нельзя и близко подпускать к принятию решений. Он был абсолютно уверен, что те, кто втягивает людей в эти игры, думают не о демократии, а лишь используют толпу в своих целях как массовку.

«Кесарю – кесарево, Богу – богово, а крестьянину и слесарю – гаечный ключ и лопату», – приговаривал генерал. Поэтому не собирался перестраивать мир, если этого не требовалось для победы в его личной войне.

Анатолий Петрович знал, кто организовал те беспорядки. Знал конкретных исполнителей. Знал, кто отдавал приказы и кто это заказал, находясь очень далеко от России.

Когда-то этот новый кандидат – Николай Корчагин – начинал у него. Энергичный и амбициозный, он не выдержал кабинетной работы и после переподготовки перешёл в боевое подразделение. Несколько раз был в командировках в горячих точках по всему миру, но ранение и инвалидность получил здесь, в родном городе, на обычном усиленном патрулировании.

Месяц назад Коля решил выставить свою кандидатуру на этих выборах, и это стало для Анатолия Петровича неожиданностью. Раньше он вряд ли поддержал бы своего бывшего сотрудника. Скорее всего, сделал всё возможное, чтобы ему помешать: в любом деле есть правила и незачем их нарушать.

Но теперь у генерала были свои планы, сильно отличающиеся от планов местных и московских элит. К тому же большинство его врагов сейчас явно не случайно находились здесь в городе. Это могло означать только одно: после того, как протесты, организованные в столице полгода назад, провалились, ими было принято решение раскачать ситуацию в регионах. Он чувствовал, что начаться народные волнения должны были в их городе, а после этого охватить всю страну.

Детонатором к взрыву должны послужить эти выборы. С этой целью на них вынесли неоднозначно сформулирован-

ный то ли опрос, то ли референдум: «Хотели бы вы, чтобы регион получил больше независимости от Москвы?» И судя по многим признакам, у организаторов всё шло по плану.

Вмешаться и попытаться что-то изменить было почти некому. Половина местных чиновников и курировавших выборы москвичей давно уже сидела на чемоданах с награбленным добром, мечтая лишь об одном: чтобы после того, как они уедут в тёплые края, исчезла та страна, которая могла бы с них спросить за содеянное. Нет истца – нет ответчика. А другая половина даже не пыталась понять, что происходит в стране, продолжая заниматься лишь простыми и понятными операциями по расхищению государственного бюджета.

Появление независимого кандидата, который мог победить на выборах, срывало все их планы, и это было на руку Анатолию Петровичу. Если у Коли получится победить, то это выведет соперников из равновесия, заставит действовать более активно и тем самым открыть свои замысли. Тут-то и можно будет с ними побороться. Поэтому он помогал Николаю.

После роскошного дома Романа Ивановича Шмидта с огромными панорамными окнами, из которых можно было любоваться Волгой, новой городской пристанью и отреставрированным монастырем на противоположном берегу, двухкомнатная Колина квартира в старом спальном районе выглядела скромно.

Дверь открыл сам Николай. Он сразу пригласил своего бывшего начальника на кухню.

– Я борщ к вашему приезду сварил и отбивные замариновал. Мы сначала борщику навернём, а потом мясо поджарим. Вы не против, Анатолий Петрович?

– Отличный план! А супруга где? Мы ей не помешаем?

Николай, привычно подрулив на кресле-каталке к холодильнику, чуть замешкался и, не поворачиваясь к гостю, ответил:

– Она от меня съехала, – он открыл дверцу и достал бутылку водки. – Наверное, я виноват. Трудно мне такому, – он показал на безжизненные ноги, – жить с женщиной красивой. Она ни словом, ни взглядом... Но я-то понимаю, какого ей.

– Это ты зря... – начал было Анатолий Петрович, но вспомнив последний разговор с Романом Ивановичем, осёкся. – Разберётесь. Люди взрослые. Давай я тебе помогу. Где твой хваленый борщ?

Николай показал на белую эмалированную кастрюлю на плите.

Он с детства не любил проигрывать. Во дворе, в школе, на борцовском ковре всегда был нацелен только на победу. Вторые места считал для себя катастрофой.

После ранения что-то в нём сломалось. Он замкнулся, стал раздражительным. А жена, наоборот, окружила его заботой и лаской. Никому из их знакомых и в голову бы не

пришло сомневаться в её любви. И хотя ранение не мешало ему оставаться мужчиной и по ночам у них не было проблем, Коля постоянно думал о своей неполноценности. Поэтому он и решил пойти на выборы. Чтобы доказать ей, себе, всем вокруг, что он такой же боец и как прежде может побеждать.

Но подняв планку так высоко, он первый раз в жизни испугался. «А что будет, если я проиграю, проиграю с треском? Не набрав и сотни голосов... Тогда останется только один выход...»

Бывали дни, когда оставшись в одиночестве, он так переживал из-за своей беспомощности, что чуть не плакал, часами сидя у окна. А когда жена возвращалась с работы, чтобы скрыть свою слабость, превращался в домашнего тирана. Всё его не устраивало. Мелкими глупыми придирками он так измучил супругу, что она не выдержала и ушла. «Я вернусь, как только ты вновь поверишь, что я люблю тебя», – сказала она на прощание, тихо закрыв за собой дверь.

Борщ действительно был великолепный. Потом они пожарили мясо и картошку. Водка с такой закуской закончилась незаметно и захотелось поговорить.

– Давненько я с таким удовольствием не выпивал, – удовлетворенно выдохнул Анатолий Петрович. Потом убрал пустую бутылку со стола и серьёзно произнёс: – После взрыва на площади тебе нужна охрана. Ты теперь человек важный – организуем без проблем, – заверил генерал.

На столе завибрировал телефон. Анатолий Петрович мельком взглянул на экран, нажал кнопку, встал и отошёл к окну. Поговорил он быстро. Николай хотел оставить его одного, чтобы не мешать, но не успел даже докатиться до двери.

– Ну вот, Коля, теперь обратной дороги нет ни у кого, – после короткого раздумья, решительно произнёс генерал, опять опускаясь на кухонный диванчик.

– Что случилось?

– В автомобиль Генри Рича на перекрестке со всей дури влетел гружёный песком самосвал. Генри погиб, а пьяный водитель грузовика, который на русском почти не говорит, в больнице.

– Ну а нам-то что? Я слышал, этот Рич в России большие деньги зарабатывал. И ещё помогал нашим жуликам пристроить украденные у россиян деньги в западных банках. Одним спекулянтom меньше стало.

– Так-то оно так. Но мир, Коля, не чёрно-белый, как многим кажется. Всё гораздо сложнее. Генри Рич – деловой человек и представлял тех, кому не нужны никакие войны и революции. Тех, кто занимается бизнесом без всякой политики.

Анатолий Петрович встал, включил газ на плите и поставил на неё чайник.

– Он был вроде как посредник между нами и мировыми промышленными кругами. Им либеральные идеи не нужны.

А теперь он погиб. И погиб у нас. Кого, думаешь, объявят виновником? Уж точно не того пьяного гастарбайтера, а российское правительство.

– Всё равно не понимаю. Нет этого, пришлют другого, – рассудил Николай.

– Всё гораздо серьёзней. Дело в том, что это в шахматах пешка может съесть ферзя. В большой игре это недопустимо. Команду на уничтожение фигуры такого ранга может отдать только очень большой человек. Это неписанные правила. Такие ходы просто так не делают. Тот, кто отдал этот приказ, прекрасно знал, что означает это ритуальное убийство, – Анатолий Петрович озабоченно вздохнул. – Значит, решили сжечь мосты и все пути к отступлению.

Николай, внимательно выслушав бывшего начальника, обдумывал сказанное им. Потом озадаченно произнес:

– И что теперь будет? Какая цель этой вашей большой игры?

Генерал Скуратов посмотрел на Николая, раздумывая, стоит ли что-то говорить.

– Цель всего одна – победа. В этой игре каждый участник видит победу по-своему. Те, Коля, которые играют против нас, считают, что мир станет лучше, если в нём не будет никаких стран, никаких наций, никаких религий. Они надеются с помощью социальных сетей, медиа-ресурсов и контролируемой ими массовой культуры взять всё вокруг полностью под свой контроль и, главное, создать нового человека.

Сварить всех нас в большом плавильном котле, повернуть через мясорубку и слепить из получившегося фарша нужного им гомункула. Человека не задумывающегося. Человека-зомби. А сами они в этом сказочном мире будут верховными жрецами, несущими людям свет и добро.

– Мне кажется, что это уже было.

– И не один раз. Если чуть капнуть, то в каждой смуте, в каждой войне или революции в любом конце мира найдёшь одних и тех же организаторов. С помощью манящих идей и несбыточных обещаний они сталкивают людей между собой. И брат идёт на брата, а сын на отца... И вся эта кровь ради очередной придуманной ими несбыточной утопии.

– Из инвалидного кресла многие вещи кажутся другими, – возразил Николай. – Особенно, если в нём ты оказался из-за чужой глупости и жадности. Разве плохо, если мир будет справедливее, чем сейчас? Если люди станут равными, мир станет только лучше.

– Это невозможно, – тихо произнес Анатолий Петрович, уже пожалевший, что начал этот разговор. – Люди не могут быть равными. Отними у человека стремление к индивидуальности, стремление стать лучше и сильнее, чем другие, он перестанет быть человеком. Именно постоянная борьба и стремление к победе над своим ближним – основа нашей цивилизации. Да и справедливость, о которой ты много говоришь, каждый понимает по-своему.

– Ну нет! Здесь не может быть никаких разночтений.

– Разве? – генерал улыбнулся. – Вот, к примеру, у волка в лесу своя справедливость, своя правда, а у зайца своя. Так уж получилось.

Анатолию Петровичу нравился этот парень. Когда-то и он сам не сомневался, что еще чуть-чуть и мир изменится. Полжизни он верил, что коммунизм и равенство – будущее всего человечества. Надо лишь уничтожить жадных капиталистов. И настанет рай на земле. А потом вдруг всё в одночасье рухнуло. Оказалось, что люди не хотят быть безликими штампованными винтиками в какой-то непонятно кем и непонятно для чего созданной системе.

Оказалось, что несмотря на все старания престарелых идеологов в человеке ничего не изменилось. Как и прежде, жёлтая канарейка, герань на подоконнике, яркое новое платье и любимый человек для них гораздо важнее, чем очередные нудные моральные заповеди и серая, пусть даже бесплатная, униформа.

– Каждый человек неповторим и каждый имеет право быть таким, как он есть, – продолжил Анатолий Петрович. – А то, что обещают очередные лжепророки, это подмена понятий.

– То есть вы считаете, что кто-то хочет из нас, русских, опять сделать стадо одинаковых баранов с выжженными на животе номерами и огородить забором с колючей проволокой?

– Почему только из нас? Из всего мира. Огромный лагерь,

где ты не Коля Корчагин, а просто набор цифр. Эти цифры означают твою принадлежность к определённой касте. А от этого зависят твои возможности и твоё предназначение в их всемирном скотном дворе. По ним они будут определять, можешь ли ты ещё быть полезен или с тебя пора сдирать подковы и отправлять на колбасу, – генерал Скуратов рассмеялся. – Так что не в самое лучшее время ты призываешь власть в стране перетряхивать и выворачивать наизнанку. Коней на переправе не меняют. Да и других начальников и чиновников взять нам негде. Не хватало сейчас повторения экспериментов Октября семнадцатого.

– Тогда, чтобы не повторился семнадцатый, надо повторить тридцать седьмой, – твердо заявил Николай. – А иначе простые люди, которых столько лет грабили, не поймут. Не поймут, а значит и не поверят. И тогда всё впустую.

– Про тридцать седьмой, может, ты и прав. А про людей... Не стоит думать, что простые люди могут на что-то повлиять. У них свои заботы. Да и враг наш себя открыто не показывает. Он, как хороший кукловод, из темноты своих марионеток за ниточки дёргает. Не поймёшь, кто есть кто, – Анатолий Петрович сделал большой глоток давно остывшего чая и встал. – Сказку про Кощея помнишь? Смерть его далеко запрятана. Головы и хвосты рубить бесполезно: новые вырастут... Нужно найти яйцо с иголкой... Но мне пора.

– Подождите, Анатолий Петрович. Как же мне теперь быть? Что я скажу людям, если я и сам запутался?

– Говори правду... Так, как ты её видишь. Кому-то в лесу надо быть волком, кому-то зайцем, а кому-то... – он замешкался, не находя нужного слова. – А тебе нужно быть таким как ты есть. Самим собой.

Генерал хотел что-то добавить, но передумал и вышел в прихожую. Там протянул руку выехавшему за ним Николаю.

– Тебе теперь посуду мыть. Ты бы позвонил супруге. Уверен, что она переживает. Мне кажется, она хорошая женщина.

– Хорошо, позвоню, – пообещал Николай и сразу вспомнил Настю.

Он давно уже понял, что относится к этой девушке не только как к помощнице. Может быть, именно это было причиной его раздражительности и несправедливого отношения к жене. «Да. У каждого своя правда», – подумал он, пожимая протянутую руку.

Глава 4

– Думаешь, все два года Настя сидела с прялкой у окошка и тебя ждала? Поверь мне – женщине: она не та девушка, которая будет, сложив ручки, ждать у моря погоды.

– Мама, но она же от меня не ушла.

Пожилая женщина в простом ситцевом халатике вишневого цвета и стоптанных синих тапочках хлопотала на маленькой кухне, надеясь вразумить своего сына.

– Это лишь значит, что за это время ей не подвернулся

никто получше. Иначе она давно бы помахала тебе ручкой на прощание... Если честно, то я молила бога, чтобы так и случилось. Тогда она оставила бы тебя в покое. А ты в Германии нашёл бы себе хорошую жену, – по-матерински раскусила женщина. – Настя не та девушка, которая тебе нужна. А ты для неё чемодан без ручки...

– Ты просто ревнуешь, – Алексей не хотел спорить с матерью и примирительно обнял её за плечи. – Тебе было трудно воспитывать меня в одиночку. Но я давно вырос и тебе придётся меня делить с другой женщиной.

– Может, конечно, и ревную... Но не это главное. Мне очень хочется, чтобы хотя бы ты пожил в нормальной стране.

– Настя говорит, что мы живём в нормальной стране и скоро...

– Всю жизнь одно и то же! – взмахнув руками, с досадой в голосе прервала его мать. – «Потерпите еще немного и скоро будете жить лучше всех!» Мне уже седьмой десяток, но бросить работу я не могу, потому что нищенской пенсии не хватит даже на нормальную еду.

Настя уехала рано утром по предвыборным делам, и Лёша дома у матери ждал, когда она их закончит и приедет за ним.

Коротая время, он достал тяжёлые старые альбомы с фотографиями и с любопытством расспрашивал маму про людей, которые с настороженностью, почти не улыбаясь, смотрели на фотографа, застыв навсегда в уже давно не существу-

ющей чёрно-белой стране. Алексей попробовал представить себя в том времени, в толпе людей на какой-нибудь демонстрации с плакатом в руках, зовущим в светлое будущее, и не смог.

Требовательный перезвон в прихожей разогнал его фантазии. Алексей бросился открывать входную дверь. Приехала Настя. Он думал, что они пообедают все вместе, но девушка не хотела задерживаться. Она поздоровалась с мамой Алексея и сказала, что купила всё необходимое для поездки в их деревенский домик. Когда он был в Германии, Настя сделала там небольшой ремонт, и теперь ей не терпелось этим похвастаться.

– Вы лучше бы думали, как быстрее обратно в Германию вернуться, – устало произнесла обиженная мать. – Не дай бог, кто-нибудь захочет Лёше за прошлые дела отомстить. Все те люди как были у власти, так и остались.

– Мы как раз об этом собирались поговорить, – быстро сочинил оправдание Алексей, чтобы её успокоить.

Синий домик с тремя окошками будто бы стал меньше и врос в землю. А берёзки, которые они когда-то посадили с Настей около крыльца, наоборот, вымахали выше крыши и хвастались перед гостями нежными молочными стволами.

С обеих сторон от их домика, взамен старых покосившихся деревянных домов, появились роскошные коттеджи.

– Это москвичи, – сказала Настя, заметив, что он смотрит

на новые дома. – Почти всю деревню выкупили под дачи. Река, лес, экология...

– А почему местные не строят?

– У местных денег нет.

Алексей обошёл их домик вокруг, но не заметил существенных перестроек.

– Строители весь фундамент поменяли, нижние бревна и полы, – пояснила Настя.

– Да-а-а... – удивленно протянул Лёша. – А я бы даже не заметил.

– Это потому, что ты городской. Наверное, уверен, что булки на деревьях растут... – рассмеялась девушка.

– Точно! На хлебном дереве. А колбаса на колбасном.

Алексею было неважно, что Настя сделала с фундаментом, главное, что она была рядом. Он потянул её за талию к себе и хотел поцеловать, но она мягко отстранилась.

– На улице неприлично. Всё-таки деревня, – прошептала Настя.

На самом деле она не боялась соседских взглядов, просто ей стало обидно из-за того, что Лёша не оценил по достоинству её старания.

Внутри дома почти всё осталось так, как и было до его отъезда: огромная белая печь в центре, две маленькие комнаты с бревенчатыми стенами и кухня. Пол по всему дому был застелен яркими домоткаными ковриками. Везде висели старые фотографии в простых рамках.

– Я сегодня полдня изучал мамины альбомы, – вспомнил Алексей, рассматривая фото на стенах, – и не смог себя представить в той обстановке, в том времени. Вроде это недавно было, а кажется, что те люди жили другом мире, в другой стране.

– Странно, – удивилась Настя и подошла к нему. – А у меня наоборот. Я почти никого не знаю на этих снимках, но у меня ощущение, что все они мои родственники. Вот, смотри, – она показала на одну из фотографий. На ней девушка в белом платье в горошек сидела в лодке с удочкой в руке и что-то смеясь рассказывала фотографу. – Разве я не похожа на неё?

– Очень. У вас обеих длинные светлые волосы, – Алексей поправил фото. – И без сомнения, вы обе очень красивые.

– Издеваешься? А мне кажется, что...

Лёша не дал ей договорить. Он прижал её к себе и поцеловал. Настя больше не пыталась его отстранить. Не разжимая объятий, она потянула его к кровати с высокой горкой из белых подушек разных размеров. Через мгновение они упали на неё, провалившись в мягкую перину. Лёша освободил руку и попробовал пальцами расстегнуть пуговицы на её клетчатой рубашке

– В кино у главных героев это так легко получается, – с досадой прошептал он.

– Для кино актёры долго репетируют. Давай встанем и разденемся, – предложила девушка.

Алексей попробовал сесть, но кровать со старой металлической провисшей сеткой под периной была такой глубокой, что он опять, задрав ноги и хохоча, скатился к Насте.

– А знаешь, я кое-что придумала... – Настя легко соскочила с кровати. – Я ведь ещё баню реконструировала.

– То есть мы сейчас всё бросим и пойдём смотреть баню?

– Давай сегодня мы не будем торопиться, – мягко ответила девушка. – А заодно совершим важный обряд. Обряд очищения. Сейчас растопим в бане печку, перекусим, пока она топится. Когда там всё будет готово – пойдём париться. А после бани будем купаться в ночной реке. Как тебе такой план? И только после всего этого... – Настя улыбнулась, протянула руку и помогла Лёше выбраться из кучи подушек и одеял. – Вытерпишь?

– Ну если это обряд, то что поделаешь, – вздохнув, согласился Алексей.

Баня стояла в конце участка у реки. Приземистая, сложенная из толстых брёвен она казалась заброшенной. Вокруг неё разрослись кусты чёрной смородины и крапивы. Ягоды были крупными, и Алексей с удовольствием сорвал несколько штук. Часть сразу отправил в рот, а часть отдал Насте. Ощувив кислотовато-сладкий вкус смородины, он почему-то вспомнил, что лето у них очень короткое и ценить надо каждую его минуту.

Внутри, как и в доме, строители лишь поменяли полы и

побелили старую кирпичную печь. Даже лежанки остались старые. Давно почерневшие, сделанные из толстых строганных досок, они могли прослужить ещё очень долго.

Пока Алексей всё осматривал, Настя присела на корточках и быстро растопила печь заготовленными лучинками. Потом, дождавшись, когда они хорошенько разгорятся, подбросила в неё несколько сухих березовых поленьев. Баню заволокло дымом. Девушка закрыла печную дверцу и вытолкала Алексея на свежий воздух.

– Дальше без нас. Через час-два всё прогорит и тогда пойдём париться.

– Ну, ты как заправский банщик! – удивился Алексей. – Наверное, часто паришься.

Они вернулись в дом и открыли бутылку вина. Настя где-то в шкафу нашла белое платье в горошек, как у девушки на фото, и быстро переоделась.

– Нужна музыка, – твердо сказала она и подошла к старому проигрывателю. – Посмотри на полке – я привезла из дома старые пластинки. Может, найдёшь что-нибудь интересное.

– Неужели он работает? – засомневался Лёша. Перебрав несколько пластинок, он достал одну в оранжевом конверте с нарисованной Эйфелевой башней и передал Насте.

– Оркестр Поля Мориа, – прочитала девушка. – Отлично. Она достала чёрный виниловый диск, подняла полированную крышку проигрывателя и положила пластинку на рези-

новый круг. Нажала кнопку и пластинка закрутилась вокруг оси. Настя осторожно опустила на её край длинный рычажок, и после легкого скрипа комнату заполнили звуки старой, но очень знакомой мелодии.

– У мамы была такая пластинка, она по субботам включала, пока наводила порядок в квартире, – с восторгом вспомнил Алексей. – Жаль, я не умею танцевать.

– Может, попробуем?

Настя сама взяла его руку, и через мгновение они закружились по комнате, пытаясь не наступить друг другу на ноги, не сбить два старых венских стула и попасть в такт музыке.

На следующей пластинке молодые ребята пели про весну и про то, что бывает, когда в любви не везёт.

Лёша два раза запнулся о коврики на полу, застеснялся своей неуклюжести и сел на диван. С него он любовался продолжающей танцевать Настей. Почему-то только сейчас, когда она расслабилась и беззаботно веселилась, Алексей первый раз после приезда осознал, что у неё есть своя, неизвестная ему жизнь.

«Может быть, утром мама была в чём-то права», – подумал он.

Из-за этих мыслей появился страх. Что будет, если Настя решит что та, другая жизнь, для неё важнее, и он окажется ей не нужен? Что он будет делать? Настя – смысл его жизни. Эти два года в Германии он жил только одним – надеждой, что вот-вот и Настя приедет... Без неё у него ничего не оста-

нется.

Алексей раньше никогда не парился. И поэтому, когда оказался в протопленной бане растерялся, не зная, что делать. Он присел на низкую лавку, где было не так жарко. В этот момент дверь открылась и вошла Настя, задержавшаяся в предбаннике.

Единственное маленькое закопчённое окошко пропускало мало света, да и тот растворялся в почерневших бревнах. Но даже в этом сумраке Алексей разглядел, как она изменилась. Из нескладной худенькой девушки она превратилась в стройную восхитительную женщину. Казалось, она светится изнутри, излучая какие-то чарующие волны. Алексею мгновенно захотелось прижать её к себе. Покрыть поцелуями её высокую грудь, манящие бёдра, живот...

Настя открыла чугунную дверку и, набрав в ковш воды, выплеснула её внутрь печи на раскалённые камни. И сразу же баню заполнил жгучий пар. Лёша прикрыл лицо ладонями и сквозь раздвинутые пальцы смотрел на девушку. Её тело покрылось влагой и притягивало как никогда раньше. Алексей мгновенно забыл про свои сомнения. Всею своей душой, всем сердцем, каждой своей клеточкой чувствовал только одно – с ним рядом сейчас находится его любимая женщина, весь организм которой приготовился к тому, чтобы зачать новую жизнь.

– Знаешь, о чём я сейчас подумала? – Настя повернулась

и, будто угадав его мысли, опустилась перед ним на колени. – Этому дому лет сто и бане столько же. Представь, сколько людей разных поколений здесь, на этих досках, занималось любовью.

– Почему здесь, а не в доме?

– Семьи были большие, дома маленькие. Наверное, это было единственным местом, где можно уединиться. Ещё здесь тепло, а люди голые и чистые.

– Тогда может и нам этим заняться?

– Чем? Сексом или зачатием? – Настя серьёзно посмотрела на Алексея.

– Это же можно сделать одновременно, – Лёша взял её за руки и потянул к себе.

– Мы же решили, что баня – место почти сакральное, значит и обряд очищения надо проводить, не нарушая традиций.

– Ты о чём? – забыв, о чём ему говорила девушка, спросил Алексей.

– Всему своё время. Я в предбаннике замочила веник, сходи принеси.

Настя поднялась с колен. Лёша вышел из парной, несколько раз глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться. Он давно не видел её абсолютно голой, без стеснения стоящей рядом. То ли от пара, то ли от волнения голова у него кружилась и дрожали пальцы. Наверное, она это понимала и, не сомневаясь в своих достоинствах, давала ему возможность оценить её

тело.

Смущённый её наготой, и почему-то безумно ревнуя, Алексей чуть было не спросил девушку, много ли человек прошли здесь этот ритуал, но вовремя осёкся.

Следующий час Настя хлестала его берёзовым веником, терла грубой мочалкой, обливала переменнно то горячей, то холодной водой. В перерывах они лежали без сил на траве в кустах смородины, вдыхая окружающие запахи, которые вечером стали гораздо острее.

Начинало темнеть. Кузнечики стрекотали так, что заглушали все остальные звуки. Над самым горизонтом в синей эмали неба загорелась маленькая звезда.

– Это Полярная? – спросил Алексей.

– Полярная на севере, а это запад. Кажется, летом первой на небе появляется Венера.

– Символично. Это тоже входит в обряд?

– Звёзды не входят, – сладко потянувшись, произнесла Настя. – Сейчас мы ещё раз сходим в парилку, а потом на реку купаться. Вот купание входит...

– А когда по плану зачатие?

Алексей повернулся на бок лицом к Насте. Она лежала на спине, сложив ладони под головой.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она, не отвечая на его вопрос.

– Великолепно. Как космонавт перед полётом на Венеру.

Лёша не преувеличивал. Он ощущал такую лёгкость, что казалось, если бы ему захотелось, то он мог бы оттолкнуться от земли, взлететь над вечерним туманом, который собирался у реки, и парить так же, как они парили когда-то здесь на воздушном шаре.

Как всё тогда было просто.

Два года назад, несмотря на всё, что на них свалилось, отношения их были гораздо понятней. Тогда он не сомневался, что они навсегда вместе. Может поэтому, привыкнув к этой мысли, он что-то упустил? Быть рядом с ней было единственной его целью. И Алексей простодушно думал, что она относится к нему так же. А когда понял, что всё гораздо сложнее, растерялся. Он не знал, что делать. Упрекать, просить, доказывать, убеждать? «Может, я вообще всё придумал? Может, моя Настя существует только в моём воображении?»

– А ты полетела бы со мной? – спросил он.

Настя повернулась к нему и посмотрела долгим изучающим взглядом.

– Куда? В космос? К звёздам? – она покачала головой. – Холодно там и очень одиноко. Пойдём ещё погреемся и сразу купаться. Звёзды подождут.

В этот раз веник не понадобился. Они просто лежали рядом на широкой лежанке, вдыхая пьянящий запах соломы и берёзовых листьев. Когда Лёша уже решил, что его пятки, которые были очень близко к печке, начали плавиться, Настя подтолкнула его к двери.

– А теперь бежим к реке. Если обгонишь, я сделаю всё, что ты захочешь.

На старенькие дощатые мостки, уходящие в воду, они влетели одновременно. И вместе прыгнули в тёмную воду, подняв тысячи брызг.

Накупавшись в тёплой реке под яркими звёздами, они вернулись в дом. Целоваться они начали ещё в реке. Поэтому в дом ввалились уже не в силах сдерживать желание.

– Кажется, что я ждал эту ночь всю жизнь, – пробормотал Лёша, когда они упали на кровать. – Я хочу, чтобы она никогда не закончилась.

– Всё зависит от тебя...

Заснули они только под утро, и почти сразу же их разбудил запевший Настин телефон.

Николай, который после разговора с генералом всю ночь думал, что ему делать дальше, захотел срочно посоветоваться с Настей. «Мне больше не с кем, – объяснил он свой ранний звонок, – я никому больше не верю».

Алексей расстроился.

– Неужели нельзя было отключить этот дурацкий телефон?

– Лёшенька, дорогой мой, я скоро вернусь, – Настя уже бегала по дому, пытаясь найти свою одежду. – А у тебя будет время серьёзно подумать.

– О чём?

– О нас, конечно, – Настя собралась и перед уходом нагнулась над Алексеем, который всё ещё лежал в кровати. – У нас с тобой было замечательное прошлое, но если нет общего будущего, оно нам не поможет, – шепнула она. – Может этой ночью у нас получилось создать что-то новое, – она поцеловала его в губы, выскочила из дома, села в машину и уехала.

Настя была счастлива. Ещё вчера она очень переживала, что Алексей может категорически не принять её участие в выборах. Сейчас этот страх прошёл. Конечно, она видела, что он этому совсем не рад, но это нормально. Главное, что он по-прежнему её любит. А значит, всё поймет и поддержит, если будет надо.

Настя сделала громче музыку и, подпевая, летела по новой дороге вдоль берега сильно обмелевшей из-за жаркого лета Волги.

Лёша не стал пытаться ещё поспать, надел джинсы и вышел на улицу. Утро было солнечным и тихим. Он сел на скамейку, которую они когда-то соорудили под берёзами. Жёлтая масляная краска с неё давно облезла и мелкими кусочками осыпалась на землю.

Сейчас он не сомневался, что Настя своё будущее видит только в России. А это значит, если он хочет быть с ней, значит должен забыть про Европу и Германию. В такое замечательное утро ему показалось, что это будет сделать несложно.

«В конце концов, мой дом здесь. В любом другом месте я всегда буду приезжим. Немцы, конечно, люди деликатные и открыто не демонстрируют своё отношение к эмигрантам. Но своим ты там никогда не станешь. Для этого надо там родиться. Надо помнить песни на пластинках, которые когда-то слушали родители. Надо узнавать предков на старых чёрно-белых фотографиях...»

Потом он вспомнил, что Настя шепнула перед отъездом. «Что она имела в виду?»

Несмотря на то, что ответов на вопросы не было, Алексею стало проще. Он ещё не решился окончательно, но теперь возможность остаться в России не казалась ему чем-то нереальным.

Через минуту он услышал, как к дому подъезжает мотоцикл. Алексей привстал, посмотрел через хлипкий заборчик на просёлочную дорогу и увидел одного из братьев-близнецов.

Он удивился: сколько их помнил, братья всегда были вместе.

– А ты почему один? Где брат? – спросил он вместо приветствия, выйдя из калитки.

– Миша погиб, – тяжело выдохнув, произнес Григорий

– Как? Ты о чем? Что случилось? – опешил Алексей.

– На рассвете какие-то вооружённые люди вышибли дверь и ворвались к нам в квартиру.

– Что им было нужно? Что с Мишей?

– Думаю, они узнали, что мы собрали огромную базу компромата. Угрожали, требовали, чтобы мы все отдали... – запынаясь рассказал Гриша. Потом на секунду замялся и дрожащим голосом продолжил: – Брат шепнул, что они всё равно нас убьют... Крикнул «беги», а сам схватил стул и бросился на них... Они начали стрелять, а я смог выскочить... – он заплакал. – Получается, я его бросил.

– Чёрт! – Лёша обнял огромного Григория, пытаясь утешить. – Надо в полицию заявить.

– Полиция... Так все полицейские начальники у нас там главные герои. Может, они и подослали, – Гриша смахнул слёзы тыльной стороной ладони и отстранился от Алексея. – Я приехал передать Насте что осталось. Главная флешка всегда со мной. Где Настя?

– Ты привез всё это сюда? – опешил Алексей. – Зачем?.. Её нет дома, – встревожено ответил он.

– Кроме неё больше некому. Тем более, сейчас она с этим кандидатом работает. Мы давно ей хотели отдать... Не бойцы мы, Лёша... Хотели немного денег срубить и свалить отсюда.

– А что там на твоей флешке? – уже обречённо спросил Лёша, отчетливо вспомнив все события двухлетней давности.

– Это бомба... Там про каждого... Атомная бомба.

– Зачем же вы всё это делали?

– Я же говорю... Хотели сделать большой фильм и про-

дать его кому-нибудь. А потом уехать в тёплые страны. Мы не собирались ни с кем воевать... Это же бесполезно... А она может.

Алексей без сил опустился на скамейку.

«Куда бы ты ни сбежал, судьба всё равно тебя найдет», – подумал он.

Глава 5

– Ваша задача, Борис Семёнович, уничтожить вашего конкурента. Для этого вы должны использовать его же тезисы и идеи, – требовательно объясняла Мадлен, буквально зажав в угол коридора губернатора, который был одним из кандидатов на этих выборах, и через несколько минут должен был выступать на последнем перед голосованием предвыборном митинге. – Если ваш конкурент говорит о самостоятельности регионов, то вы должны призывать к полной независимости вашей области от Москвы. Если он говорит о необходимости изучения русской истории и культуры, то вы должны громко и однозначно заявить: «Россия для русских!» Понимаете? Вы должны зомбировать народ своими словами.

Мадлен, пренебрежительно поморщившись, своей худой морщинистой рукой поправила лацкан чёрного пиджака кандидата в губернаторы, стряхнула перхоть с его плеча и тоном, не терпящим возражений, добавила:

– Этим мы, во-первых, выьем у него почву из-под ног, а во-вторых, дискредитируем саму идею русской националь-

ной самоидентичности.

– Я не думаю, что люди хотят именно этого... – неуверенно возразил Борис Семёнович.

– А вот думать вам не надо! – резко оборвала его Мадлен. – Всё давно придумано. О том, как побеждать на таких выборах, есть много инструкций и рекомендаций. И написаны они умными и прекрасно образованными людьми. Тем более, что у нас, – она приложила руку к своей груди, – опыт управления такими... – Мадлен замялась и несколько раз раздражённо щёлкнула сухими пальцами, – такими не полностью самостоятельными странами, как Россия, несколько веков. Поэтому просто внимательно слушайте и выполняйте!

– Вы намекаете, что Россия несамостоятельная страна, – обиделся за державу Борис Семёнович.

– Не намекаю, а прямо говорю. Уж я об этом знаю всё.

– Может, тогда мне и сказать в выступлении, что мы колония?

– Чтобы люди что-то заподозрили? Это слишком опасная игра. Лучше всего сделать из страны колонию, рассказывая жителям про их величие и величие их страны. Девяносто девять процентов даже не сообразят, что их власть – чьи-то марионетки.

За спиной у Мадлен стоял Александр из администрации Президента. Ему было совсем не жаль вспотевшего от волнения губернатора. Он хорошо помнил, как встретился с ним первый раз семь лет назад в редакции газеты. Тогда Боря

был одет в нелепый вязаный свитер с оленями на груди, а серые лоснящиеся брюки, которые едва доходили до щиколотки, выставляли напоказ сильно поношенные ботинки. Узкие плечи были опущены и постоянно дёргались, будто пытаюсь вернуться на место. Руки двигались совершенно независимо от происходящего, постоянно теребя в пальцах то авторучку, то телефон, то листик бумаги.

В то время Борис говорил, что готов работать ради людей бесплатно и круглыми сутками. Просил дать ему шанс показать, на что он способен.

Сейчас он был похож на обожравшегося ленивого глупого хомячка: висячие щёки, чёрные маленькие глазки. И одевался он по-другому. На нём был шикарный костюм дорогого итальянского дома моды «Бриони», на руке сверкали золотые часы «Ролекс» за сто семьдесят тысяч долларов.

Саша знал, сколько денег губернатор вывел за эти годы за рубеж.

А ведь тогда, в их первую встречу, Александр и сам поверил, что этот человек будет работать за идею. Столько огня было в его глазах. Деньги и власть быстро срывают с людей все маски.

– Вот вам текст, – Мадлен протянула Борису Семёновичу несколько листков с крупно напечатанным текстом. – Так будет проще. Я надеялась, что вы, как профессиональный журналист, сами справитесь, но видно зря. Не будем сейчас рисковать. Поэтому постарайтесь без отсебятины.

Она оглянулась и, удручённо качая головой, посмотрела на Александра. То ли она искала его поддержки, то ли спрашивала: «Нет ли более подходящего кандидата?»

Конечно, никто бы сейчас не стал снимать Бориса Семёновича с выборов или менять на другого кандидата. Скорее всего, Мадлен таким взглядом просто выразила своё презрение не только к губернатору, но и вообще ко всему: и к стране, и к народу.

Саша посмотрел на часы и бодро объявил:

– Нам пора на трибуну. Люди ждут хозяина региона.

Они вышли из здания городской администрации на площадь. Перед той же сценой, где на днях выступал Николай, опять собралась большая толпа избирателей. Только сегодня большинство из них были специально доставлены с городских предприятий для поддержки Бориса Семёновича.

Все они были в одинаковых футболках с портретом губернатора на животе и его слоганом поперёк груди: «Хороший хозяин – сытый народ!» У некоторых в руках были плакаты с лозунгами из губернаторской предвыборной программы: «Хватит кормить Москву», «Восстановим историческую справедливость», «Наши налоги на наши больницы».

Губернатор не стал читать речь по бумажке, подсунутой ему Мадлен. Он считал себя хорошим оратором, и поэтому решил, что справится без чужих подсказок.

Как обычно, Борис Семенович начал с того, что во всех проблемах обвинил Центр:

– Москва должна вернуть наши деньги! – крикнул он в микрофон сразу после приветствия.

Потом рассказал, сколько всего вырастил и произвёл их регион и сколько из этих денег отдал Москве.

– На эти деньги мы могли бы построить две новых школы, пять детских садов, несколько фельдшерских пунктов... – выкрикивал он, выдумывая на ходу.

Саша, слушая выступление губернатора, с усмешкой подумал, что всё это можно было построить на те деньги, что лежат на счетах Бориса Семёновича только на Каймановых островах. А ведь есть ещё Лондон и Берлин. «Видели бы люди твой домик на Лазурном берегу. Из окон которого вся Ницца и море как на ладони. А с балкона можно полюбоваться на пришвартованную яхту у городского причала, которую ты на мажора-сынка оформил», – думал он.

Тем временем Борис Семёнович распалялся всё больше и больше:

– С Москвой давно уже пора прекращать все отношения! Что мы от неё имеем? Лишь одёргивания и нелепые указания. А что она имеет от нас? Деньги! Наши с вами деньги!

Люди восторженно хлопали, и Саша подумал, что вот так, и правда, легко потерять страну. Этот идиот, скорее всего, даже не понимая этого, призывает к развалу страны, а они радуются. Им же эта страна нужна больше, чем губернатору. Он-то завтра может прыгнуть в самолет и улететь в Европу. А что будут делать в разорённой стране эти люди, которые

веселятся, слушая эту чушь? По-хорошему, им бы стянуть губернатора с трибуны и повесить за ноги над сценой между прожекторами. Пусть светит.

Но Саша знал, что если начнутся поиски виноватых, рядом с губернатором эти люди могут повесить и его. Поэтому такой поворот событий его не устраивал.

«Мне тоже есть куда уехать, если что... Только вот скучно это – сидеть овощем в чужой, пусть даже очень цивилизованной, стране. Поэтому нам Россия ещё пригодится. И развалить я её вам с Мадлен не дам!» – определился он, глядя на этот цирк.

– Москвичи продались гомосексуалистам из Европы и глобалистам из Америки. Очистим наши ряды от этой нечисти! – неожиданно выкрикнул Борис Семёнович. Такие слова в его программе раньше не звучали. Скорее всего, это был экспромт, спровоцированный психологическим напряжением.

«Зря он, конечно, без бумажки», – с сожалением подумал Саша.

Но народ на призыв губернатора отреагировал с энтузиазмом, весело озираясь по сторонам, будто уже разыскивая тех, от кого надо начать очищаться.

В это время к Александру подошла Мадлен.

– Что он несёт? Этот регион для нас очень важен. Организовать протесты в Москве не получилось, теперь попробуем здесь что-нибудь придумать. А этот идиот может всё испор-

тить.

– А если и здесь не получится?

– Тогда попробуем что-нибудь организовать на дальних окраинах, – невозмутимо ответила Мадлен. – А может, вообще начнём наш поход на Москву из ближнего зарубежья. Там для нынешней власти самое слабое звено. Враги по всему периметру.

– От Москвы до окраин далеко. Оттуда Кремль не напугаешь, – не согласился Александр.

– Это зависит от масштаба. Если будет много крови и красивая телевизионная картинка для медиа-ресурсов, то это очень болезненно. А одновременно можно показать людям, что правительство не способно разрешить ситуацию. Да и вообще неспособно управлять государством.

– Так просто переубедить народ не получится. В Кремле тоже время не теряют и тоже умеют выправлять мозги, – сдержанно возразил молодой человек.

– Есть методы воздействия на любое правительство. От обычного прямого подкупа важных чиновников, – Мадлен, то ли оценивающее, то ли намекая, посмотрела на Александра, – до обещания высоких мест в новой властной вертикали. Но это для понятливых. А для идиотов есть кое-что попроще. К примеру, техногенные катастрофы. От предупредительных на железных дорогах и важных производствах, до катастроф на атомных объектах.... – она презрительно усмехнулась. – В наше время нет ничего проще, чем с

помощью серии больших катастроф вызвать у народа панику и уничтожить веру в то, что правительство способно управлять страной.

– И сейчас такие варианты рассматриваются?

– Они рассматриваются всегда. Атомные электростанции никогда не взрываются случайно. Так что в любой момент прямо здесь или где-нибудь в другом месте может что-нибудь произойти. Могут столкнуться пассажирские поезда или самолёты, может загореться химический завод, – она говорила и в её провалившихся от старости, но ещё очень колочих глазах начинала проявляться скрытая ненависть.

– Но из-за этого пострадают люди, а вы же вроде социалистка с полувековым стажем...

Мадлен удивленно посмотрела на собеседника.

– Вы мне последнее время, Александр, что-то не нравитесь. Чтобы люди не страдали, мы и должны сделать эти реформы, поменять власть во всей стране. Во всём мире должен быть один хозяин. Тогда и людям будет лучше, и нам проще. А сопутствующая боль неизбежна. Слишком далеко зашла ваша элита в своём желании быть самостоятельной. Это плохой пример для других. Придётся показать, что бывает, когда пытаешься послушаться. В назидание другим, – она взяла Сашу за пуговицу пиджака и, как бы извиняясь, добавила: – Большинство народов не способны к самостоятельному существованию. Поэтому мы должны за них отвечать. Как там у Экзюпери? «Мы в ответе за тех, кого приру-

чили». За братьев наших меньших. Всё это сложилось веками. А попытки местных шахов и князьков сменить этот порядок всегда наказывались жестко, – она посмотрела на толпу перед сценой и, высоко подняв подбородок и прищурив глаза, добавила: – Такое вот оно, бремя белого человека.

«Да уж... Вроде ты и бабка старая, а с твоего хера не соскочишь, – подумал Саша. – Если только его под корень не отрезать. Ведь можно и с тобой – хитрой ведьмой – поиграть по твоим же правилам. И не только здесь, но и на твоём поле. Думаешь, мы здесь дикие и не знаем, как до твоего дома добраться? У нас дорожка натоптана. Можем сделать так, что вы там от каждого шороха трястись будете. И серия катастроф может случиться не под Арзамасом, а под Парижем, Берлином или Вашингтоном. Да и протесты мы организовать тоже сможем. У всех есть слабые места. «Ножичков у нас на всех хватит», – вспомнил он глупую фразу из какого-то фильма, и чуть было не рассмеялся.

Губернатор заканчивал выступление. Он вытащил микрофон из стойки и вышел из-за трибуны к краю сцены.

– Если в это воскресенье вы выберете меня ещё раз, я непременно доведу до конца то, что начал с первого дня своей работы на этом посту. Я сделаю из нашего региона процветающий край. Нам будут завидовать не только москвичи, но и жители Европы. У нас всё для этого есть: природные ресурсы и вы – умные, работающие, свободолюбивые граждане. И есть я – губернатор, который хочет вместе с вами,

с моими земляками, с родными мне людьми, сделать здесь филиал рая на Земле.

Толпа буйствовала, как на концерте. Даже бюджетники, которых собрали здесь против их воли, верили словам губернатора. Александр Бланк смотрел на восторженные лица и еле сдерживал смех.

«Да они же, как Буратино на Поле чудес в стране Дураков. Им просто лень подумать хотя бы на день вперёд. Готовы поверить в любые обещания. Потому что весь смысл их жизни – меньше работать и больше получать. Вот и верят в бесплатный сыр... А когда их мечты в очередной раз не сбываются, начинают винить чиновников, которые много воруют. Так ведь чиновники – это тот же народ. Только чуть шустрее и удачливее».

Саша вспомнил свою школу в Барнауле. Чуть ли не каждый день ему тогда доставалось от местной шпаны. Почти ежедневно на него кричал пьяный отчим и почти каждый день он видел слёзы матери.

«Я же смог. Без знакомых, без нужных связей, даже не получив хорошего образования, выбраться с самого дна. Потому что очень этого хотел, и потому что не верил в чудеса. А здесь, на площади, будто бы и не народ, а какое-то стадо. Сегодня они голосуют за эту власть, а завтра ругают её на своих кухнях. Им бы не визжать от восторга надо, а спросить губернатора, почему он не выполнил свои прошлые обещаний. Ну, спросят, и что дальше? – Саша вздохнул, сообразив, что

слишком увлекся. – Очередная революция? Мадлен только этого и ждёт. Так что получается, что правда не нужна никому. А им меньше всего. Как там говорят: «Правда глаза колёт». Кому тогда эта правда понравится? Какая в ней может быть сила? Скажи сейчас губернатор людям правду, что они плохо живут, потому что бездельники и ленивые рукожопы – не поверят, обидятся, будут возмущаться... Им не нужна правда, им нужна надежда. Что кто-то придёт и даст что-то хорошее. Пусть даже не в этой жизни. А где-нибудь на небесах... Так что про правду надо забыть. Мы будем пользоваться методами Мадлен: зомбировать и ещё раз зомбировать. Переводить стрелки ненависти на кого-то ещё. И уж точно не на Москву. Мы найдём им врагов подальше. Врагов, которые будут виноваты во всех бедах. Так делали в СССР. А они любят его до сих пор. Жили впроголодь, а любят. Вот чей опыт управления людьми надо перенимать...»

Александр так сильно обрадовался найденному решению, будто вытащил занозу из пятки, которая мешала ему ходить.

«А Мадлен дура. Ей бы давно пора цветочки выращивать у себя дома и кошечек разводить, но нет, лезет старая карга, куда её не зовут. Совсем из ума выжила. Хочет уничтожить Россию. Для неё это личная месть. С мужиками по жизни не сложилось, вот она и ненавидит всё живое. В своей злобе эта идиотка готова на всё. Её мечта, перед тем, как самой сдохнуть, стравить весь мир друг с другом. Чтобы с ней на тот свет отправилось как можно больше молодых и здоровых. А

начать она решила с России. Для неё это просто испытательный полигон. Я не гуманист. И не патриот. Но если не будет России, то кому буду нужен я? Любая власть, которая придёт после этой, поставит меня к стенке. Просто так. Чтобы показать людям, что они нашли виновника всех бед: меня – Александра Бланка. А что выиграют люди от этого? Ничего. Проходили уже. «Отнять и поделить»... А потом чуть не сгнули всей страной после такого дележа. Поэтому устроить здесь очередной шабаш я ей не дам. Есть у нас методы... Да и место смотрящего за Россией от Европы меня не очень-то и греет. Такая же кукла на верёвочках. Только рангом чуть выше. Так что мы здесь сами разберёмся...»

«Везде всегда одно и то же, – с присуще ей чувством превосходства над другими, думала Мадлен, стоя у углу сцены. – Восторженная толпа идиотов и мерзавец на трибуне, который ведёт их к пропасти».

На ней был строгий тёмно-зелёный костюм, больше подходящий учительнице старших классов, и классические туфли на невысоком каблучке. Руки она держала перед собой, сцепив пальцы. На сгибе руки висела большая красная сумка «Гермес», которую ей подобрала помощница. Эта сумка – её переносной «Овальный офис-кабинет». В ней были казалось никому не нужные бумажки, но с их помощью можно было легко скинуть многие европейские правительства вместе с президентами и премьерами. И они об этом

знали. Поэтому боялись этой полусумасшедшей женщины.

Несмотря на свои мысли, Мадлен делала вид, что с умилением смотрит на выступающего губернатора. Она демонстрировала, что этот кандидат не только надежда собравшихся на площади людей, он надежда всего прогрессивного человечества, которое она здесь представляла. И с этой ролью она справлялась хорошо.

«Нельзя допускать, чтобы президенты, шахи, генсеки и прочие современные махараджи сидели на троне больше четырёх лет. Первый срок они осматриваются, обустройстваются на новом месте. Потом эти осмелевшие горе-Атланты расправляют плечи. Второй срок – начинают воровать. И в этом ещё нет ничего страшного. Но вот если их вовремя не убрать, то они становятся действительно опасны. В них что-то просыпается. Начинают сами себе задавать ненужные вопросы про смысл жизни. Как там у Достоевского? «Тварь ли я дрожащая или право имею?» Свои детские мечты – с яхтами и дорогими проститутками – они уже удовлетворили, и теперь им очень хочется остаться в истории где-нибудь рядом с Иваном Грозным, Петром Первым, Александром Македонским или Наполеоном. Так, чтобы памятники на площадях и хвалебные страницы в школьном учебнике. Одно радует: все эти новоиспеченные диктаторы легко сдаются. Был Садам Хусейн, Каддафи... С виду такие грозные, а в случае опасности они подняли лапки вверх почти без боя, – Мадлен вспомнила кадры гибели этих людей, которые она неод-

нократно пересматривала и злорадно прошипела: – Собакам – собачья смерть...»

Губернатору, закончившему свою речь, несли цветы. Мадлен, конечно, знала, что эти букеты были куплены на бюджетные деньги, и симпатичные девушки, которые их вручали, отобраны заранее, но всё равно она завидовала губернатору. Её работу никто не видит, и поэтому никто никогда не подарит ей ни одного цветка.

«Да что цветка... И спасибо никто не скажет, – подумала она. – Но без диктаторов и фальшивых нацистов нельзя. На такую приманку, как национал-социализм, можно поймать любой народ. Вон как люди радуются. Глаза горят. Как же, сейчас выгонят иноверцев, отнимут деньги у богатых и заживут. Национализм во все времена, во всех странах – лучшая ширма для наших дел».

Она вспомнила разговор с Александром и её настроение мгновенно изменилось.

«Этот мальчик вырос и у него появились свои интересы. Значит, пора готовить план «Б». На случай, если у этого улыбчивого карьериста или ещё у кого-нибудь появится желание поиграть по своим правилам».

Мадлен зашла за сцену, достала из сумочки телефон и набрала номер.

– Алик, у тебя всё готово? – властным голосом спросила она у невидимого собеседника.

– Да, конечно. Два года назад мы провели хорошую репе-

тицию. Отработали разные варианты. И теперь всё сделаем четко.

– Хорошо, дорогой мой. Я дам знать. Скоро начнём.

Глава 6

Не выпуская из рук телефон, Лёша снова и снова пытался дозвониться до Насти. Но каждый раз неприятный женский голос монотонно отвечал: «Абонент вне зоны доступа». Когда он уже хотел разбить аппарат о стену дома, к нему подошёл сосед, у которого два года назад они с Настей случайно увели воздушный шар.

– Сколько лет, сколько зим! – поздоровался Юрий Алексеевич. – Долго тебя не было. Настя говорила, ты теперь в Германии живёшь?

– Здравствуйте. На днях вернулся, – сухо ответил Лёша. Ему сейчас было не до деда и он, продолжая набирать номер, даже не взглянул на него.

А старику хотелось поболтать.

– И как там у буржуев? Жизнь лучше, чем у нас?

– Лучше, – погружённый в свои мысли, машинально ответил Алексей, не зная, что ему делать и где искать Настю.

– Я вчера из больницы убежал, а сегодня в аварию попал. Больше чем полвека за рулем и ничего. А тут... – Юрий Алексеевич показал на свой автомобиль, стоящий у забора. На старенькой машине было помято крыло и разбита фара. – Спрашиваю его... ну того, который в меня врезался: «Ты по-

чему поворотник не включил? Не показал, что поворачивать собрался?» Знаешь, что он мне ответил?.. «Да кто ты такой, старый осёл, чтобы я тебе чего-то показывал?» Вот такие у нас здесь дела, – грустно сказал он и, задумавшись, присел рядом. – Видимо, задержался я на этой земле. Перестал людей понимать. Да и всё, что вокруг происходит, для меня как кошмарный сон. Хочется взлететь на своем шаре и плыть куда глаза глядят, только бы не приземляться. Наверное, поэтому попы и приспособили рай на облаках... А ты к нам надолго?

– Как получится. Я что-то тоже растерялся. Не знаю, что делать, – Лёша без сил опустился на скамейку.

– Для тех, кто не знает куда плыть, никогда не бывает попутного ветра.

– Вы правы, – согласился Алексей и быстро встал. – Мне ехать надо. Срочно. В город. Там парень на берегу у реки... Горе у него. Вы присмотрите за ним, если что. И не отпускайте никуда.

Лёша забежал в дом, схватил сумку и, не закрывая дверей, быстрым шагом направился к автобусной остановке.

Всего час назад он думал, что всё вокруг не так уж и плохо. И здесь, дома, можно жить не хуже, чем в Германии, но теперь он всё вспомнил. И всё вернулось, будто было лишь вчера. Вспомнил, как прикованный к батарее обливался липким холодным потом, ожидая пыток и смерти. Вспомнил жуткий животный страх, который долго не проходил, даже когда

он оказался в Европе. Алексей будто опять погрузился в то безнадежное, засасывающее состояние, когда каждый стук в дверь отзывался в сердце парализующим ужасом.

Он понял: надо хватать Настю и, не слушая её возражений, немедленно уезжать. «Вот только сначала надо её найти».

Алексей ехал в автобусе и перелистывал контакты в телефоне, пытаясь найти тех, кто мог знать, где живёт этот Николай, к которому поехала Настя. Город маленький и у них наверняка были общие знакомые. Он позвонил в его избирательный штаб. Ответила девушка и сказала, что ни Настя, ни Николай сегодня не приходили.

Прошлые воспоминания, рассказ Гриши и пропавшая Настя – всё смешалось в голове в один воспалённый нервный сгусток.

«Я её сейчас найду. У неё просто разрядился телефон, потому что вчера она забыла поставить его на зарядку», – повторял он, пытаясь успокоиться.

Набрав несколько номеров старых знакомых и ответив на бестолковые вопросы, Алексей наконец нашёл то, что искал: домашний адрес Николая.

– Адрес Кольки Корчагина? Знаю, конечно. Он у стадиона живёт. Сейчас вышлю тебе точные координаты, – наконец ответил ему бывший одноклассник.

Через несколько минут автобус въехал в город. Нужный дом хотя и был недалеко от остановки, но Алексей с трудом

нашёл его среди таких же однотипных панелек, в окружении сильно разросшихся лип и клёнов. У самого подъезда его остановил длинноволосый, высокий, очень худой парень. По его виду было ясно, что пьёт он давно.

– Друг, выручай. Немного не хватает... Помру, если не опохмелюсь.

Алексей не хотел тратить время и останавливаться. Поэтому на ходу хлопнул себя по карманам, покачал головой и, не глядя попрошайке в глаза, быстро ответил:

– Бумажник дома забыл. Теперь даже не знаю, где на автобус денег взять.

– Да ты не переживай. Тебе сколько на билет надо? Далеко ехать? – парень засунул руку в карман давно не стиранных джинсов и вытащил несколько монет. – Бери сколько надо.

Лёше стало стыдно. Он поблагодарил и сказал, что возмёт у приятеля, показывая рукой на подъездную дверь.

– Так ты, наверное, к Кольке? Колька добрый – он даст. Только замороженный. Он и в детстве из-за любой ерунды в драку лез, а сейчас... Передай ему, что людям нужна любовь, а не война.

Лифт будто ждал его на первом этаже. Лёше вдруг пришло в голову – вдруг у Насти просто разрядился или сломался телефон. Тогда его неожиданный визит будет выглядеть не очень красиво. Стать в её глазах ревнивым идиотом ему совсем не хотелось. Он прикинул, что нужная квартира должна быть

на третьем этаже, вздохнул и нажал оплавленную кнопку.

– Это ты? – удивился хозяин, открыв дверь. – А где Настя?

– Я надеялся, что она у тебя, – обречённо произнёс Алексей, понимая, что с Настей случилось что-то плохое.

Пока он стоял обессиленный и разбитый, опираясь рукой о стену в узкой прихожей, Николай сделал несколько звонков. Никаких серьёзных аварий не было, в больницы и morgi девушек, похожих на Настю, не поступало. В другой ситуации эта информация могла бы немного успокоить Алексея. Но не сейчас.

– Надо подождать, – сказал Николай. – Сейчас мы не можем ничего сделать. Она объявится... Сломалась машина, телефон сел... Пойдем пока чаю выпьем...

– Зачем ты втянул её в эту хрень? – не сдерживая гнев, в отчаянии крикнул Алексей. – Если тебе что-то захотелось доказать самому себе, ну и лез бы ты в это дерьмо один! Зачем ты людей в свои игры тащишь?

Этими словами он попал в самое больное место. Именно об этом думал Николай всю эту ночь. И ранним утром, окончательно запутавшись, сам не зная зачем, позвонил Насте – единственному человеку, которому он ещё верил. Может он надеялся, что она поможет ему найти ответы на эти болезненные вопросы.

«Для чего он вообще пошёл на эти выборы? Ради того, чтобы сделать лучше жизнь людей? Или для того, чтобы доказать самому себе, что он не бесполезный и никому не

нужный инвалид, а тот же самый парень, который с детства привык только побеждать? Может, Алексей прав? Не стоило вмешивать в эту борьбу посторонних людей. Ведь было очевидно, что его победа для многих очень важных людей будет означать не только потерю огромных денег, но и потерю свободы. А может быть и жизни. Поэтому его конкуренты будут биться, на жалея никого.

– Чего ты вообще хочешь? – продолжал Лёша. – Ведь жизнь людей ты не улучшишь, счастливее их не сделаешь. А вот проблем им подкинуть можешь. Любые перемены всегда к худшему.

– По-твоему, надо сидеть и смотреть на то, как кто-то грабит людей, грабит страну? Ведь ты и сам когда-то пытался... – попробовал оправдаться Николай и покатил на кухню.

– Дурак я был, вот и пытался! – раздраженно выкрикнул Леша ему в спину. – Зимой идет снег. Летом дождь, пыль, жара. Ничего не изменишь. Люди не живут по заповедям и не хотят по ним жить. Они против воровства только пока деньги текут мимо них. Пока ты говоришь, что во всех их бедах виноваты глупые ленивые вороватые чиновники, они будут тебя любить и поддерживать, – продолжая стоять в коридоре, кричал Алексей, – но когда-нибудь тебе придётся сказать правду. О том, что мы плохо живём не только из-за чиновников. Что и они – люди – не самые трудолюбивые, не самые бескорыстные. И неплохо бы всем вместе затянуть пояса и постараться сделать что-то для страны. Для её будущего. И

в этот момент их любовь к тебе мгновенно закончится. Потому что они люди, а не герои. Ненавидят советы и не любят затягивать пояса. Терпеть не могут, когда государство их о чём-нибудь просит, – Алексей зашёл на кухню и уже тихим голосом подытожил: – Так что всё, что ты делаешь, бесполезно и никому не нужно. Ты ничего не изменишь.

Николай часто и сам об этом думал. Но слышать это от другого человека ему было неприятно. Он сидел в своей каталке, повернув голову к окну, и тяжёлым взглядом смотрел сквозь стекло. В его душе копилось раздражение. «Как может этот слюнтяй, который в своей жизни ничего толкового не сделал, учить его, боевого офицера, как надо жить?» С каждым словом неприязнь росла, и Николаю уже хотелось заткнуть его, кинуть в него чашкой, которую держал в руке.

– Вот ты станешь губернатором – что изменится? – не останавливался Алексей, не замечая, как играют желваки на лице собеседника. – Ты что, всех чиновников на площади повесишь?

– Есть полиция, прокуратура. Если суд решит...

– Ты о чём? Какие суды? Какая полиция? Быть честным и работать в этих структурах невозможно. С них и надо начинать. Только где ты найдёшь других людей? Поэтому тупик. Да и законов таких, чтобы за взятки вешать, нет.

– Не ври, – тихо возразил Николай. – Есть честные и порядочные люди. Да и законы можно поменять. Просто ты не любишь свою страну.

– Да что за чушь! Не любят её те, кто не хочет признавать, что всё здесь уже насквозь прогнило, – возразил Лёша и подошёл к окну.

Они оба не хотели смотреть друг на друга, словно боялись, что глаза расскажут больше, чем слова. Во дворе дома беззаботно играли дети. Мамочки болтали между собой и не очень внимательно смотрели за своими чадами.

– Да и дело не только в нас. Это же не только в России происходит, – продолжил Алексей. – Весь этот мир основан на принципе – «сожри ближнего своего, пока он не сожрал тебя». Эта цивилизация не может измениться. В ней не заложено доброго начала. Поэтому ничего не получается. Человек не способен измениться. Все красивые идеи так и останутся невыполнимыми утопиями. Не потому что идеи плохие, а потому что человек – это прежде всего зверь. Поэтому и мир его звериный. Он таким создан. Борьба с этим бесполезно. Ни кнутом, ни заповедями, ни законами. Для красивых идей нужен другой человек. Но пока его не существует.

– Поэтому ты и забился в щель, как таракан, и Настю туда тащишь.

– Зачем ты всё переворачиваешь? – Алексей подумал, что, наверное, этот человек ненавидит тех, кто по-настоящему свободен в своем выборе. Может быть, потому что привязан к инвалидному креслу, а может потому, что не хочет избавиться от заложенных в голову ложных принципов. В его

мире «чужой» – это всегда враг, а «свой» обязан жить по тем правилам, по которым живёт большинство. – Да, я хочу создать свой собственный маленький мир. Я хочу жить с Настей в нормальной стране.

– Вот из-за таких, как ты, все наши беды, – сорвался Николай. – Государство для тебя враг, люди – толпа врагов. Вот только в Антарктиду к пингвинам ты почему-то ехать не хочешь, а хочешь туда, где лучше кормят и где климат потеплее. На всё готовенькое. Такие, как ты, хуже врагов. Сами ничего не делаете, только критикуете и заражаете своим неверием в нашей стране нормальных молодых ребят. Пользуетесь тем, что создаёт государство, которое вы ненавидите. Тем, что создали люди, которых вы презираете. Ненавидите, презираете, но не отказываетесь от того, что может дать вам этот мир, – Николай развернул коляску так, чтобы смотреть прямо на стоявшего перед ним Алексея. – Ничего... Придёт время, мы и с вами разберёмся. Было в России хорошее время, когда и с ворами разобрались, и с такими как ты. И поэтому тогда была великая страна.

– И где она сейчас? – усмехнулся Алексей, не отворачивая взгляда от чёрных горящих глаз Николая. – Оказалось, что людям мало одних трескучих лозунгов. Что нужна и хорошая еда, и красивая одежда. Всё это пустая демагогия. Да, я хочу свою жизнь прожить с Настей там, где тепло и сытно, а не там, где холодно и голодно. И главное – прожить без вранья. Я не хочу врать. Ни людям, ни самому себе. Что в

этом плохого?

– Собрать бы всех таких, как ты... Да выслать в специальные лагеря. Чтобы вы там хотя бы годик на страну поработали и подумали хорошенько. Глядишь, и сами людьми бы стали.

Алексей отчетливо понял, что они разные и этот спор абсолютно бесполезен. Он вспомнил про братьев.

– Я, собственно... К нам утром приехал один знакомый, у него несчастье. Брата убили. Он хотел... Они, как я понял, собрали много компромата на местную власть и хотели через Настю передать это тебе.

– Мне это не нужно, – не раздумывая, раздражённо ответил Николай. – Не хочу копаться в чужом грязном белье. Уезжал бы ты обратно в Германию. Мы здесь как-нибудь без тебя разберёмся. И Насте бы голову не морочил. Не поедет она с тобой...

В этот момент в кармане у Алексея зазвонил телефон. Он достал его и взглянул на экран.

– Настя, – шёпотом произнёс Лёша, будто боялся спугнуть. Осторожно нажал кнопку и поднёс телефон к уху.

*****

Утром, отъехав от деревни не больше километра, Настя остановила машину на обочине и задумалась. Ей захотелось вернуться.

«Куда я еду? Зачем?»

Она понимала, что ранний звонок Николая не имеет к работе никакого отношения. Настя уже хорошо изучила его характер. Знала про его постоянные сомнения. Понимала, какой помощи он от неё ждет. Ему нужен не просто помощник на выборах, а близкий человек. А ей это зачем? Он женат. Его жена – замечательная женщина. И это её обязанность – поддерживать мужа в такие минуты.

Настя знала, что они сейчас не живут вместе. Только это не её дело. Она не маленькая девочка и понимала, что ни в коем случае нельзя лезть во взаимоотношения супругов. Если только... Если только ты не хочешь их окончательно разрушить.

«А ты же не хочешь их разрушить?» – вдруг спросила себя Настя и неожиданно не смогла ответить на этот простой, казалось бы, вопрос.

Она вспомнила давний разговор с Алексеем ещё там, в Германии, когда он уговаривал её остаться. Тогда она тоже задала вопрос самой себе: «Что я могу достигнуть здесь, в Европе, и что меня ждёт дома?»

Лёша говорил, что можно выучить язык и тогда работу будет найти легко. «Какую работу? – подумала тогда Настя. – Продавца в магазине? Помогать немецким бабкам выбирать удобные туфли? Можно ещё устроиться официанткой в паб. Носить литровые пивные кружки, свиные рульки и традиционные солёные крендели. Улыбаться, откликаясь на сальные шутки подвыпивших бургеров, надеясь на хорошие чаевые.

Всё слишком скучно и предсказуемо на годы вперёд». Разве об этом она мечтала?

А что ждёт в России? А вот дома, как ей казалось, открыты все пути. Если не сидеть в ожидании чуда, то можно изловчиться и поймать за хвост Жар-птицу.

Лёша тогда ей сказал, что подобные поиски непонятно чего обычно кончаются одиночеством и разбитым корытом. Это в лучшем случае. И сравнил её с чеховской попрыгуньей. Она обиделась и ответила, что для неё лучше журавль в небе, чем синица в руках.

Алексей терпеливо убеждал, что счастье возможно, только если уверен, что завтра будет не хуже, чем сегодня. Только на этом фундаменте можно обустраивать свой собственный мир. А возводить замки на песке – занятие бессмысленное.

«В России непредсказуемое не только будущее, но и прошлое, и настоящее, – твердил он. – Как можно планировать свою жизнь, если не знаешь, что будет завтра утром? Миллионы людей, которые жили в СССР, готовились к одному жизненному пути. Но в 1991 году им сказали, что они шли совсем не в ту сторону и надо всё начинать сначала. Сколько жизней тогда было разрушено. Прошло несколько лет и им намекают, что перестройка была не просто ошибкой, но и преступлением, и надо всё вернуть. И во всём виноваты Горбачёв и Ельцин. А нынешние власти – буквально ангелы. А что будет со страной завтра?»

Настя понимала, что Алексей прав. Но ещё она надеялась,

что именно изменения правил игры даёт шанс вырваться с отведённого тебе места. Возможность для инициативных. Для тех, кто не хочет жить, зная, что его ожидает через пять лет, через десять, через двадцать лет.

Как сложится их жизнь с Алексеем, она могла предсказать заранее. Он и раньше был правильный и даже немного нудный, а сейчас стал вообще почти немцем. И поэтому час за часом, день за днём с ним она будет жить по выверенному распорядку.

А Николай другой. Даже в инвалидной коляске он энергичен, деятелен и непредсказуем. С ним точно не соскучишься.

Поэтому, когда кто-то из знакомых предложил ей поработать в его избирательном штабе, она согласилась без сомнений. Конечно, она надеялась, что если Коля победит на выборах, то у неё появятся новые, почти неограниченные перспективы. Эти приятные мечты кружили ей голову, и она не хотела от них отказываться.

«Поэтому надо ехать. А не стоять на обочине и глотать пыль», – решила она и завела автомобиль.

В этот момент подъехала полицейская машина и остановилась рядом, перегородив дорогу. Толстый гаишник с трудом выбрался с пассажирского кресла и, тяжело передвигаясь, зашагал к Насте.

– Документики предъявите, пожалуйста, – попросил он. – Что-то давненько здесь стоите. Со здоровьем всё нормально? Не потребляли вчера?

Девушка молча достала из сумки права и протянула в открытое окно. Сотрудник взял их в руки, явно не испытывая большого интереса к документам, и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Что-то не внушаете вы мне доверия. Пройдемте в наш автомобиль, дунете в приборчик на всякий случай, – потребовал он и, сжимая пухлыми пальцами документы Насти, направился в свою машину.

Девушке ничего не оставалось, как послушно пойти за толстяком. Полицейский сел на заднее сиденье, а её пригласил сесть рядом с водителем, который уже достал алкотестер и что-то менял у него внутри.

– Присаживайтесь, Анастасия Александровна, – сказал он хриплым голосом и откашлялся.

У Насти тут же промелькнула мысль: откуда он знает её имя, если документы у другого сотрудника. Не успела она опомниться, как на её голове оказался тряпичный мешок, который быстро накинул как раз тот, кто сидел сзади. И он же ударил её чем-то тяжёлым по затылку, и девушка потеряла сознание.

Глава 7

Мадлен фон Грей и Алик Пашаев договорились о встрече недалеко от торгового представительства финансово-холдинговой компании «London-Paris». Под вывеской этой международной конторы уже много десятилетий осуществ-

лялся контроль за политической деятельностью различных сил на территории Российской Федерации. Конечно, это ни для кого не было секретом. Знали об этом и российские власти, но воспрепятствовать её работе не могли.

Алик был младшим ребёнком в большой семье. В шестнадцать лет он на самостоятельно заработанные деньги смог купить спортивный костюм. Это была первая одежда, которая досталась ему новой. До этого он донашивал вещи семи своих старших братьев.

Они жили в красивом доме, который их прадед – Давид Георгиевич – построил более века назад на высоком берегу. Из окон было видно, как стремительная горная река Большая Лиахви впадает в величественную Куру. Но не этим был известен их город, а тем, что здесь в семье прачки и сапожника родился Иосиф Джугашвили, которого весь мир знал как Сталина.

Мать Алика работала в музее вождя. В этом же музее работал садовником его отец. Культ Сталина в их семье был однозначным и неоспоримым. Алик не собирался низвергать авторитет Иосифа Виссарионовича, но повзрослев, стал смотреть на величие отца народов совсем не так, как это было принято в их семье.

Его не интересовали достижения Сталина в деле строительства коммунизма. Он равнодушно относился к грандиозным победам Советского Союза под его руководством. Алику не давала покоя мысль о том, что его земляк, родив-

шийся в обычной бедной семье, смог стать одним из самых влиятельных людей мира. Со временем идея повторить путь этого человека стала для него целью жизни. Ради неё он готов был пойти на всё.

Почти каждый вечер он сидел на каменистом берегу Куры и думал с чего начать. За вершинами родных гор, на которых почти круглый год лежали снежные шапки, начиналась Россия – огромная страна с неограниченными возможностями. И Алик решил, что дорога к его цели ведёт в Москву. Только там у него появится шанс.

То, что он делал следующие двадцать лет своей жизни, Алик не смог бы рассказать даже самому близкому человеку. Но это было в прошлом. Сейчас, ожидая в своей машине Мадлен фон Грей, он верил, что прошёл уже большую часть своего пути, и теперь его фантастическая цель обретает вполне реальные очертания.

И всё потому, что без него, Алика Пашаева, эта высокомерная женщина ничего сделать не сможет. Время, когда в России можно было назначать чиновников, не выезжая из Вашингтона, прошло.

Ничего зазорного в сотрудничестве с Мадлен Алик не видел. Он знал, что и его кумир – великий вождь товарищ Сталин – тоже пришёл к власти с помощью тех же сил, которые сейчас представляет эта пожилая дама. Ничто не ново под луною. Поэтому изобретать ничего не надо. Тем более, что на этом этапе ему тоже без неё не обойтись. Без её влияния,

без её связей и денег, без международной поддержки ничего не получится. Но через пару лет можно будет пересмотреть все договора.

«Как только власть окажется в моих руках, я обойдусь без советчиков со стороны. Ресурсы есть, послушное стадо есть. А как им управлять, я буду решать сам. Сейчас важно то, что она обещала отдать мне Россию под полный контроль. А имея под собой такую страну, я ещё посмотрю, кто из нас будет отдавать приказы, а кто послушно выполнять. Когда вы продвигали на вершину российской власти Иосифа Виссарионовича, то тоже не догадывались, чем для вас это кончится».

Мадлен вышла из хорошо охраняемого здания компании и направилась к машине, в которой её ждал Алик. Как бы тщательно ни проверялся персонал, как бы ни обследовалось помещение на предмет прослушивания, она знала, что утечки информации бывают всегда, и поэтому считала, что лишняя осторожность не помешает.

– У меня очень мало времени, поэтому я постараюсь коротко, – сказала Мадлен вышедшему из машины навстречу ей Алику. Она взяла его под руку, показав тем самым, что хочет немного пройти. Она не любила, когда их видели вместе, но сегодня приходилось рисковать. – Через три дня выборы, – напомнила она. – Без особой необходимости мы больше встречаться не будем. Я очень надеюсь на тебя, Алик, – Мадлен знала, как сильно он любит лезть. Даже самую про-

стую, примитивную. Поэтому, решив на этом сыграть, добавила: – С этим делом можешь справиться только ты. Если не получится у тебя, значит не получится ни у кого другого. Я полностью тебе доверяю.

– Что нужно сделать, я всё сделаю! – воодушевленно воскликнул Алик.

– Я знаю, мой друг. Знаю. Но всё равно волнуюсь. Ты даже не представляешь, какое значение для всего мира имеют эти выборы. Если всё получится, как мы хотим, то человечество вступит в новую эру. Если проиграем – всех нас ждут годы напряженной борьбы за существование. Понимаешь, как много сейчас зависит от тебя?

– Я жизни своей не пожалею ради этого дела! – напыщенно воскликнул собеседник.

– Я верю, – кивнула головой Мадлен и погладила Алика по плечу, с печалью посмотрев на свои опухшие от артрита суставы на пальцах. – Начинаем сразу после того, как станут известны первые итоги голосования. Неважно, кого назовут победителем. Нам не нужен ни тот, ни другой. При любом варианте наша задача заявить, что результаты выборов подделаны, и поэтому они недействительны. Действующий губернатор наверняка выведет на площадь бюджетников. Надо сделать так, чтобы среди них оказались люди с ультранационалистическими лозунгами: «Россия для русских» и «Хватит кормить Кавказ». И тогда у твоих людей, которые тоже в это время должны быть на площади, будет возможность об-

винить власти в национализме и организовать столкновения. Потом нужно будет быстро разбить на площади палаточный городок и устроить что-нибудь шумное и зрелищное. И главное, вы должны быть похожими на обычных граждан. Всё это мы не раз обсуждали. И даже проводили пробные мероприятия.

Мадлен посмотрела на Алика и подумала, что надо было выбрать на его место кого-нибудь другого. Этот нравился ей как мужчина, но он слишком горяч – может проявить ненужную инициативу, а это очень плохо. Она уже не раз организовывала беспорядки, приводящие к смене власти, и прекрасно знала, что всё получится там, где люди чётко следуют её инструкциям и утверждённому плану. Но сейчас что-то менять было поздно.

– На моего помощника вышли какие-то два парня, – вспомнила Мадлен. – Кажется, они братья-близнецы. Предлагали купить у них фильм с компроматом на всю местную власть. Прислали фрагмент их фильма. Очень интересно. Вот их адрес, – достав бумажку из своего «офис-кабинета», она передала ее Алику и продолжила инструктаж: – Неплохо бы в ночь накануне выборов запустить в интернет всё то, что они там сделали. Деньги для них возьми из фонда. Не скупись. Это очень важно. Хорошо было бы, чтобы кроме вас и бюджетников на площадь вышли обычные граждане. Те, которым не всё равно. А дальше... Дальше организуем провокацию со стрельбой и жертвами... Всё по плану.

– Мы можем организовать это во многих городах. А так же захватить основные развязки дорог и парализовать движение по всей стране, – живо предложил Алик.

– Нет, Алик, – остановила его пыл Мадлен. – По крайней мере, сейчас такие серьёзные меры преждевременны. Пока. Но через неделю всё может измениться. И этот план вполне может стать основным. Так что будь готов.

После встречи она вернулась на территорию компании. За высоким чугунным забором и под охраной хорошо подготовленных сотрудников можно было вздохнуть с облегчением.

«Стара я уже для такой работы, – подумала Мадлен и присела на скамейку в сквере перед двухэтажным зданием. – Более тридцати лет я над этим работаю. И всё время, когда кажется, что цель уже как никогда близка, она всегда ускользает как мираж. СССР был Верхней Вольтой с баллистическими ракетами. Тот колосс на глиняных ногах казался безобидным пугалом. Как все радовались и смеялись, когда он развалился. Победа! Но потом всё стало напоминать фильм ужасов. Когда с огородного пугала содрали старое рваное пальто и шляпу, то под ним на шесте оказался очень реальный и невероятно злобный монстр. И он не захотел, чтобы его опять обрядили в старое тряпье. Россия стала как никогда опасной. Если её сейчас срочно не наказать, это будет плохим примером для всего мира. Поэтому Карфаген должен быть разрушен!»

Мадлен устало откинулась на спинку скамейки и посмотрела на небо. Под лампочкой фонаря, кружась, летали насекомые. Ночью, как всегда в этих местах, было прохладно, но идти спать ей не хотелось. Если всё получится, то значит, она не зря прожила свою жизнь.

«Пряников в мире ограниченное количество. И новых уже не будет. Поэтому на всех не хватит. И никто свои пряники просто так не отдаст. Кто был ничем, тот таким останется навсегда. Деньги рождают деньги, нищета порождает нищету. Это правило распространяется как на людей, так и на страны. Дикари всегда считают, что они сами могут чем-то управлять. Этот Алик вот тоже в тайне надеется, что я его здесь главным сделаю. Чтобы он через несколько лет начал мне же условия ставить? Не выйдет. Проходили уже. Все их иллюзии пройдут, когда мы сделаем то, ради чего всё это начали. Введём всемирные цифровые деньги. И запретим все наличные. Кто контролирует деньги – тот контролирует мир. Всем миром легко будет управлять со смартфона, попивая сок где-нибудь на острове в Карибском море. Можно будет отменять, вычёркивать из списков живущих любых людей, любые страны, просто блокируя им доступ к финансам. Местные царьки со своими оловянными солдатиками станут абсолютно бесполезными. Всех их заменят несколько бухгалтеров и аудиторов. А если кто-то решит выпустить свои деньги-фантики, то отправится рассказывать о своих успехах к Каддафи и Хусейну».

Мадлен от приятных мыслей улыбалась сама себе и потирала сухие ладошки.

«Сейчас русский народ думает, что плохо живёт. С завистью смотрит на европейцев и американцев. Скоро русские будут завидовать неграм в Кении или Руанде. Россия станет такой же нищей и дикой, как какая-нибудь Эфиопия с Сомали... только с морозами и снегами. Простой поход за хлебом в магазин для них станет опасной операцией. А хорошие земли на юге страны мы найдём кем заселить... Непрерывные гражданские войны, бестолковая финансовая и экономическая политика, коррупция и ленивые чиновники делают жизнь на этой территории невыносимой. А главное, мы не оставим людям надежды на её улучшение. Толковые и инициативные уедут. Алкоголизм и паршивое образование делают из оставшихся безропотное стадо, которое мы загоним на север. На их любимый Русский Север!»

Мадлен громко и радостно рассмеялась.

«Будут как индейцы в резервациях: бегать с песнями вокруг костра, пить огненную воду и почитать древних идолов. А чтобы они не сдохли с голоду, мы разрешим им открывать казино. А для несогласных мы опять организуем Гулаг. Пусть сюда, как в зоопарк, приезжают китайцы и индусы. Те, кто тоже надеется избавиться от нашей опеки. Пусть любуются, что их ждёт в случае непослушания. Вот тогда этот Алик и пригодится. Как главный по русским резервациям: он же мечтает стать Сталиным. Вот только Великой Импе-

рии здесь больше не будет никогда... Люди, которые живут от зарплаты до зарплаты, люди, которые завязли в ипотеках и кредитах, в мечтах о ненужных вещах, люди, которые не знают, как спланировать свою жизнь на полгода вперёд, не смогут даже понять, что произошло с их страной. Мы делали это в 1917 и в 1991 – сделаем ещё раз. Всего за десять лет исчезнет даже память о России. Отменим её историю, её культуру, её науку. Если кто и вспомнит о ней, то только как об ужасном кошмарном государстве и ленивом жадном глупом народе. И тогда мои предки будут отомщены...»

*****

В это же время, когда Мадлен мечтала об уничтожении России, произошла ещё одна встреча. Саша Бланк заехал в гости к Мухтару Казбековичу Гаджиеву – местному начальнику полиции.

Он любил бывать у него дома. Такого вкусного седла барашка, запечённого с овощами в специально сделанной для этого печи, он не пробовал больше нигде.

– Надеюсь, вы помните, кто помог вам занять это место? – напомнил Саша, когда великолепный ужин подошёл к концу.

Александр Аркадьевич действительно лично ходил в Министерство внутренних дел, согласовывая кандидатуру Гаджиева. Но тогда это нужно было ему самому. Саша хотел, чтобы губернатор всегда чувствовал, что за каждым его шагом внимательно наблюдают. И ещё он должен был контро-

лирование руководство диаспор, влияние которых увеличивалось с каждым днём. Но Сашин план не сработал. Губернатор, даже зная о постоянном контроле, воровал, будто собрался жить ещё триста лет. И тот, кто должен был за ним смотреть, тоже не стеснялся.

Не только сам Мухтар Казбекович, но и несколько его родственников, которых он пристроил на хлебные места, стали долларовыми миллионерами. И разбогатели они именно на связях с диаспорами, помогая в выделении выгодных заказов из бюджета и собирая дань с каждого прибывшего гастарбайтера.

Но сейчас это было уже неважно. Теперь начальник полиции и Александр в одной связке. Оба понимали, что нужны друг другу. Их объединил общий враг – новый кандидат в губернаторы.

– Я хорошо помню, Александр Аркадьевич, что вы для меня сделали. Но если власть поменяется, мне не удержаться. И думаю, что и вам с новым губернатором сойтись не получится.

– Не буду спорить – вы правы. Ни вам, ни мне не нужен этот выскочка. Его надо убрать. Не напрямую, конечно. Нужно что-то придумать, чтобы он сам снялся.

– Есть у меня кое-какие мысли. Давно за ним присматриваю. И нашёл слабые места.

– Вы мне не рассказывайте. Мне об этом знать не нужно. Мне нужен результат.

«Не хочет на себя ничего вешать, – подумал Мухтар Казбекович. – Мало ли что, а он чистенький. Мол, глупый Мухтар сам всё придумал. Но мы не в обиде. Знаем, с кем дело имеем. К тому же у нас и свои планы имеются».

– А насчет этой злобной старушки – Мадлен фон Грей, – которая везде свой нос сует, у вас никаких мыслей нет? – спросил Саша. – Она, кажется, вообще не хочет, чтобы выборы состоялись. У неё какая-то своя игра.

– Нет, Александр Аркадьевич. О таких людях нам думать не по чину. Каждый сверчок, знай свой шесток.

Саша понял, что зря спросил. И разозлился сам на себя: «Расслабился. А начальник полиции не дурак. Он же тебя этой ведьме первый и сдаст. Счетов в западных банках и другого имущества у Мухтара полно. Не будет он этим рисковать. Одно дело – прижать какого-то местного никому не известного кандидата-голодранца, а совсем другое – задеть того, кто может за пару секунд сделать тебя самого нищим и невыездным».

Александр взболтнул лишнего потому, что мысли о Мадлен не выходили у него из головы. Кроме личного карьерного интереса в этом деле, у Саши появились новые и необычные для него причины разрушить её планы.

Три месяца назад он оказался в местном монастыре. В период богоборчества его не смогли закрыть даже большевики, и поэтому уже несколько веков он действовал без перерыва, став одним из центров православия всей страны.

Настоятелем монастыря был могучий старик почти двухметрового роста. Когда-то он работал хирургом в ЦКБ. В Москве о нём ходили легенды. Попасть к нему на лечение мечтала вся элита. Но двадцать лет назад он неожиданно уволился и уехал из столицы. Свою работу он не бросил и иногда проводил операции в местной городской больнице. Александр и приехал в монастырь, рассчитывая на его профессиональную медицинскую консультацию по одному деликатному вопросу.

При встрече Саша не удержался и любопытствовал, что же послужило причиной разрыва профессора с мирской жизнью. Почему образованный интеллигентный человек так резко изменил свою жизнь.

Настоятель внимательно посмотрел на Александра, и на удивление очень просто и доходчиво объяснил, как видит устройство современного мира и почему не хочет жить по его правилам. Профессор вполне серьёзно говорил о дьяволе и его главном оружии – искушении лёгкой жизнью. О том, что не важно, где проходят границы стран, а важно то, в кого верят и кому служат люди в этих странах.

Они поговорили не больше часа, но после этого Саша на многое стал смотреть по-новому. Некоторые цели, которые раньше казались ему очень важными, вдруг стали пустыми и глупыми. Тогда у него первый раз и появились сомнения в правильности своего пути.

Вернувшись в Москву, он поделился этими мыслями со

старым евреем, который всю жизнь проработал в архиве на Старой площади.

– Не слушай ты этих попов, – замахал на него руками Яков Моисеевич. – До добра это не доведет. Религии придуманы, чтобы человек возгордиться не смог. Чтобы грешником себя чувствовал. Чтобы лишнего не думал. И рабом оставался.

– А кому это нужно? Мировому правительству? – с усмешкой спросил Саша.

Старичок грустно посмотрел на молодого чиновника, прекрасно понимая, что ничего объяснить ему не сможет.

– Зря вы, Александр Аркадьевич, иронизируете, – Яков Моисеевич картавил и шепелявил одновременно. – Вы бы Библию хотя бы почитали. Там всё есть. Я понимаю, что работая здесь, в администрации на Старой площади, трудно представить, но поверьте мне на слово: есть люди, которые живут не только одним днём. Люди, которые могут спланировать кое-что на много лет вперёд. На столетия вперёд. И им не безразлично, как будет выглядеть этот мир лет через триста или пятьсот. Потому что у них тоже есть дети и внуки, и им хочется сохранить эту планету пригодной для жизни.

– Наверняка это такие же, как вы, мудрые евреи.

– Бросьте вы эти глупости. Нас, евреев, развели, как глупых детей, ещё три тысячи лет назад. И теперь за свою гордыню и за свою жадность мы и расплачиваемся.

– Это как?

– Повторяю, Александр Аркадьевич, читайте Библию, –

проворчал старик.

– А вы бы не могли мне в сжатом виде?

– Не думаю, что вы... – Яков Моисеевич вздохнул, ругая себя за старческую болтливость. – Всех деталей я, конечно, не могу знать, но в общих чертах дело было так... Египетские жрецы, умыкнув золото фараонов, рванули в бега. Деньги большие – преследователей много. Поэтому смешались они с бедными скотоводами, живущими на бесплодных землях за Красным морем. Придумали им религию и, польстив, назвали богоизбранным народом. Да-да, мой друг. Так появились мы, евреи. Те жрецы побежали дальше. В Рим. Там тогда вся сила была. А с золотом им все пути открыты. Потом Венеция, Мадрид, Лондон, Вашингтон... А мы, как были для них прикрытием, так и остались. Им деньги и власть, а нам все шишки и всеобщая ненависть. А всё потому, что гонора много. Мы же избранные. Эх, не то мы себе обрезаем. Не то...

Яков Моисеевич достал из ящика затёртого конторского стола пачку сигарет и с огромным удовольствием затянулся, проигнорировав строгие запреты на курение в архиве. Он, выпуская тонкую струйку дыма, мечтательно посмотрел на потолок и добавил:

– Многие хотят попасть в тот круг, но... Там все как одна семья, и попасть туда кому-то со стороны невозможно. Только если прислугой на кухне...

После этих двух разговоров Саша изменился. У него не

было хорошего образования. Поэтому он сделал те выводы, на которые был способен: миром правит шайка воров, которая, чтобы удержать свою власть, не гнушается никакими методами. Именно тогда он решил, что нет смысла стараться занять место Мадлен. Не для того он прошёл такой путь, чтобы стать марионеткой в руках невидимых кукловодов.

«Мы и сами с усами, – решил тогда Саша. – Лучше быть первым человеком в своей деревне, чем прислугой в большом городе... Неплохо бы найти союзников. В таком деле они необходимы. Но где их взять?..»

Глава 8

Алексей медленно поднес телефон к уху.

– Ну что, любимую потерял? – прохрипел в трубке неприятный мужской голос.

В эту секунду Лёше показалось, что пол под ногами исчез и он полетел вниз в какую-то бездонную тёмную пропасть.

– Да ты не волнуйся: с ней все нормально, – будто почувствовав его состояние, усмехнувшись, успокоил его собеседник. – Пока нормально. Ну, ты понимаешь, всегда есть одно условие...

– Какое? – машинально спросил Лёша и обессиленно прислонился спиной к стене.

– Корчагин сейчас рядом с тобой?

Алексей посмотрел на Николая, который сжимал пальцами резиновые покрышки на колесах своего кресла и не сво-

дил с него глаз.

– Да. Рядом. Хотите ему что-то сказать?

– Сам передай, – лениво процедил незнакомец. – Если он хочет, чтобы ваша Настя осталась живой и здоровой, пусть сегодня же снимается с выборов.

Алексей услышал в трубке короткие гудки и тяжело опустил руку.

– Я всё слышал, – тихо произнёс Николай.

– Как ты думаешь, они не обманут? – растерянно спросил Лёша.

– В каком смысле? Ты что, считаешь, что мне, и правда, надо сняться с выборов?

– Ну он же сказал...

– Кто он? – раздражённо перебил его Коля. – Кто это вообще? И с чего ты взял, что Настя у них? Почему они ставят условия мне?

– Он же звонил с её телефона... – недоумевая, ответил Алексей. – Я не знаю. Но какое это имеет значение? Настю надо спасти любым способом.

– А как же я?

Николай, наверное, первый раз в жизни по-настоящему испугался. Он привык побеждать. И в последние дни почти не сомневался в том, что избиратели проголосуют за него: слишком надоела людям действующая власть. Бесконечный обман и невыполненные обещания, чудовищная коррупция и явное воровство почти не оставляли шансов старому гу-

бернатору.

Коля уже строил грандиозные планы. Обсуждал программу реформ со своим штабом. Он был деятелен и счастлив, потому что понимал, что всё это позволит ему вернуться в полноценную жизнь. И не просто вернуться, а вернуться лидером, победителем. Он убедил себя, что это единственный шанс найти новый смысл в жизни. А сейчас всё рушилось. Мысль о том, что ему придётся остаться до конца дней беспомощным, потерявшим веру в себя инвалидом, была невыносимой.

– Если я сейчас снимусь, то уже никогда не смогу попробовать ещё раз. Те, кто в меня поверил, отвернутся навсегда. Да и сам я не смогу. Такой шанс бывает только раз.

– Ну и что? – разозлился Алексей, наконец сообразив, о чём говорит Николай. – Что значат эти выборы по сравнению с жизнью Насти? Ты вообще понимаешь, что говоришь? – выкрикнул он.

В этот момент Коля сорвался.

– Ты не смог устроиться в Европе. Приехал к нам за хорошей бабой. Там же тебе никто не дает. Для них ты нищий эмигрант. И тут тоже облом. Вот ты и бесишься. А у нас своя жизнь.

– То есть сниматься с выборов ты не собираешься, – сухо констатировал Алексей.

– Я не меньше тебя хочу спасти Настю, но мы же ничего не знаем. Где она. Кто это звонил... Не надо пороть горячку.

Дай мне полдня.

Коля успокаивал сам себя и свою собственную совесть.

– У меня перед домом машина стоит – черный пикап, – он засуетился. – Я, сам понимаешь, не ездук... Раньше ещё жена ездила... Короче, вот ключи висят. Бери... Съезди домой. Проветрись. К обеду возвращайся – решим. Ничего за это время с Настей не случится. Он же сказал: до конца дня.

Лёша сник. Ничего толкового ему в голову не приходило. Если даже этот парень, которому Настя верила, не хочет ей помочь. У двери он повернулся к Николаю и, глядя на свои заношенные кроссовки, тихо произнес:

– А стоит ли тебе участвовать в этих выборах? Если ты можешь предать одного человека, значит можешь предать всех.

Огромный «Форд» стоял в углу стоянки напротив подъезда. Рядом с ним рабочие в оранжевых спецовках пытались спилить старый тополь. Несколько толстых веток уже лежали на земле. Но трогать ствол они боялись. Дерево могло упасть на машины.

Алексей вспомнил про Гришу. «Скорее всего, смерть его брата и пропажа Насти как-то связаны между собой», – рассудил он, направляясь к машине и обходя лежащие на асфальте ветки.

Лёша забрался в автомобиль, нашёл под рулем замок зажигания и вставил в него ключ. Висевшая в салоне на зеркале заднего вида смешная плюшевая обезьянка смотрела на

него с застывшей, оскалившейся гримасой. Он закрыл глаза, сильно сжал веки и вообразил, что всё это кошмарный сон и надо просто проснуться. Но проснуться не получилось: один из рабочих постучал по капоту и показал рукой, что лучше отъехать. Лёша завёл автомобиль и медленно выехал со стоянки.

В деревне было тихо и безмятежно, будто это другой мир и другая реальность. У церкви местный настоятель – совсем молодой парень – сажал цветы на клумбе рядом с высоким крыльцом.

Гриша с Юрием Алексеевичем сидели в доме на кухне и пили водку.

– Настя у каких-то бандитов, – взволнованно произнёс Алексей и опустился на табуретку. – Говорят, освободят её, если Корчагин снимется с выборов.

– А он что? – Гриша поставил обратно на стол бутылку, из которой хотел налить Алексею.

Лёша молча отрицательно покачал головой.

– А если в полицию заявить? – предложил старик.

– Какая полиция? – Григорий поморщился. – Если они требуют, чтобы Николай с выборов снялся, то значит те, кто её захватил, и есть власть. Кому, как не действующему губернатору, это ещё могло понадобиться?

– Как же так, – после короткого раздумья, произнес Юрий Алексеевич. – С детства тебя учат Родину любить. Пушкин,

Суворов, Ломоносов, Снегурочка, Берендей, река и лес с соловьями за деревней. А потом добавляют: Родина – это ещё и власть, которая тебя любит, и днём и ночью о тебе заботится. И поэтому власть эту ты должен защищать, не жалея живота своего, от всяких врагов: внутренних и внешних, – он говорил и от сильного волнения переставлял с места на место тарелки на столе. – Но если вдруг тебе от этой власти что-то понадобилось, то сразу облом – «денег нет, войдите в наше положение». А сами на лыжи и в Лондон к украденному золотишку, – старик с грохотом опустил на стол тарелку с нарезанным хлебом. – А если завтра война? Они же нас за копейку продадут.

– Некоторые женщины считают, что сказки про любовь придумали те мужики, которые денег за секс платить не хотят, – горько усмехнулся Гриша. – Так и с властью. Если тебе начинают ссать в уши про любовь и патриотизм, значит, тебя хотят бесплатно поиметь. А если ты сопротивляешься, значит, враг народа и твоё место за колючей проволокой.

– Что делать будем? – прервал их рассуждения Алексей.

– С волками жить – по-волчьи выть, – поразмыслив, ответил Гриша и достал из кармана телефон. – У каждого паука в этой ржавой банке из-под окурков есть свои интересы. Поэтому каждый мечтает сожрать другого, – пояснил он и провёл несколько раз пальцем по экрану. – Вот телефон заместителя начальника полиции. Думаю, он должен знать.

– Знать-то он может и знает. Но зачем ему с тобой делить-

ся этим знанием? – спросил Лёша, пожав плечами.

– Потому что у меня тоже есть кое-что такое, чем я могу поделиться. И не только с ним, но и с другими пауками из этой банки. И тогда ему конец.

Гриша неуклюже встал из-за стола, чуть не опрокинув рюмки и тарелки. Потолок, покрашенный голубой краской, был такой низкий, что молодой человек казался великаном. Григорий набрал номер и включил громкую связь.

– Слушаю, – булькнул в трубке мужской голос.

– Балагуров?

– Кто говорит? Что надо?

– В общем так, Балагуров. Помнишь мероприятие, в котором ты участвовал перед Новым годом? У меня полное видео этого вечера со всеми деликатными подробностями. Понимаешь?

– О чём вы говорите? Кто вы? Что вы хотите? – встревожился мужской голос на том конце.

– Вот-вот. Что я хочу? Я хочу, Балагуров, чтобы ты быстро разузнал, где сейчас находится Настя Гончарова? Времени тебе на это десять минут. Всё ясно?

– Ты понимаешь, гад, с кем связался? – взвизгнул невидимый собеседник.

– Это ты пойми, Балагуров, что через десять минут ты станешь звездой ютуба. И после этого, даже если ты повешишься на гнилой осине, ни себе, ни своей семье ты уже не поможешь.

– Какие гарантии?

– Ты идиот? Время пошло!..

– Стойте, стойте!.. Я знаю, где она.

– Говори.

– Ну вы же меня не обманете?

– Если ты привезёшь её в центр города живой и невредимой, то я удалю тебя из этого фильма.

– Я не могу. Честно. Я знаю, где она, но не могу её освободить.

– Тогда говори где.

– На бывшей базе «Трудовые резервы». Знаешь, где это? Там на пристани теплоход. Она на нём. Её туда привезли по приказу начальника полиции. Я ни при чём... Я только выполняю приказы.

– Будь на связи. Не пропадай. Я позвоню.

Заместитель начальника полиции Владлен Иванович Багауров был мужчиной нетрадиционной ориентации. Об этом знали все: его жена, коллеги и знакомые. Но все делали вид, что им ничего не известно. И всё так бы и продолжалось без всяких изменений, если бы Владлену как-то вечером, после просмотра с супругой одного из фильмов Стенли Кубрика, не пришла в голову идея использовать свои сексуальные особенности для карьерного роста.

Дело было для него новое, и он не знал, как к нему подступиться. Как раз в это время на большом совещании в

Москве он услышал о закрытом клубе «для своих», в который могли попасть только сливки российской элиты – актёры и режиссёры, депутаты и министры. Попасть в него даже с рекомендациями было непросто, и поэтому Владлен подумал, что надо придумать что-то особенное и стать для этих людей полезным. Тогда могут и принять.

Год назад он очень удачно выкупил профсоюзный санаторий «Трудовые резервы». Корпуса требовали ремонта и выглядели непрезентабельно. Но ценность санатория была в другом. Река в этом месте изгибалась петлёй, окружая с трёх сторон песчаными берегами территорию, заросшую великолепным сосновым лесом.

Наведение порядка Владлен Иванович отложил до лучших времён, а пока, чтобы было, где расслабиться и отдохнуть, он пригнал к пристани санатория трёхпалубный туристический теплоход. Его он тоже купил за смешные деньги. При этом состояние теплохода было великолепным. Построенный в Германии ещё до войны, он сиял лакированными полами и начищенными медными деталями, словно был только что спущен на воду.

План Балагурова был прост. Он хотел предоставить руководителям этого клуба теплоход для проведения их очередного мероприятия. Так же он мог профинансировать сопутствующие развлечения: организовать хорошую кухню, пригласить звёзд шоу-бизнеса и моделей разных полов. И этим внести первый взнос. В обмен он хотел получить членский

билет клуба. Его предложение было принято.

Владлен денег не жалел. Он прекрасно знал, что на этом предновогоднем мероприятии будут люди из высших кругов, которые приедут к ним со всей страны. За два дня ему позвонил председатель этого клуба и сообщил, что несколько очень влиятельных иностранцев хотят поучаствовать в мероприятии. Они будут в масках и, естественно, об их присутствии никто знать не должен.

Балагуров уже представлял, сколько новых нужных знакомств он заведет, благодаря своей идее.

Может быть, всё так бы и произошло, если бы он не поручил подготовку своему помощнику. Тот решил немного сэкономить, чтобы заработать самому. При хорошем бюджете он не стал приглашать элитных эскортниц, а набрал местных проституток, чуть разбавив их найденными через модельное агентство ничего не подозревающими юношами и девушками.

То, что произошло на этом мероприятии, заместитель начальника полиции вспоминать не любил. Владлену ещё повезло, что скандал произошёл лишь в самом конце, когда большинство гостей были пьяными или обдолбанными наркотиками.

Вначале всё шло по плану. Вечеринка проходила в большом ресторане теплохода, расположенном на главной палубе. Действие, как и хотел Владлен, было действительно похоже на сцены из фильма «С широко закрытыми глазами». Бы-

ло много красных штор, которыми задрапировали большие корабельные окна. Мужчины в масках и черных смокингах, женщины в лёгком белье или полностью обнажённые сидели на мягких диванах вдоль стен и в глубоких креслах вокруг низких столов. Некоторые, кто парами, кто группами, уже уединялись в каютах. Даже в длинных, застеленных мягкими коврами коридорах теплохода и на крутых лестницах можно было встретить совокупляющихся людей.

Идиллию испортила девушка, которой не понравилось, что к ней стала приставать важная московская дама. Немолодая женщина после пластической операции была похожа на куклу из фильма ужаса. К тому же при ней был муж-подкаблучник: толстый хам с маленькими бесцветными глазками.

Супруги привыкли в жизни получать всё что хотели, и поэтому не были готовы к отказу. Сначала они решили, что это такая игра. Но когда до них дошло, что девушка не собирается им отдаваться, то решили взять её силой. В результате у мужчины оказалась сломана рука, а лицо чиновницы с одной стороны приобрело сине-лиловый оттенок.

Скрыть скандал не получилось, и все планы Балагурова по карьерному росту провалились. Вот теперь та вечеринка вновь напомнила о себе.

Владлен Иванович не соврал. Приказ захватить Настю для шантажа нежелательного кандидата в губернаторы он получил от своего начальника Мухтара Казбековича Гаджиева. И

всё, что он сделал – это выполнил всё точно и аккуратно.

Лёша сказал, что надо немедленно ехать на эту турбазу. Подвыпившего Юрия Алексеевича ребята брать не хотели. Но он со всей серьёзностью объявил, что у него есть ружьё, которое им может пригодиться. Не теряя времени, дед быстрым шагом направился домой. Вернувшись через несколько минут со старым дробовиком в руках, тут же забрался в машину и наотрез отказался выходить.

Только когда они уже отъехали от деревни, он признался, что патронов к ружью у него нет.

– Может, это и хорошо: греха на душу не возьмём, – добавил Юрий Алексеевич.

Никакого плана по освобождению Насти у них не было, и поэтому возвращаться они не стали. Дорога проходила вдоль берега. Много горожан выбрались за город и сейчас, на время забыв о всех проблемах, загорали, купались, жарили мясо, ловили рыбу, стараясь не упустить редкие солнечные дни короткого северного лета.

– Ты, наверное, думаешь, что мы из жадности хотели заработать на этих фильмах? – прервал тишину Григорий, сам пытаясь понять, почему всё это с ними случилось.

– Наверное, у вас были причины.

– Были! – воскликнул Григорий. – Хотели стать свободными. По-настоящему! Свободными внутри самих себя...

– А разве бывает какая-то другая свобода? – перебил его

Лёша. – Или ты про ту свободу, о которой твердят политики со всех трибун? Так они просто врут. Политиков нанимают, чтобы тебя из-под одного хозяина под другого подложить.

– Да это ясно... Миша говорил, что по-настоящему свободны только юродивые и блаженные.

– Так зачем тогда вы хотели эти фильмы продать?

– Одной свободой сыт не будешь. Мы же не гнались за ненужными вещами. Нам деньги были нужны только на путешествия. Хотели увидеть что-то новое. Пожить на берегу моря в тёплой стране, – Гриша горячился, словно сам себе искал оправдание. – А вкалывать каждый день за морковку на палке... Пусть система морковкой дурачков заманивает, – он помолчал и, сглотнув, добавил: – Проклятые деньги... Мишка говорил, что без новых открытий человеку жить незачем... Вот мы и хотели...

– Но ведь можно было придумать что-то другое, – вмешался в разговор Юрий Алексеевич, – не рисковать так...

– Наверное можно, – согласился Гриша.

– За этим поворотом санаторий, – напомнил Алексей и остановил автомобиль. – Я хорошо здесь всё знаю. В детстве часто с мамой сюда ездил. Давайте оставим машину и осмотримся. Вы оставайтесь в пикапе, а ружье отдайте мне, – сказал Лёша старику.

– А ты что, умеешь с ним обращаться? – спросил Гриша.

– Патронов же всё равно нет. Только если кого-нибудь прикладом стукнуть.

– Хорошо, ребята, мне действительно лучше вас здесь подождать. Не много от меня толку, – на удивление легко согласился Юрий Алексеевич. – Но ружье не дам. Не нужно оно вам.

Через лес по мягкой тропинке, усыпанной сосновыми иголками, они вышли к корпусам санатория.

– Здесь, наверное, везде камеры стоят. Давай лучше обойдем, – предложил Алексей. – Лучше небольшой крюк сделать.

Они свернули вправо, спустились к реке и вдоль берега дошли до серого бетонного забора с колючей проволокой наверху. Забор не заканчивался на суше, а уходил на несколько метров в воду.

– Я плавать не умею, – сообщил расстроено Алексей, понимая, что по-другому на территорию не пробраться.

– Река обмелела – по дну можно пройти, – успокоил его Гриша, оглядываясь по сторонам.

– Других вариантов нет, – согласился Алексей, снимая брюки.

Ребята залезли в воду и обошли забор. В самом глубоком месте было по горло. Но когда они оказались на стороне санатория, из-за деревьев вышли два человека. Один из них – молодой курносый парень – был в полицейской форме, другой – в элегантном костюме и при галстукке.

– Это Балагуров, – прошептал Гриша. – Ждал, видимо.

– Да-да, это я и есть, – громко рассмеялся хорошо одетый мужчина, видимо, услышав его слова. – Ты же, наверное, решил, что самый умный? А я вот хитрить не люблю. Нету человека – нету проблемы.

После этих слов мужчина достал из-под пиджака пистолет и, почти не целясь, выстрелил в Гришу, который стоял в воде рядом с Алексеем. Пуля попала ему в плечо и отбросила в воду. Балагуров хотел выстрелить ещё, но Гриша больше не всплывал.

– Куда он делся? – встревоженно выкрикнул Владлен Иванович. – Иди вылови, – тут же приказал он молодому полицейскому.

Тот послушно начал расстегивать форменную рубашку.

– Да ты что делаешь? – разозлился Балагуров. – Пока ты разденешься, его течением снесёт.

Полицейский неохотно вошёл в воду в одежде, но в это время в метрах двадцати от них вынырнул Григорий. Владлен выстрелил ещё раз, но не попал. Пуля отрикошетила от воды в двух метрах от пловца, а через мгновение он опять скрылся под водой.

– Похоже, этот гад ушёл, – расстроился Балагуров. – Вытаскивай другого на берег.

Алексей, держа в руках свою свёрнутую одежду и проводя взглядом поплывшие по реке Гришины джинсы и майку, понял, что ему не убежать, поэтому решил выйти из воды сам.

– Ты, я так понимаю, жених той бабы, которую вы спасать собрались? – с усмешкой поинтересовался Балагуров. – Не обессудь, но теперь тебе одному за всё и отвечать.

Потом он повернулся к молодому полицейскому и несколько раз выстрелил ему в грудь.

– Смотри, значит, что мы имеем, – невозмутимо продолжил заместитель начальника полиции, даже не сменив интонации после убийства человека. – Всех троих: того старика в машине, твоего приятеля-ихтиандра – уверен, что далеко ему не уплыть, – ну и полицейского, убили из одного оружия. Отпечатки пальцев там будут только одного человека. Догадываешься чьи? – сощутив глаза, ухмыльнулся Владлен Иванович и, обойдя Алексея, встал у него за спиной. – Да. Твои, – он утвердительно кивнул головой. – Но есть для тебя и хорошие новости. Перед тем, как отправиться в настоящую камеру, ты немного посидишь здесь, на теплоходе, со своей невестой. Может, шантажист этот все-таки выплывет и тогда ты мне понадобишься. Для торга.

Владлен Иванович Балагуров давно понимал, что в городе назревают большие перемены. И теперь у него было две задачи. Минимум – не слететь со своего места. И максимум – забраться вверх хотя бы на несколько ступенек. Больше власти – больше денег.

Глава 9

Настю привезли на теплоход и заперли в маленькой душ-

ной каюте. Страх у неё не было, потому что горькая обида заглушила все остальные чувства. Солёные слёзы текли по щекам, попадали в уголки губ, и она даже не пыталась их вытирать. Судьба будто смеялась над ней. Как бы хорошо Настя не планировала свою жизнь, чтобы не делала, в какой-то момент на её пути появлялась развилка с очень заманчивым ответвлением, уводящим от главной дороги. Может быть из-за усталости, может из-за неверия в собственные силы, но иногда, поддавшись искушению, она начинала делать глупости. И почему-то глупости, которые Настя совершала, приводили её сюда, на этот теплоход.

Два года назад, когда ей вдруг захотелось красивой и беззаботной жизни, именно на этом теплоходе во время ночной прогулки по реке Роман Ивановича Шмидт – директор завода – уговаривал Настю стать его любовницей.

Наверное, так совпало, но именно после этого произошли события, которые могли закончиться очень плохо для неё и Алексея.

В этом году перед новогодними праздниками на этот самый теплоход её направило модельное агентство, в котором она иногда подрабатывала, чтобы перехватить легких денег. Когда в тот вечер Настя сообразила, куда попала и поняла, что от неё хотят, сорвалась и устроила грандиозный скандал. Хорошо ещё пострадавшие от её активных действий не написали заявление в полицию. Но вместо денег Настя тогда получила кучу проблем.

И сейчас, уже в третий раз, она оказалась здесь из-за собственной глупости. Лёша приехал только вчера. Они не виделись целый год. А она, вместо того чтобы быть с ним рядом, помчалась с утра пораньше утешать Николая, разгонять его очередные сомнения.

Так что получается, что всё это она заслужила сама.

Настя внимательно осмотрела тесную каюту, которая была размером чуть больше обычного купе в спальном вагоне поезда. Два затертых тёмно-красных велюровых дивана вдоль стен, крохотный туалет у входной двери и круглый иллюминатор, в который стучалась волжская волна.

Настя смахнула слёзы и присела. Она догадывалась, что оказалась здесь из-за выборов, в которые влезла потому, что не знала, куда деть свою неуёмную энергию и нерастратченную веру в справедливость. Но зачем нужно было похищать именно её – обычного помощника кандидата, – ей было непонятно.

То, что творилось сейчас у неё в голове, напоминало кипящую, готовую расплескаться кастрюлю с борщом. Мысли почти не задерживались на чём-то конкретном, а перескакивали с одной темы на другую. Обидно ей было ещё и потому, что, считая себя неглупой девушкой, она раз за разом наступала на одни и те же грабли.

«Ведь могла уехать ещё два года назад вместе с Алексеем. Нарожать детей... Но тебе же там скучно!»

Разозлившись на самую себя, Настя хлопнула рукой по ко-

ленке, резко встала и сделала пару быстрых шагов к выходу. Дверь, конечно, была заперта. От злости хотелось кричать, стучать кулаками. Чтобы успокоиться, Настя несколько раз глубоко вздохнула и, понимая, что ни к чему хорошему этот шум не приведет, опять опустилась на диван.

«А если бы там, в Германии, у меня не сложилось с Алексеем, – подумала она, – что бы я тогда делала? Искала мужа среди немцев? Ну нет! Разные мы с ними книжки в детстве читали».

Она посмотрела в иллюминатор. По реке совсем рядом медленно и бесшумно проплывала длинная баржа, нагруженная арбузами.

«А может, ты сейчас врешь сама себе? И дело не в работе, а в том, что ты боишься, что с Лёшей будет всё не так, как ты мечтала в детстве? Может ты, как глупая Золушка, всё ещё ждёшь принца? Того самого, на белом коне, – она ходила по каюте от окна до двери, пытаюсь именно здесь разобраться в своих чувствах. – Что же тебе не хватает? Лёша – лучший парень, которого ты когда-либо видела. Терпеливый, интеллигентный, честный... Может быть, слишком открыт и слишком мягок, но зато добрый и весёлый... Всё это хорошо, но этого мало. Мало?.. Да ему только за терпение надо памятник при жизни ставить, а тебе пора разгонять тараканов в голове. Такого парня тебе больше никогда не найти».

Настя подумала, что много лет делала совсем не то, что должна была, и у неё опять потекли слёзы по щекам. «Мне

бы только вырваться. Я бы всё исправила», – утешала она себя.

В это время в коридоре поднялся шум. Через несколько секунд дверь распахнулась и в каюту втокнули Алексея.

– Вдвоем вам помирать будет гораздо веселее, – с кривой улыбкой произнес сопровождающий его парень в полицейской форме. – Считайте это выполнением последнего желания. Так что не теряйте время.

– Лёшенька, дорогой мой! – воскликнула Настя и бросилась на грудь любимому. – Как ты сюда попал?

– Поехал тебя спасать, – спокойно ответил Алексей и улыбнулся. Потом чуть отстранил девушку от себя, чтобы осмотреть. – Ты цела?

– Да что со мной будет... Но как ты узнал, что я здесь?

– Это всё Гриша... Ему какой-то полицейский начальник рассказал. Кажется, Балагуров его фамилия.

Настя знала Владлена Ивановича. После того случая на теплоходе он вызывал её к себе в кабинет и убеждал забыть всё, что там произошло. Настя понимала, что на самом деле он хотел узнать, видела она его там или нет. А она не только видела, но и знала о нем ещё много чего интересного.

– Он замешан? – спросила девушка и опять подумала про судьбу и совпадения.

– Да. Он стрелял в Гришу.

Алексей рассказывал ей это с такой счастливой улыбкой, будто речь шла не о близкой смерти, а о том, как будет

проходить их свадебное путешествие. Он не видел её всего несколько часов. Сейчас она была совсем не такая, как утром, не такая, как всегда. Настя выглядела растерянной и поникшей. Это было так необычно, что у Алексея защемило в груди.

Он понял, что если её не будет рядом, то вся его жизнь не имеет смысла. Ему захотелось обнять её, закрыть, защитить, спрятать, и одновременно он был готов уничтожить всех тех, кто ей угрожает.

– Я много думала, пока была здесь, – тихо произнесла Настя, положив голову ему на грудь. – Я, наверное, круглая дура. В этой суете, которую я приняла за настоящую жизнь, я чуть не потеряла самое дорогое. Тебя... Где-то свернула не туда... Так хочется всё исправить.

– Мы выберемся. Мы обязательно выберемся...

– Может, мы мало занимались сексом? Лёшенька, если мы выживем, давай уедем на какой-нибудь остров, где никто не живёт, и будем заниматься этим круглые сутки!

– Замечательная идея. Почему я сам до этого не додумался? – Алексей рассмеялся, словно позабыв, что их жизнь висит на волоске. – Может, начнем прямо сейчас? – он осторожно взял в ладони её лицо и нежно поцеловал её заплаканные глаза.

В этот момент дверь распахнулась, и в каюту шагнул парень, который привёл Лёшу несколько минут назад. Он явно комплексовал из-за своего маленького роста, поэтому пы-

тался выглядеть самоуверенно и надменно. Из-за этого он был похож на молодого петушка, забравшегося в чужой курятник.

– Вот это правильно, что время не теряете. Плохо, что меня не позвали, – скривив губы в надменной презрительной улыбке, сказал он, закрыл за собой дверь и подошёл к Насте.

*****

Владлен Иванович стоял на корме с недопитой бутылкой виски в руке. Год назад он хотел уйти с работы и серьёзно заняться этим санаторием, корпуса которого прятались в тенистом сосновом лесу недалеко от теплохода. Старые панельные блоки, где когда-то отдыхали рабочие местного завода, он хотел снести, а на их месте построить современные коттеджи, сделать причал для яхт и даже гольф-клуб.

Только всё это были мечты. Балагуров прекрасно понимал, что с его должности просто так не уходят. Есть большая вероятность, что новый человек, который придёт в полицию на его место, захочет вместе с рабочим кабинетом и служебным автомобилем прибрать к рукам и то, что Владлен получил за время службы. Значит, работу бросать нельзя.

Но не только это сейчас его беспокоило. Он не знал, что делать с пленниками. Если оставить их в живых, то они смогут показать на него, как на человека, организовавшего похищение девушки и убийство того здорового парня, Григория. А на днях выборы, и кто будет губернатором, совершен-

но неясно. Поэтому всё это может стать для него очень опасным. Значит, будет правильным побыстрее отправить их к рыбам на дно реки. Это с одной стороны.

А что будет, если остался жив тот самый Григорий? Ведь тело его не нашли. Его компромат гораздо опаснее, чем то, что могут сказать эти двое. Если он его где-нибудь опубликует или выложит в интернете, то Владлена самого быстро отправят раков кормить или закопают в какой-нибудь лесополосе. Потому что, пригласив важных людей, не сумел обеспечить их безопасность на том предновогоднем вечере. Если видео с их проказами будет в свободном доступе, то полетят головы не только в России. Может, здесь это и можно замять, но на Западе вряд ли получится. Мало кому понравится, если жители Германии или Франции увидят, как чиновник Европарламента засовывает свой дряблый член в задницу несовершеннолетнему российскому юноше. При этом одевшись так, что даже в сумасшедшем доме этот наряд выглядел бы вызывающе.

Он представил, что с ним, Владленом Балагуровым, могут после этого сделать, и его ноги мгновенно стали ватными, а на лбу появилась липкая испарина.

Значит, главная опасность сейчас этот Гриша. А влюбленная парочка – единственная надежда Владлена на переговоры с ним. Они заложники и предмет для торга. Тем более эта Настя зачем-то очень нужна его начальнику Мухтару Казбековичу.

Не зная, что делать, он в несколько глотков опустошил бутылку и бросил её в реку.

*****

Молоденький полицейский смотрел на Настю с таким вождением, как будто несколько лет вообще не видел женщин. Алексею показалось, что ещё немного и у парня от желания потекут слюни. Лёша встал между ним и Настей, но девушка отодвинула его в сторону и положила руки на плечи озабоченному «петушку».

– Хочешь развлечься? – игриво спросила она и неожиданно крепко прильнула к его губам.

Алексей растерялся, не понимая, что она задумала. Но через мгновение увидел, как парень замахал руками, пытается оттолкнуть девушку, замычал и задёргал головой. Но она крепко прижимала его к себе. Лёша сообразил, что происходит, только после того, как увидел струйку крови, стекающую с уголка Настиных губ. Девушка зубами держала язык или губу незадачливого насильника, чтобы он не мог позвать помощь.

Алексей был намного выше этого парня и, мгновенно оказавшись у него за спиной, сжал предплечьем его шею так сильно, что тот повис на его руке. Настя отпустила охранника и несколько раз сплюнула на пол остатки крови. Через несколько мгновений парень перестал дрыгать ногами, обмяк и потерял сознание. Лёша аккуратно положил его на пол.

Они открыли дверь и, осмотревшись, вышли в коридор. Там никого не было. Ковровые дорожки заглушали их шаги. Осторожно добравшись до лестницы, Лёша с Настей поднялись на палубу и увидели рядом трап, по которому можно было попасть на берег.

– Бежим? – шёпотом спросил Алексей.

Настя посмотрела по сторонам и молча кивнула. За несколько секунд они долетели до трапа и, схватившись за веревочные перила, стали быстро спускаться.

В это время их увидел Владлен. И ещё он увидел, как в рубке теплохода другой охранник сорвал с плеча автомат.

– Не стрелять! – громко крикнул Балагуров. – Брать живыми!

Настя с Алексеем, уже спрыгнувшие с трапа на пирс, оглянулись на этот крик и увидели, как с теплохода за ними бегут несколько человек. Алексей помнил, что недалеко стоит пикап, на котором они сюда приехали, поэтому, нигде не задерживаясь, потащил Настю к нему.

Поднявшись на холм, они выбежали на дорогу. И через пару минут оказались у машины. Там их ждали. Несколько вооруженных мужчин, совсем не похожих на полицейских, от которых они сейчас убежали, окружили их, когда Алексей уже открыл дверь автомобиля.

– Я говорил, что сами придут, – сказал один из них.

В эту секунду из леса выскочили преследователи, которые не ожидали, что им здесь окажут сопротивление. Те, кто

находился в засаде у пикапа, как в тире перестреляли невезучих охранников.

– А что делать с теми, которые остались на теплоходе? – спросил бородатый парень в джинсовой куртке высокого крупного мужчину в пижонистом военном снаряжении.

Тот, заталкивая Настю с Алексеем в салон подъехавшего минивэна, коротко бросил:

– Зачистить.

Глава 10

Давно уже ушёл Алексей, а Николай, пообещавший ему что-нибудь придумать, всё ещё сидел в прихожей и смотрел в большое зеркало на стене, словно надеясь, что его же собственное отражение подскажет ему, что делать. Последние Лёшины слова о предательстве не выходили у него из головы. Он пытался убедить себя в том, что большая глобальная идея важнее жизни одного человека, но ничего не получалось.

Кукушка в часах на стене напомнила: время не ждёт. Он налил большую кружку чая и закатился в гостиную. После того, как съехала жена, он здесь был редко, предпочитая свою маленькую комнату, которая была для него и рабочим кабинетом, и спальней. Коля включил телевизор. Какой-то чиновник с обвисшими щеками и испуганными бегающими глазами рассказывал о том, сколько новых заводов построят в России в ближайшие пять лет.

«А ты не боишься стать таким же лживым клоуном? – спросил Коля сам себя и с тоской посмотрел в окно. – Для чего ты идёшь в губернаторы, если не можешь спасти даже Настю – человека, который тебе поверил больше других? Мечты, идеи ничего не стоят. Человек – это его дела. А ты сидишь и ничего не делаешь, – Коля с такой силой сжал зубы, что они чудом остались целыми. – А если её на самом деле убьют? Как ты будешь жить дальше?»

Он вспомнил, как после одного случая, дал себе клятву никого не подводить. Николай решил, что именно сейчас необходимо вернуться на то место, где тогда в юности всё и произошло. Может быть, там найдутся ответы. Через несколько минут он уже катил по бульвару в сторону реки.

Старый водосброс, еще сохранившийся после недавнего закрытия электростанции, лучше всего был виден с далеко уходящего в реку каменистого мыса, вытянувшегося в пятистах метрах от плотины ниже по течению. Сооружение до сих пор выглядело величественным и помпезным. Отделанный светло-жёлтым гранитом турбинный зал с большими окнами и мощной широкой колоннадой перед входом был похож на дворец. С высоких постаментов смотрели на волжские просторы рабочие разных специальностей. А с другой стороны мыса, защищённый от бурного течения прятался небольшой песчаный пляж, на котором прошло Колино детство.

В тот день ему исполнилось четырнадцать. Было лето и

все друзья ждали его здесь, у реки. Выпросив у родителей остатки торта, который пришедшие к нему домой на праздник взрослые родственники почти не тронули, предпочитая крепкие напитки, он примчался сюда. Кто-то из старших ребят угостил его вином. Это был первый алкоголь в его жизни.

С чего начался спор, он уже забыл, но хорошо помнил испуганные глаза ровесников и нагловатый прищуренный взгляд парня, с которым он поспорил.

Коля заявил, что проберётся на плотину и спрыгнет с неё прямо в водосброс, которой в тот год из-за половодья был мощным, напоминая большой водопад. Никто не принял его слов серьёзно. Выжить после такого прыжка было невозможно. Но тот парень сказал, что готов поспорить. В случае своего проигрыша, он пообещал для всей компании купить ящик пива. Ну, а если Николай испугается и не прыгнет, то искать деньги на пиво придётся ему.

Все, кроме этого парня, пытались уговорить Колю не делать глупостей.

– Ты готов рискнуть жизнью ради пива? – презрительно поджав губы, спросила его одноклассница Лена Горшкова. – Значит, не очень сильно ты её ценишь.

Ленка ему нравилась. Может, поэтому он, не отвечая, побежал в сторону плотины.

За несколько минут Коля добежал до электростанции, пролез под забором и оказался на бетонном ограждении водостока. На мгновение, когда он увидел внизу бурлящую ла-

ву и услышал всё заглушающий шум этого водопада, у него появился страх, но в следующую секунду он, сильно оттолкнувшись, уже летел с десятиметровой высоты, стараясь окунуться в реку, как можно дальше от того места, куда падают тонны воды.

Ему не повезло. Инерции не хватило, и он плюхнулся прямо под мощный поток. От тяжелых ударов Коля почти потерял сознание и точно бы утонул. Его прыжок увидел один из рабочих станции. Не снимая одежды, он прыгнул вслед за Николаем. У него получилось пролететь чуть дальше и не попасть под водопад. Но чтобы вытащить Николая, которого крутило под водяной лавиной, ему пришлось подплыть ближе к опасному месту. Колю то выбрасывало на поверхность, где на него обрушивалась вода, то затягивало в водовороты, тянувшие вниз.

Только через несколько минут борьбы с водой спасателю удалось схватить бесчувственное тело за руку и вытянуть из этой адской круговерти. Но нужно было ещё добраться до берега. От плотины начиналось сильное течение, которое подхватило их и понесло по реке. Парень старался, удерживая Колину голову на поверхности, подгрести к каменному мысу. Сил у него хватило, только чтобы передать Николая ребятам, зашедшим глубоко в воду. Сам он не смог ни за кого зацепиться, и река быстро унесла его дальше. Его тело нашли поздно вечером в десяти километрах ниже по течению.

Сейчас Коля сидел у этих камней и думал, что ведь не зря же этот парень дал ему шанс сделать что-то толковое в жизни. Еще недавно ему казалось, что он всё делает правильно, и значит, судьба не зря так часто помогала ему. Но смысл его жизни, который ещё вчера был простым и понятным, опять, как мираж, растворился в воздухе. Он будто потерял что-то очень важное. Какую-то необходимую деталь, которая соединяла всё в единый, хорошо работающий механизм.

Он по себе знал, что значить остаться с бедой один на один. И сам часто повторял, что во все времена в России ради больших целей забывали о маленьком человеке. Но сейчас этот выбор предстояло сделать ему самому.

Не зная, что делать дальше, Николай будто провалился в летаргическое оцепенение. У него перед глазами проплывали давно забытые лица то друзей, то врагов... Они что-то ему говорили, но он не слышал их слов. Он словно опять был один на краю ограждения плотины. Только в этот раз сомнения и страх парализовали его волю и он, как в кошмарном сне, не мог пошевелить даже пальцем.

Его вернула в реальность чья-то рука, опустившаяся на плечо. Он вздрогнул, но через мгновение его окружил чуть уловимый запах духов, которые очень любил. Ему стало страшно повернуть голову и вспугнуть своё счастье.

– Здравствуй, Коля, – услышал он голос жены.

– Как ты меня нашла?

– Почувствовала, что ты здесь.

– Ты мне очень нужна.

– Поэтому я здесь. Пойдем домой?

– Домой? Ты надолго? – спросил он, волнуясь.

– Хотелось бы навсегда, – просто ответила она.

Коля развернул коляску и посмотрел на жену.

Не зря он дрался из-за неё со всеми хулиганами её района.

Красивее женщин он не видел. Была в ней та особая притягательность, которую невозможно подделать или чем-то подменить. Трудно было объяснить, из чего она складывалась. Но точно чего в ней не было, так это пустой суеты и ложной высокомерности, которой отталкивают от себя однодневные красотки, сделанные будто по единому лекалу. Её красота была вечной, и она проявлялась не только в форме носа и скул, глаз или губ, в размере груди и бёдер. Её красота исходила изнутри, околдовывая всех, кто был рядом.

У подъезда дома их ждал Анатолий Петрович Скуратов.

– Звоню тебе весь день, а ты не отвечаешь. Начал волноваться. Вот и заехал, – громко поприветствовал генерал Николая. Было видно, что его обрадовало возвращение Наташи. – Подниматься не буду. Но если у вас есть время, то вон в сквере скамейка – уделите старику пять минут.

Они прошли в тихий угол старого двора, скрытый нежно-зелёными липами. За деревянными перголами, по которым поднимались вьюнки клематиса с розовыми и белыми цветами, был отгорожен небольшой цветник, обустроенный

местными жителями. Несколько клумб окружили альпийскую горку с гранитными валунами, привезёнными с реки. Пёстрые анютины глазки и петунии, ярко-оранжевые бархатцы, тёмно-синие фиалки, красочные бегонии и весёлые ромашки радовали глаз и создавали хорошее настроение. Кажется, даже климат в этом месте сменился с северного на средиземноморский.

– Хороший у вас район. Зелени много. Чистенько кругом. Я вчера зашёл по делу к одному приятелю, – вспомнил генерал. – Он живет в двухэтажном доме, который ещё пленные немцы после войны строили. Снаружи домик хорошо выглядит: светленький. Но внутри... – он опустился на маленькую скамейку рядом с клумбами и глубоко с наслаждением втянул носом запах цветов. – Там по две квартиры на этаже и лестница деревянная. Под лестницей какие-то грязные ведра, старые санки, доски, коляски детские, которыми никто давно не пользуется. Лестницу не красили, наверное, со дня строительства, стены изрисованные... Я спрашиваю приятеля: «Почему бы вам субботник не сделать? Купили бы пару банок краски. На четыре квартиры – это копейки. И за день всё бы в порядок привели. Своё же». А он мне отвечает: «Это не своё, а общественное. Пусть город ремонт делает. Потому что обязан». К чему это я? Сам уже забыл, – Анатолий Петрович рассмеялся. – Ах, да! К тому, что люди, от таксиста и слесаря до министра, привыкли считать, что страна – это дойная корова, которая им всегда обязана. А ведь страна –

это мы.

– Люди видят, что происходит вокруг, – возразил Николай. – Как на субботник, так «вся страна – одна семья». А как в Лондон деньги вывозить, так «каждому своё».

– Так-то оно так, – согласился Анатолий Петрович. – Но кто эти деньги ворует? Директор управляющей компании – он откуда? Свой же, местный. Получается, сами у себя ворует. Может, из-за этого мы всегда и были бедными.

– Можно сделать так, чтобы желание что-нибудь украсть никому даже в голову бы не приходило, – тихо, но твердо произнёс Николай. Он сидел весь сжавшись, как пружина. Лишь иногда из-под густых бровей бросая взгляд то на жену, то на Скуратова.

– Так пробовали же. Не одну сотню лет. И ноздри рвали, и руки рубили, и в лагеря сажали. А всё никак не получается.

– Может, надо было попробовать сказать людям правду?

– Правду? – переспросил Анатолий Петрович и с любопытством посмотрел на Николая. – А что в твоём понимании «правда»?

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь листву, оставляли на плитке у них под ногами контрастные узоры.

– Как это «в моем понимании»? Правда она и есть правда, – раздражённо ответил Коля.

Наташа, которая до этого стояла чуть в стороне, почувствовала, что муж нервничает, присела на скамейку рядом с ним и положила руку ему на колено.

– А я думаю, никакой правды... такой, чтобы для всех сразу, не существует, – произнес генерал и примирительно улыбнулся. – У зайца в лесу она одна, у волка другая. Мы видим всё вокруг, пропуская через себя, через свой жизненный опыт... А мы разные. Поэтому и правда у всех нас разная, – ему было трудно из-за солнца смотреть на Николая и он передвинулся в тень. – Да и если честно, то не нужна народу никакая правда. Народу, как женщине, нужны комплименты. Проще говоря, сладкая ложь о его величии и исключительности. И тогда народ счастлив. Комплименты кормят людей лучше хлеба. Человек верит в то, во что ему нравится верить, а не в то, что его ждёт на самом деле. Даже в своей неизбежной смерти он сомневается.

– Плохо вы о людях думаете, Анатолий Петрович. Зачем бы люди тогда костями ложились, защищая свою Родину и свои идеалы?

– Иногда расставаться с иллюзиями труднее, чем с жизнью, – усмехнулся Скуратов. – Ну и зависть...

– Вы о чём? – растерялся Николай.

– О том, что для большинства главная радость – смотреть, как успешного соседа Лазаря черти на том свете на сковородке жарят, – рассмеялся генерал. – А ещё лучше, если и на этом свете получится жулика-богатея к стенке поставить, а его имущество растащить...

– А что в этом плохого? – нетерпеливо прервал его Николай.

– Плохо то, что обычно из этого не выходит ничего толкового. Потому что зависть эту разные чужие дяди используют совсем не в добрых целях. Я, собственно, об этом и пришёл поговорить, – Анатолий Петрович встал и отряхнул брюки. – Если ты, Коля, победишь на выборах, а я уверен, что так и будет, то тебе надо будет не шашкой головы рубить, как ты обещаешь, а подумать, как обеспечить преемственность и стабильность. Нигде и никогда перевороты, революции и другие попытки быстро всё изменить не привели к улучшению жизни людей.

– Странно это от вас слышать. В тех же книгах написано, что от дурной смоковницы не жди хороших плодов. Значит сад, от которого нет пользы, надо вырубить до основания и посадить новый

– А кто, по-твоему, будет сажать этот новый дивный сад? И где взять рассаду? Проходили уже, – генерал подошёл к клумбе с анютиными глазками и, похрустев коленями, опустился на корточки. – Может, пришло время не дровосеком поработать, а садовником?.. Всегда одни люди будут богаче, другие беднее. Так же и страны. И зависит это не от правительства, а от народа, который живёт в этих странах. Если человек работающий и образованный, то и дом у него хороший, и забор ровный. А если он пьёт водку через день, то крыша из соломы и кривой плетень вокруг дома.

– Это полная ерунда! – не согласился Николай. – Я уверен, что плохое образование и водка – это от бедности. Ко-

му-то очень не хочется, чтобы мы из дерьма вылезали. Чтобы в одной стране люди хорошо жили, в десяти других народ должен за тарелку риса работать. Какое уж тут образование. Вот и весь секрет богатства, благополучия и ровного забора. Чтобы это изменить, я и пошёл на эти выборы. Если они не хотят по-хорошему, мы будем свой мир строить. А их от себя забором отгородим.

– И будем здесь за кривым забором революционные песни петь? – рассмеялся генерал. – Проходили уже. Но не понравилось людям, что вместо туалетной бумаги – газета «Правда», а вместо колбасы – лозунги и обещания. Так что не получится. Революции как раз и организуют для того, чтобы некоторые страны из бедности не выбирались.

– А я не собираюсь играть по чужим правилам, у нас своя страна и свои правила, – теперь Коля говорил тихо, но в его голосе появилась уверенность и сила. – Когда речь идёт о выживании, важно только одно – свой рядом с тобой человек или чужой. Потому что чужой – это всегда враг. Какие бы сказки он не рассказывал, какие комплименты не говорил... Тысячи лет люди выживали в своей стае, в своём племени. Так и сейчас. Хочешь выжить – живи для своей стаи. Или уходи... Это закон и он не изменится никогда.

– Надеюсь, мы не окажемся с тобой в разных стаях, – очень серьёзно произнес генерал. – Только ты должен знать: дракона легко выпустить, но очень трудно загнать обратно.

– Лучше кормить своего дракона, чем чужого.

– А ты не боишься, что у тебя будут проблемы с нашим государством?

– Это будет означать, что в государстве у нас что-то не так. А я давал присягу – поздно мне бояться. Да и вы, товарищ генерал, не просто так мне про некрашеную лестницу рассказывали. Если не я, то кто?

Анатолий Петрович Скуратов понял, что Николай сделал свой выбор и теперь его ничего не остановит. Это его обрадовало. Именно в этом он и хотел убедиться, когда решил съездить к нему перед самыми выборами. Ему очень нужен был именно такой искренний и честный человек, который может стать символом для людей. Который не испугается, не свернёт. Генерал знал: большая война неизбежна. Фактически она уже началась. Чтобы выстоять и сохранить страну, придётся использовать все средства. И то, что не сможет сделать он сам, сделает этот парень...

Он крепко пожал Николаю руку. Кивнул Наталье и пошёл по аллее, думая уже о другой части своего большого плана.

Коля улыбнулся жене, но улыбка вышла грустной и не очень естественной.

– Может, я неправ? – немного растерянно спросил он.

Посмотрев в его глаза, Наташа поняла, что за громкими словами он прячет свои страхи и сомнения. И неожиданно заплакала.

– Что с тобой?

– Я думала, что тебя кроме твоей цели ничего не интересует. И жизнь строишь исходя из этого. Поэтому не нужен тебе никто. Думала, что ты железный и сам со всем справишься. Места себе рядом с тобой не находила. Ведь ты же герой... Зачем тебе баба глупая? – она улыбнулась сквозь слезы. – Счастье делила на своё и твоё... А так не получается. Счастье бывает только общим. И ещё я поняла, что и тебе помощь нужна. Не железный ты, не каменный... – Наташа, не стесняясь, вытерла рукой слёзы и рассмеялась. – Поэтому делай то, что считаешь нужным, а я буду прикрывать твою спину и подавать патроны...

Коля поцеловал её солёную щёку, достал из кармана телефон и сказал:

– Тогда начинаем план «Б»... Не одни мы, Наташа. Это наш дом.

*****

Пуля, попавшая в Гришино плечо, прошла навывлет. Знакомый врач, ни о чём не спрашивая, обработал рану и вколол обезболивающее. Через час Гриша купил ноутбук, зашёл в кафе с хорошим вайфаем, зарегистрировался на ютубе, и скинул во всемирную сеть весь компромат, который у него был.

– А теперь я буду смотреть, как вы будете пожирать друг друга, – пробормотал он и захлопнул крышку ноутбука.

Глава 11

– Не помню такого жаркого лета. Пыль, мухи, духота неимоверная. А у меня астма и сердце пошаливает, – жаловался Борис Семёнович.

Губернатор действительно выглядел очень плохо. Висячие щёки покрылись розовыми пятнами, голос дрожал, маленькие глазки слезились и было похоже, что он готов расплакаться. Но не астма была этому виной. На площади перед администрацией собралась громадная толпа. Она заполнила всё пространство площади до реки и, не вместив всех, растекалась в ближайшие улицы.

– Надеюсь, к вечеру свежий ветерок принесёт облегчение, а тут это... – причитал губернатор. – Завтра же голосование. Как их проводить в таких условиях?

– Два года прошло, и мы опять наступили на те же грабли. Уже весь лоб в шишках. Ничему не научились, – Саша смотрел в окно из кабинета губернатора на толпу, которая с высоты последнего этажа напоминала ему фантастического кальмара с щупальцами, спрятавшимися в переулках. Иногда по толпе проходила волна, и она колыхалась, будто глубоко и жадно вдыхала чуть остывший к вечеру воздух, готовясь забраться на широкие ступени здания администрации. – Только в прошлый раз была импровизированная трибуна и покрышки... Сейчас обошлись без лишних декораций.

– А это очень плохо, – отозвался Скуратов. – Когда трибуну ставят – значит, хотят поболтать, а покрышки жгут, что-

бы сделать картинку для ТВ. Эти люди языками трепать не собираются и их не волнует, что покажут в новостях.

– Похоже, мы их сильно разозлили, – заметно волнуясь, вставил губернатор. Он был напуган и растерян.

– Ничто так хорошо не объединяет людей, как общий враг и общая ненависть. И теперь этот враг – мы. Так что, Борис Семёнович, сушите сухари... Это в лучшем случае, – Саша попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой и невесёлой.

– Это всё из-за этого лживого фильма на ютубе, – с ненавистью произнес губернатор. – А нельзя их танками? – обратился он к генералу. – Как китайцы.

Анатолий Петрович с любопытством взглянул на бывшего либерального журналиста, а сейчас главу региона, но ничего не ответил.

– Фильм, кстати, интересный, – усмехнувшись, произнес Александр. – А правда, что ваша дочка, Борис Семёнович, организовала в Лондоне клуб «Бриллиантовая корона» для детей российских богачей? Вы бы ей сказали, что сейчас не время людей злить...

– Это всё враньё, Александр Аркадьевич! Весь этот фильм враньё! – замахал руками губернатор. – По крайней мере, всё, что касается меня, сплошная ложь. Про других не знаю. Ничего не могу сказать. Надо организовать расследование и всё проверить...

– Да и супруга ваша хороша, – перебил его Саша, рас-

смеявшись. – Ну, зачем ей фаллоимитатор из нефрита со шлифованными вставками из драгоценных камней и золота? Ведь порежется... Есть же нормальные силиконовые.

– Она это... – заикаясь, начал губернатор, густо покраснев. – Не для этого... Не для баловства...

– А для чего? Для культовых ритуалов? – не унимался Александр. – Афродите поклоняется?

– Вы заметили, что нет никаких лозунгов, никаких требований? Никто ни к чему не призывает, – поделился своим наблюдением генерал.

– Это плохо или хорошо? – быстро откликнулся Борис Семёнович, чтобы сменить скользкую тему. – Почему они просто стоят, ничего не требуют и не уходят?

– Мне кажется, они ждут какой-то команды.

– Команды? – переспросил Саша.

– Приказа, распоряжения, сигнала... называйте как хотите.

– Приказа на что? – испуганно спросил губернатор.

– Не знаю... Может быть, на штурм нашей администрации.

– Как это на штурм? А где вообще наша полиция, армия? Кто будет нас защищать?

– Вы, Борис Семёнович, посмотрите внимательно на то, что у вас за окном происходит. Здесь десятки тысяч людей. Кто их может остановить? – Скуратов с брезгливостью посмотрел на губернатора. – А за спинами тех, кто пришёл сю-

да из-за этого фильма, прячутся профессиональные боевики и провокаторы. Они только и ждут, что мы силу применим. Крови будет много, а толку никакого.

– И что же делать? Ждать, когда они ворвутся в здание и выкинут нас из окон, а потом повесят наши изуродованные тела на площади, как Годуновых пятьсот лет назад?

– И опять начнётся смутное время, – все еще пытался шутить Александр, – или, может, наконец-то оно закончится.

– Но мы этого уже не узнаем, – обиженным голосом напомнил ему губернатор.

– Каждой толпой кто-то управляет и этой тоже, а управление можно перехватить. Та же толпа, которая громила Годуновых по приказу Лжедмитрия, всего через год разорвала самого Гришку и поляков, которые привели самозванца на русский трон.

– Да что вы как сговорились, – уже чуть не плакал губернатор. – Через год нам будет наплевать. Точнее, нас уже червяки съедят. А лучше было бы, чтобы этой толпы вообще не было

– Для этого вы, как губернатор, должны были не нефритовыми членами баловаться, а делом заниматься! Эту толпу готовили не один день, не один год. Готовили разрушать.

– А вы где были? Чем вы сами-то баловались? – обиженно вскрикнул Борис Семёнович, но тут же осёкся. – Все равно, я думаю, армия нужна. Она бы здесь быстро порядок навела, – добавил он примирительно.

– Или влилась бы в эту толпу и стала частью этой силы, – возразил Скуратов. – Посмотрите на Волгу. Вроде тихая и спокойная, но что её может остановить? Всё, что в неё впадает, лишь увеличивают её мощь...

– Вы правы, Анатолий Петрович, – произнёс Саша, рисуя пальцем на оконном стекле какие-то символы. – Революции – давно уже не стихийный бунт ущемлённых людей, а хорошо спланированное мероприятие, направленное на свержение действующей власти. Где-то мы промахнулись. Недоработали. Надо было лучше своим народом заниматься. Или сделать для него палку крепче или дать ему морковку послаще. А теперь нашей паствой другие люди управляют. И это оказалось не так сложно. Все революции основаны на использовании банальной зависти ленивого гопника к очкастому интеллигенту.

Скуратов вспомнил свой разговор с Николаем. Именно эти слова он говорил ему только вчера, но сейчас, глядя на людей внизу, он подумал, что ошибся.

– Уверен, что не только зависть. Люди не хотят быть тем скотом, которого морковкой на бойню заманивают. Людям нужны ответы. А мы загордились, окружили себя охраной и на их вопросы отвечали уголовными делами и ложью. Ведь сознайтесь, Александр Аркадьевич, вы когда из Барнаула в Москву перебрались, то о всех своих бывших земляках стали думать как о ленивых бездельниках, – генерал посмотрел на Бориса Семёновича. – И нашим гражданам это надоело. Я

удивляюсь, что они так долго терпели, а не вздёрнули нас на фонарных столбах лет десять назад.

– Может и так, – согласился Александр. – А кстати, почему раньше не вздёрнули?

– Может, потому что не хуже нас знают, к чему это может привести. А яхт и дворцов в Калифорнии и Париже у них нет. Здесь их Родина. Им здесь жить и детям их.

– Какая Родина? – воскликнул губернатор, у которого был домик и в Париже, и в Калифорнии. – Родина там, где жопа в тепле.

– Так у них она здесь в тепле. Потому что с голой жопой даже в Калифорнии замёрзнешь. Здесь их дом. И они хотят быть хозяевами в своём доме. Что прагматично и справедливо.

– А я, как и губернатор, думаю, что нет никакой Родины, – неожиданно поддержал губернатора обидевшийся на генерала Александр. – Все эти сказки про Родину придумывает власть. То есть мы с вами. И закладываем людям в голову, как в пустую кастрюлю. Вчера был царь-батюшка, и идей было православие, самодержавие и народность. Потом царя расстреляли, и идея изменилась на марксизм-ленинизм. Коммунизм отправили на свалку, и идеей стала либеральная демократия – каждый сам за себя. Неважно, какая идея: главное, чтобы она нам помогала держать народ в стойле.

– Не думаю, что всё так просто, – Скуратов отошёл от окна и, обращаясь только к Александру, произнёс: – Страна –

это не царь-батюшка и не президент. И не измы всякие, а люди. Каждый человек живущий, сейчас или живший здесь, в этом месте, на этой великой реке сотню лет назад оставил свой след. Кто-то маленький, кто-то побольше. Эти следы сложились в тропинки, тропинки в дороги. По этим дорогам мы идём и по ним пойдут наши дети. Эти тропинки и дороги – это наши корни. Поменять, изменить их невозможно. И неважно, сколько у тебя денег – без корней ты никто. Поэтому надо защищать свои дороги. То, куда ты идёшь, делает тебя тем, кто ты есть. А мы пытаемся водить людей по кругу с повязкой на глазах. Поэтому они сегодня здесь. Не хочется им быть слепыми осликами, набивающими кошельки всяких жуликов.

В этот момент на площади поднялся шум. Какой-то парень заскочил на ступени администрации, которые до этого момента были будто границей, и быстро вылив на себя какую-то жидкость из бутылки, чиркнул зажигалкой и вспыхнул как огромный факел...

Глава 12

Комплекс зданий компании «Лондон-Париж», где обосновалась Мадлен фон Грей и большой штат сотрудников западных спецслужб, как и большинство домов на набережной, были построены в конце девятнадцатого века – в период расцвета Российской империи.

Американское правительство выкупило эту усадьбу у за-

гулявшего купца первой гильдии Ивана Рябушкина за три года до февральской революции семнадцатого года. Выкупив, сразу передало в бессрочную аренду «Христианскому союзу молодежи» – организации, которая под видом просветительской деятельности продвигала по всему миру американские интересы. Такие центры были созданы во всех крупных городах Российской империи.

После Октябрьской революции в Россию прибыли сотни новых сотрудников. Они распространяли специально подготовленную литературу, составляли программы для общеобразовательных школ, вмешивались в работу органов власти. В некоторых регионах их влияние было таким большим, что они полностью контролировали местные Советы рабочих и крестьянских депутатов.

Через несколько лет вывеску организации пришлось сменить. Необходимо было уничтожить русскую православную церковь – главного противника реформ. А организовать эту борьбу от лица христианской молодежи было не очень комфортно.

Название компании менялось неоднократно. Официально она занималась экологией, просвещением, заботой о климате, но главная цель всегда была одна – не только формирование общественного мнения, но и установление максимального контроля над работой российских государственных органов.

– Больше нет смысла скрывать наши планы. Маски сбро-

шены, – Мадлен встретила Алика Пашаева у чугунных ворот «форпоста демократии среди туземцев», как она называла свою резиденцию. – Какие новости? – взволнованно спросила она, двумя своими сухими ручками охватив предплечье молодого человека и потянув его вглубь территории.

– Мы зачистили всю верхушку полиции. Даже насквозь прогнившего руководства в этом городе больше нет. Нас больше некому остановить. Отсюда мы легко начнем марш на Москву.

– Все оказалось даже проще, чем мы планировали. Я всегда говорила, что Россия – это колосс на глиняных ногах. Такой же раздутый монстр, каким была и Российская Империя, и Советский Союз. С виду грозные, а рушатся от малейшего толчка. Потому что всё нутро гнилое. И народ, и элита.

– Мы захватили двух людей: парня с девчонкой. Их преследовали люди Владлена Балагурова – заместителя начальника полиции. Что с ними делать?

– Они нам не нужны, – Мадлен взмахнула рукой, будто отгоняя навязчивую муху. – Лес рубят – щепки летят. Мы сейчас имеем реальный шанс начать процесс полного уничтожения этой страны. Мы не будем повторять ошибок как в семнадцатом, когда сохранили страну, отдав её под контроль большевиков, или как в девяносто первом, когда передали управление олигархам. Сейчас мы её просто ликвидируем. Потом перепишем историю и упссс... Ничего не было. От страны останется только пыль...

– То есть начинаем? – спросил Алик, подумав, что старушка совсем впала в маразм, и пришло время самому возглавить эту революцию. Не для того он положил столько сил, чтобы теперь, когда власть почти в его руках, всё превратить в пыль.

– Очень жаль, что они не разгоняют толпу, – поморщилась Мадлен. – Это помогло бы объяснить всё нашим западным тупоголовым обывателям. Но теперь уже наплевать. Для информационных агентств мы сделаем любую картинку. Так что начинайте!

В следующее мгновение Мадлен увидела, как пуля вошла в лоб Алику чуть выше правой брови и, вылетая с другой стороны, оторвала ему затылок и вышибла мозги, ошмётки которых забрызгали её лицо и одежду. Она описалась и упала в обморок.

Очнулась она в кресле в своём кабинете. Перед ней в инвалидной коляске сидел темноволосый парень. Она точно знала, что где-то его видела, но никак не могла вспомнить где. Рядом с ним стояли вооружённые, хорошо экипированные люди. Из коридора и открытого окна доносились команды на русском языке. Она поняла, что здание захвачено.

– Ну что, сука старая, доигралась? Сидишь с мокрыми трусами и трясешься от страха, а ведь пять минут назад хотела целую страну в пыль стереть...

– Кто вы такие? Что себе позволяете? Где охрана? Вы не представляете, что с вами сделает моё правительство, – по-

пробовала закричать Мадлен, но вместо громких фраз из горла вырвался хриплый еле разборчивый шёпот.

– Ты всё ещё надеешься, что из-за тебя, дырявой колоши, твои хозяева Российской Федерации войну объявят? Не смеши. Выразят озабоченность и проглотят.

Николай, облокотившись рукой о стол, встал с коляски, стараясь не показывать, какую боль он испытывает.

– Думала нас между собой стравить, чтобы мы тебе на радость здесь бойню устроили? – Коля дрожал. Острые раскалённые иглы кололи слабые ноги. Но он был спокоен и на сердце у него было легко: решение было принято и обратной дороги больше нет. – Вот что ты должна уяснить. Мы тебя сами в пыль сотрём. И хозяевам своим передай. Всех, кто к нам сунется, кто даже подумает нам в чём-нибудь навредить – найдём. Никто нигде не спрячется. Если понадобится, из-под земли достанем, сожжём и пепел по ветру развеем, – он опустил на коляску и, прикрыв от боли глаза, продолжил: – Для нас теперь нет правил. Точнее, правило одно. Родина превыше всего! И для её защиты нет запретных методов.

Эпилог

За большими во всю стену окнами зала ожидания аэропорта, природа, словно на прощание, показала, что теряют люди, улетая из дома в чужие края. Солнце, недолго прятавшееся за тёмным лесом на горизонте, вот-вот готовилось показаться. Но перед этим, предвосхищая своё появление,

уже раскрасило одну половину неба такими красками, что не выпавшие пассажиры, забыв про дорожные хлопоты, не могли оторвать глаз от нежно-жёлтых, таинственно-голубых и волнующе-алых отблесков рождающегося рассвета.

Мадлен фон Грей не замечала этой красоты. В сопровождении нескольких человек она, суетливо озираясь и видя в каждом человеке врага, спешила спрятаться в бизнес-зале. С неё слетела вся мишура самоуверенности, и сейчас вдоль стены семенила торопливыми шагами не женщина, сметающая страны и правительства, развязывающая войны и революции, а обычная напуганная старуха, которую больше всего беспокоит, не забыла ли она положить в сумочку необходимые лекарства.

– Никогда бы не поверил, что эта бабушка чуть было не устроила у нас гражданскую войну, – усмехнувшись, показал на неё своим спутникам Гриша, хорошо знавший её по своим материалам. – С виду божий одуванчик.

– Да от неё много и не требовалось, – Алексей с любопытством проводил взглядом женщину, которая готова была уничтожить его с Настей и тысячи других людей ради каких-то непонятных целей. – В России всё к этому давно подготовлено. Сейчас эту искру потушили, но пожар всё равно вспыхнет. А поджигателей опять привезут в plombированных вагонах по согласованию с нашими же властями. Так запылят – мало не покажется.

– Это точно, – согласился Гриша. Он полулежал в неудоб-

ном кресле аэропорта, вытянув длинные ноги, и смотрел в окно. – Я все-таки так и не разобрался кто вас спас: те вооруженные парни, неизвестно откуда взявшиеся, или толпа, которая пришла после них.

– Мы сами не поняли, – ответила Настя. – Сначала были крики, выстрелы. Потом кто-то открыл дверь подвала, где нас держали. А когда мы вышли на улицу, на территорию ворвалась толпа и начала всё громить. Нам сказали, что они пришли с площади перед администрацией... Мы не стали выяснять и быстро оттуда умчались.

– Кто-то легко перенаправил этих людей, – Гриша поджал ноги, чтобы пропустить девушку, которая в ожидании рейса нервно ходила между рядами. – Они же хотели администрацию громить, но... Сейчас технологии могут всё, – он проводил взглядом нетерпеливую пассажирку с красивой фигурой. – Очень скоро они уничтожат человека разумного. Старый мир умирает. Скоро мы все станем не нужны. Отцы-инквизиторы знали, к чему ведут всякие Коперники и Галилеи.

– Если конец цивилизации неизбежен, то зачем куда-то бежать? – задумчиво, ни к кому не обращаясь, спросила Настя. – Может, не стоит никуда лететь?

– Я вот, кстати, тоже об этом думаю, – поддержал её Григорий. – Страшно, конечно, оставаться, но эта старая мымра, если и разожгла во мне какую-то искру, то совсем не ту, которую, наверное, хотела. Мне кажется, я стал пламенным патриотом. Да и за брата хочется отомстить.

– Не валяй дурака, – резко осадил его Алексей. – Тебя чуть не убили те, кто обязан охранять. И они доделают начатое, не обращая внимания на то, кем ты стал. Да и вообще... Кто-то специально из одного человека делает патриота, из другого – либерала. Чтобы потом их сравнить, а в мутной воде наловить побольше золотых рыбок. Нас с тобой, Гриша, хотят сравнить. Понимаешь? А мы ведь дружим с детства.

– Может, теперь всё изменится? – неуверенно спросила Настя.

– С чего бы это? Российское государство сотни лет существовало для того, чтобы собственных граждан как рабов эксплуатировать. И сейчас тем же самым занимается. За тёплое местечко на Западе наши государственные мужи продадут всех нас вместе с нашими убеждениями...

– Думаешь, у них там на Западе что-то по-другому? – оборвала Алексея Настя.

– Нет, не думаю. Но там мне никто не будет в уши ссать, что государство для народа.

– И там, Лёша, будут. Только ещё изощрённей, потому что политики там умнее и опытнее.

Она с грустью смотрела в окно, и Алексей понял, что ехать Настя никуда не хочет и ей нужен только повод, чтобы сообщить об этом.

– Так что же делать? – спросил он удрученно.

Настя молчала.

– Сейчас каждый сам выбирает свою дорогу, – Гриша

встал и закинул на плечо небольшой дорожный рюкзак. – Слишком много противоречий скопилось в мире. Большая война неизбежна. А если так, я хочу быть здесь, на Родине, и мне неважно, права она или нет... в каком-то глобальном цивилизационном смысле.

Лёша понял, что произойдёт дальше, и вспыхнул:

– Хватит ерунду нести! – он вскочил. – Родина – это культурный код. Чехов, Толстой, Репин с Серовым, берёзки на речке. Букварь с картинками и скворечники по весне. Зачем за это надо идти погибать самому или, что ещё хуже, убивать других? – стоя напротив Григория, Алексей, взмахивая одной рукой, говорил так громко, что в тишине зала ожидания его слова эхом разносились до каждого угла. – Разве, если тебе оторвёт снарядам руки или ноги, Родине будет лучше? И люди станут больше любить Пушкина и перестанут бросать мусор из окна? Цель любой войны – это деньги и власть, а народ – лишь пушечное мясо.

– Так-то да... – Гриша, большой и спокойный, приобнял разгорячившегося приятеля и тихо прошептал ему на ухо: – Но веришь, наплевать мне на них. Я отвечаю за себя. Есть что-то такое, что дёргает за какие-то ниточки внутри меня.

– Ты бы лучше подумал, кто тебя за эти ниточки дёргает, – немного обиженно отстранился Алексей и сел на своё место.

– Много думать вредно, – примирительно произнес Григорий. – Жизнь вообще штука непонятная, а тут хотя бы иллюзия какого-то смысла. Убери его и посыплется всё осталь-

ное. По крайней мере, у большинства людей ничего не останется.

– Я тоже не хочу уезжать, – наконец-то решила Настя. – Я тоже хочу жить здесь дома.

– Да нет никакой Родины! – воскликнул Алексей и опять вскочил с кресла. – Есть страны, где тебе уютно и комфортно, а есть, где тебя хотят поиметь. Здесь уже никогда лучше не будет. Место такое. Тысячу лет обещают и тысячу лет обманывают.

– Да. Всё так. Но ты же сказал: Родина там, где тебе комфортно, – Настя тоже встала и, пытаясь найти правильные слова, положила ладони ему на грудь. – Мне комфортно здесь. Я хочу говорить на родном языке с теми, кто читал со мной одни и те же книги, смотрел мои любимые фильмы. У кого со мной общая история и одинаковые герои. Это очень многого стоит. Уж точно мне это дороже уюта и натянутых европейских улыбок, – она приобняла Алексей и попыталась усадить его в кресло. – А у нас может, и правда, всё изменится. Придут к власти порядочные люди. Патриоты. Как Коля...

Алексей не хотел сидеть. Он сделал шаг назад, всё еще надеясь переубедить Настю.

– А где гарантия, что этот Коля со своей компанией не устроит войну со всем миром? Где гарантия, что его патриотизм не приведёт к фашизму? Где гарантия, что через год за любую мысль, отличающуюся от официальной, не будут рас-

стреливать под крики толпы «убей бешеную собаку»? Проходили уже. И главное, где гарантия, что этот Коля не приманка, на которую поймают всех других патриотов для утилизации?

– Скорее всего, ты прав. Может, не во всем, но во многом. Но... Если я уеду сейчас, я всю жизнь буду думать, что что-то не доделала. И буду в этом винить тебя, – Настя заплакала и прижалась к Алексею, обхватив его руками. – Такие дела, Лёшенька, – она быстро и решительно отстранилась от него и шагнула к Григорию. – Но если мы будем нужны друг другу, то судьба всё равно нас выведет на правильную дорогу. Удачи тебе.